

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

СОБИРАТЕЛИ
РАКУШЕК

Великая сага,
дарующая удовольствие
и согревающая душу...

The New York Times
Book Review

The Big Book

Розамунда Пилчер
Собиратели ракушек

«Азбука-Аттикус»

1987

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Собиратели ракушек / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус»,
1987 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14634-1

Жизнь трех поколений английской семьи, описанная с любовью и теплотой, яркие характеры героев, увлекательный сюжет, в основе которого – тайна, сама атмосфера этой жизни, лирическая тональность повествования, – все это сделало роман известной писательницы Розамунды Пилчер бестселлером, любимым читателям многих стран.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14634-1

© Пилчер Р., 1987
© Азбука-Аттикус, 1987

Содержание

Пролог	6
1. Нэнси	10
2. Оливия	21
3. Космо	33
4. Ноэль	57
5. Хэнк	67
6. Лоренс	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Розамунда Пилчер

Собиратели ракушек

Rosamunde Pilcher
The Shell Seekers

© 1987 by Rosamunde Pilcher
© И. Бернштейн (наследник), перевод (пролог, гл. 1–5), 2018
© Ю. Жукова, перевод (гл. 6–9), 2018
© И. Архангельская (наследник), перевод (гл. 10–11), 2018
© Г. Здорных (наследники), перевод (гл. 12–16), 2018
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим детям и детям моих детей

Пролог

Такси, старый «ровер», пропахший сигаретным дымом, не спеша ехало по пустынной загородной дороге. Был самый конец февраля, холодный сказочный зимний день в белом инее, под бледным, ясным небом. Солнце светило, протягивая тени, но не дарило тепла, и вспаханные поля лежали твердые, как камень. Над крышами разбросанных тут и там ферм и каменных домишек из труб отвесными столбами восходил дым. У кормушек с сеном толпились овцы, обремененные отросшей шерстью и будущими ягнятами.

Пенелопа Килинг, сидя на заднем сиденье, смотрела сквозь пыльные стекла. Никогда еще давно знакомые ей места не казались такими красивыми.

Дорога круто изогнулась, здесь стоял дорожный столб, указывающий направление на Темпл-Пудли. Шофер притормозил, со скрипом переключил скорость, и машина, свернув, покатила с прискоком под гору между высокими стенами колючей живой изгороди. И вот уже деревня – домики из золотистого котсуолдского песчаника, газетный киоск, мясная лавка, пивная «Сьюдли Армз» и церковь в глубине за старинным кладбищем и строем пристойно сумрачных тисов. Народу почти не видно. Школьники все на занятиях, остальных на улицу не пустил холод. Только один старик, руки в варежках, на шее шарф, прогуливает дряхлого пса.

– Который дом? – через плечо спросил таксист.

Она нетерпеливо подалась вперед, волнуясь бог знает почему.

– Еще совсем немножко проехать. Через деревню. Белые ворота справа. Вон, видите? Распахнутые. Приехали!

Таксист въехал в ворота и остановился у заднего крыльца.

Пенелопа вылезла из машины, кутаясь от холода в синюю накидку. Достала из сумочки ключ и пошла отпирать дверь. Водитель у нее за спиной, поднатужившись, открыл багажник и достал ее маленький чемодан. Она обернулась, протянула за чемоданом руку, но он не отдал и озабоченно спросил:

– Вас что же, некому встретить?

– Некому. Я живу одна, и все думают, что я еще в больнице.

– А вы как, ничего? Одна управитесь?

Она посмотрела в его доброе лицо. Совсем молодой, волосы густые, светлые.

– Ну конечно, – улыбнувшись, ответила она.

Он помялся, видно опасаясь быть навязчивым. Потом все-таки сказал:

– Хотите, я могу внести вещи в дом. Наверх втащить, если надо.

– Большое спасибо, вы очень любезны. Но я могу все сама...

– Мне ничего не стоит.

Он вошел вслед за ней в кухню. Она открыла дверь и проводила его вверх по узкой деревянной лестнице. В доме стоял запах стерильной чистоты. Миссис Плэккетт, дай ей Бог здоровья, в отсутствие Пенелопы не теряла времени даром. Она любит, когда хозяйки нет дома, – можно переделать уйму дел: вымыть белые перильца лестницы, откипятить пыльные тряпки, перечистить медь и серебро.

Дверь спальни была приоткрыта. Пенелопа вошла, молодой человек следом. Он поставил чемодан на пол.

– Могу я что-нибудь еще для вас сделать?

– Нет. Абсолютно ничего. Сколько с меня?

Он, слегка смущаясь, назвал сумму, будто ему об этом неловко было говорить. Она заплатила и оставила ему сдачу. Он поблагодарил, и они спустились обратно в кухню.

Но он медлил, не уходил. Ей подумалось, что, наверное, у него есть бабушка ее возраста, за которую болит душа.

– Вам ничего больше не надо?
– Уверяю вас, нет. А завтра придет моя приятельница миссис Плэккетт. И я уже буду не одна.

Это его почему-то успокоило.

– Ну, я пошел тогда.

– До свидания. И спасибо вам.

– Не стоит благодарности.

Он уехал, а она вернулась в дом и закрыла за собой дверь. Одна. Какое облегчение! Дома. В своем доме, среди своих вещей, на своей кухне. Гудела колонка отопления, давая блаженное тепло. Пенелопа расстегнула крючки накидки, сбросила ее на спинку стула. На чисто выскобленном кухонном столике стопкой лежала почта; Пенелопа перебрала ее, но не нашла ничего важного или занимательного и, оставив все как было, открыла стеклянную дверь в зимний сад. Мысль, что любимые цветы, может, погибают от холода или жажды, все эти последние дни не давала ей покоя, но миссис Плэккетт их тоже не обошла своей заботой. Земля в горшках была влажная, рыхлая, зелень яркая, здоровая. На ранней герани появилась шляпка крохотных бутонов, гиацинты подросли на три дюйма, не меньше. За стеклом виднелся настоящий сад, скованный инеем, голые ветки – как кружево на фоне блеклого неба, но и там во мху под каштаном уже белели подснежники и золотились верхние чашечки аконитов.

Пенелопа возвратилась в кухню и поднялась наверх. Она хотела было распаковать чемодан, но вместо этого позволила себе роскошь просто послоняться по комнатам и порадоваться возвращению домой. Она открывала дверь за дверью, оглядывала каждую комнату, смотрела в каждое окно, трогала мебель, поправляла занавески. Все на своих местах. Ни малейших перемен. Наконец, снова спустившись вниз, она взяла из кухни почту и, пройдя через столовую, расположилась в гостиной. Здесь собрано все самое ценное, что у нее есть: письменный стол, цветы и картины. В камине лежала растопка. Пенелопа чиркнула спичкой и, опустившись на колени, подожгла газету. Побежал огонек, вспыхнули и затрещали лучины, она уложила сверху поленья, и языки пламени взметнулись к дымоходу. Теперь дом окончательно ожил, и, когда это приятное дело было сделано, не осталось больше причины откладывать звонок кому-нибудь из детей с признанием в своем поступке.

Но которому звонить? Пенелопа сидела в своем кресле и раздумывала. Вообще-то, надо бы позвонить Нэнси, она старшая и считает, что несет всю ответственность за мать. Но Нэнси придет в ужас, всполошится, набросится с упреками. И Пенелопа решила, что еще не настолько хорошо себя чувствует, чтобы разговаривать с Нэнси.

Тогда Ноэль? Может быть, ему следует оказать предпочтение как единственному мужчине в семье? Но мысль о том, чтобы обратиться за помощью или советом к Ноэлю, была смехотворна. Пенелопа даже улыбнулась. «Ноэль, я вышла из больницы под расписку и нахожусь дома». На это сообщение он, вероятнее всего, ответится односложно: «Да?»

И она поступила так, как с самого начала знала, что поступит. Сняла трубку и набрала лондонский рабочий номер Оливии.

– «Ве-не-ра», – пропела телефонистка название журнала.

– Не могли бы вы соединить меня с Оливией Килинг?

– Ми-ну-точку.

Пенелопа ждала.

– Секретарь мисс Килинг слушает.

Дозвониться на работу Оливии почти так же трудно, как к президенту Соединенных Штатов.

– Можно мне поговорить с мисс Килинг?

– К сожалению, мисс Килинг сейчас на совещании.

– За круглым столом у директора или у себя в офисе?

– У себя в офисе... – В голосе секретарши слышалось вполне естественное замешательство. – Но у нее посетители.

– Тогда, будьте добры, прервите ее. Это ее мать, у меня срочное дело.

– А... подождать никак нельзя?

– Ни минуты, – твердо ответила Пенелопа. – Я ее долго не задержу.

– Ну, хорошо.

Опять ожидание. Наконец голос Оливии:

– Мамочка?

– Прости, что оторвала тебя.

– Мамочка, что-то случилось?

– Нет, все в порядке.

– Слава тебе господи! Ты из больницы говоришь?

– Нет, из дому.

– Из дому? Когда ты успела очутиться дома?

– Сегодня, примерно в половине третьего.

– Но ведь тебя собирались продержать там по крайней мере неделю!

– Да, собирались. Но я так соскучилась и устала, ночью глаз не сомкнула, а напротив меня лежала старушка, она не закрывала рта, все время говорила, говорила, вернее, бредила, бедняжка. Ну, я и сказала доктору, что не выдержу больше ни секунды, собрала свои пожитки и уехала.

– Вышла под расписку, – сокрушенно, но без тени удивления произнесла Оливия.

– Именно так. Я чувствую себя совершенно нормально. Взяла хорошее такси с очень милым водителем, и он привез меня домой.

– А доктор разве не возражал?

– Громогласно! Но воспрепятствовать мне не мог.

– Ну, мамочка, – в голосе Оливии был сдавленный смех, – безобразница ты. Я собиралась на этот уик-энд приехать к тебе в больницу. Знаешь, привезти фунт винограду и самой же все съесть.

– Ты можешь приехать сюда, – сказала Пенелопа и сразу же раскаялась: не получилось бы слишком просительно, жалобно, будто ей скучно и одиноко.

– Ну-у... если у тебя действительно все в порядке, я бы, пожалуй, отложила несколько свой визит. Честно сказать, я на этой неделе ужасно занята. Мамочка, а Нэнси ты уже звонила?

– Нет. Думала позвонить, но потом струсилa. Ты ведь знаешь, какая она. Поднимет шум. Позвоню завтра, когда в доме будет миссис Плэкетт, тогда меня уже нельзя будет выбить с укрепленных позиций.

– А как ты себя чувствуешь? Только честно.

– Совершенно нормально. Просто, как я уже сказала, не выпалась.

– Ты не будешь перетруждаться, обещаешь? Не ринешься в сад срочно рыть канавы и пересаживать деревья?

– Нет, не буду, да и земля еще мерзлая, как камень.

– Слава богу хоть за это. Мамочка, я должна идти, у меня тут коллега в кабинете...

– Знаю. Твоя секретарша сказала. Прости, что я оторвала тебя, но мне хотелось, чтобы ты знала, что происходит.

– Хорошо, что позвонила. Будем держать связь. А ты побалууй себя немножко.

– Обязательно. До свидания, моя дорогая.

– До свидания, мамочка.

Пенелопа поставила телефон на стол и откинулась в кресле.

Ну вот. И больше никаких дел. Она вдруг почувствовала, что безумно устала. Но то была приятная усталость, которую утоляла, успокаивала знакомая обстановка, как будто дом – это добрый человек, как будто ее обняли за плечи любящие руки. Сидя в своем глубоком кресле в обогретой, полуосвещенной камином комнате, Пенелопа с удивлением испытала давно забытое ощущение беспричинного счастья. Это потому, что я жива. Мне шестьдесят четыре года, и у меня, если верить этим дуракам-докторам, только что был инфаркт. Или что-то вроде того. Но я осталась жива, и теперь это в прошлом. Я никогда больше не буду об этом ни говорить, ни думать. Потому что я жива. Могу чувствовать, осязать, видеть, слышать, обонять; могу позаботиться о себе, выйти под расписку из больницы, взять такси и приехать домой. В саду проглянули первые подснежники, и весна идет. И я ее увижу. Я буду любоваться этим ежегодным чудом и чувствовать, как с каждой неделей все теплей становятся солнечные лучи. А я жива и смогу видеть все это и принять участие в чудесном преображении.

Ей вспомнилась острота обаятельного Мориса Шевалье¹, который на вопрос, как ему нравится быть семидесятилетним, ответил: «Терпимо. Если учесть, какая этому существует альтернатива».

Пенелопа Килинг чувствовала себя даже в тысячу раз лучше, чем терпимо. Теперь ее жизнь – не просто существование, которое принимаешь как должное, а премия, добавка, и каждый предстоящий день сулит радостное приключение. Время не будет тянуться вечно. Я не растрочу впустую ни одной секунды, пообещала Пенелопа себе. Она никогда еще не ощущала в себе столько силы и оптимизма. Словно она снова молода, только начинает жить и вот-вот должно случиться что-то чудесное.

---

¹ Французский певец и актер (1888–1972).

1. Нэнси

Иногда она с горечью думала, что у нее, Нэнси Чемберлейн, любое, самое простое и невинное предприятие неизбежно наталкивается на досадные осложнения.

Вот, например, сегодня. Пасмурный мартовский день. Она всего-то только и собиралась завтра сесть в поезд, отправляющийся в 9.15 из Челтнема, поехать в Лондон, пообедать с сестрой Оливией, может быть, забежать в «Хэрродс»² – и вернуться обратно домой. Уж кажется, не преступный замысел. Она не намеревалась транжирить деньги и не на свидание к любовнику ехала, а скорее по велению долга; надо было кое-что обсудить, принять ответственные решения; тем не менее стоило ей заикнуться домашним о своих планах, как обстоятельства сразу же сплоченными рядами выстроились у нее на пути и она столкнулась с возражениями и, что еще хуже, с таким непониманием, что вырывалась из дому уже словно из горящего здания.

Накануне вечером, договорившись с Оливией по телефону о встрече, она пошла искать детей. Они оказались в маленькой гостиной, которую Нэнси предпочитала величать библиотекой, – валялись на диване у камина и смотрели телепередачу. У них была комната для игр с телевизором, но в ней отсутствовал камин и стоял смертельный холод, да и телевизор там был старый, черно-белый, так что, естественно, они почти все время проводили здесь.

– Мои хорошие, я должна завтра ехать в Лондон, встретиться с тетей Оливией и поговорить с ней насчет бабушки Пен...

– Если ты уедешь в Лондон, кто же отвезет перековать Молнию?

Это возражение поступило от Мелани. Она говорила, не вынимая изо рта кончик косы и не спуская взгляда с телевизора, где во весь экран бесновался знаменитый рок-певец. У четырнадцатилетней Мелани был сейчас, как успокаивала себя ее мать, трудный возраст.

Вопрос этот Нэнси предвидела и была к нему готова.

– Я попрошу Крофтвея, он должен сам управиться.

Крофтвей был вечно насупленный садовник и мастер на все руки, проживавший вдвоем с женой в квартирке над конюшней. Лошадей он терпеть не мог и постоянно наводил на них ужас громким голосом и неумелым обращением, однако заниматься ими входило в его обязанности, что он с неохотой и делал – втаскивал взмыленных коней в клеть для перевозки и с таким громоздким грузом гнал грузовик на всевозможные скачки и мероприятия детского конного клуба. В этих поездках он у Нэнси назывался грумом.

Вслед за сестрой и одиннадцатилетний Руперт выступил со своим возражением:

– Я сговорился зайти к Томми Робсону. У него есть интересные футбольные журналы, он сказал, что даст мне их почитать. Кто же меня привезет домой?

Нэнси в первый раз о таком уговоре слышала. Стараясь изо всех сил не терять хладнокровия и понимая, что предложить перенести этот визит на другой день значит вызвать стоны и вопли: «Так нечестно!», она подавила досаду и сказала как можно более ровным голосом, что домой он сможет приехать на автобусе.

– Да-а, а на остановку пешком идти!

– Ну там же всего четверть мили, – заметила Нэнси и примирительно улыбнулась. – Раз в жизни можно сходить, это не смертельно.

Она надеялась, что мальчик улыбнется в ответ, но он только цыкнул зубом и снова уставился в телевизор.

Нэнси подождала. Чего? Может быть, проявления какого-то интереса к делам, имеющим значение для всей семьи? Даже корыстный вопрос, какие подарки мать привезет из Лондона, и то был бы лучше, чем ничего. Но дети уже забыли о ней и сосредоточили внимание на теле-

---

² Дорогой универсальный магазин.

экране. Она вдруг почувствовала, что этот грохот и вой невыносимы, и поспешила выйти из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. В коридоре на нее пахнуло пронизывающим холодом, который шел от каменного пола и поднимался вверх по ледяной лестнице.

Минувшая зима была студеная. Нэнси любила повторять – себе или подвернувшемуся невольному слушателю, – что не боится холода. Она не мерзлячка по натуре. К тому же, рассуждала она, в своем доме холод не чувствуется, всегда столько дел, не успеваешь озябнуть.

Но теперь, после неприятного объяснения с детьми, когда еще предстояло на кухне «сказать пару слов» угрюмой миссис Крофтвей, ее пробрала дрожь, и она плотнее запахнула толстую вязаную кофту, видя, как от сквозняка из щели под входной дверью шевелится у порога вытертый половичок.

Дом, в котором они живут, очень старый, ему не меньше двухсот лет, это бывший дом священника, стоящий на краю живописной деревушки среди Котсуолдских холмов. У Чемберлейнов и почтовый адрес такой: просто «Дом Священника», Бэмуорт, Глостершир. Хороший адрес, одно удовольствие давать его в магазинах: «Запишите за мной – миссис Джордж Чемберлейн, „Дом Священника“, Бэмуорт, Глостершир». Она и бумагу почтовую себе такую заказала в «Хэрродсе»: голубую, а сверху – тисненый адрес. Нэнси вообще придавала значение таким мелочам. Они задают тон.

Они с Джорджем поселились здесь вскоре после свадьбы. Как раз незадолго перед тем прежнему бэмуортскому викарию, видно, ударила кровь в голову, и он восстал, заявив в вышестоящие инстанции, что ни один человек, пусть даже и труженик на духовной ниве, не в состоянии на свое убогое жалованье существовать и содержать семью в таком чудовищно большом, неудобном и холодном жилище. Епархиальные власти подумали-подумали и после посещения архидьякона, который, переночевав там, простудился и чуть не умер от пневмонии, согласились построить для священника новый дом. В результате на противоположном краю деревни был возведен кирпичный коттедж, а старый дом священника объявлен к продаже.

И Джордж с Нэнси его купили.

– Мы его сразу же схватили, – рассказывала Нэнси знакомым, в том смысле, что, мол, вот какие они с Джорджем быстрые и сообразительные. И действительно, дом достался им за гроши, но, как выяснилось, только потому, что других желающих вообще не было.

– Здесь, конечно, потребуется много работы, но дом – загляденье, в позднегеоргианском стиле... и большой участок... конюшни, денники... и Джорджу до работы, в Челтнем, всего полчаса езды. То есть все идеально.

Дом и вправду был идеален. Для Нэнси, выросшей в Лондоне, он был воплощением грез, расцветших на благодатной почве романов Барбары Картленд и Джорджетты Хейер, которые она поглощала с жадностью. Жить в деревне и быть замужем за деревенским сквайром было пределом ее жизненных устремлений, а перед тем, конечно, непременный «сезон» в Лондоне и свадьба, и чтобы были подружки невесты, и белые туалеты, и фотография в «Тэтлере». И все у нее сбылось, кроме лондонского «сезона», и прямо из-под венца она оказалась молодой хозяйкой деревенского дома среди Котсуолдских холмов, с конюшней, где содержалась лошадь, и широкой лужайкой, на которой можно устраивать приходские праздники. И с подходящим кругом знакомств. И с собаками соответствующей породы. Муж у нее стал председателем местного комитета консерваторов и во время воскресной утрени зачитывал в церкви отрывки из Библии.

Поначалу все шло хорошо. Денег хватало, старый дом отремонтировали, обустроили, сделали новый белый фасад, провели центральное отопление, Нэнси обставила комнаты викторианской мебелью – мужниным наследством, а свою спальню щедро декорировала воощеными ситцами в цветочек. Но годы шли, росла инфляция, цены на жидкое топливо и жалованье работникам увеличивались, нанимать людей для работы в доме и в саду оказывалось труднее и

труднее. Содержание этого дома становилось год от года все более тяжелым бременем, и Нэнси иногда казалось, что, пожалуй, они с Джорджем отхватили кусок не по зубам.

Мало этого, оглянуться они не успели, как на них еще навалились кошмарные расходы по обучению детей. Мелани и Руперт были определены приходящими учениками в местные частные школы. Предполагалось, что Мелани останется учиться в своей до окончания второй ступени, но Руперта ждал «Чарльзуорт», закрытая школа, где учился его отец. Мальчика внесли в список учащихся буквально на следующий день после рождения и одновременно выправили скромную страховку на образование, да только суммы, которую можно будет по ней получить теперь, в 1984 году, не хватит и на железнодорожный билет, чтобы доехать до места.

Однажды, ночуя в Лондоне, Нэнси поделилась своими заботами с сестрой Оливией, надеясь получить от этой деловой дамы практический совет. Но Оливия ей не посочувствовала. Она сказала, что они с Джорджем дураки.

– Закрытые школы – это пережиток. Пошлите его в местную, пусть живет общей жизнью со сверстниками. Это будет полезнее, чем разреженная атмосфера старосветских традиций.

Но это было немыслимо. Ни Джордж, ни Нэнси не допускали даже и мысли о государственном образовании для своего единственного сына. Нэнси иногда втайне даже воображала Руперта в Итоне, а заодно и себя, Четвертого июня, присутствующей на выпускном празднестве, в шляпе с широченными полями; «Чарльзуорт» – конечно, школа солидная и знаменитая, а все-таки до Итона чуть-чуть недотягивает. Впрочем, с Оливией Нэнси такими мыслями не поделилась.

– Об этом не может быть речи, – кратко ответила она.

– Тогда пусть он попытается сдать экзамены на государственную или именную стипендию. Пусть сам о себе немного позаботится. Какой смысл вбухивать все свои средства в мальчишку?

Но Руперт не книжная душа. Он не может рассчитывать ни на какие стипендии, и Джордж с Нэнси это отлично знали.

– Ну, если так, – отмахнулась Оливия, – по-моему, у вас нет другого выбора, как продать «Дом Священника» и приобрести себе что-нибудь поменьше. Подумай, какая будет экономия, если вам не придется тратиться на эту старую развалину.

Но такой выход внушал Нэнси еще больший ужас, чем перспектива государственного образования для сына. И не просто потому, что это было бы капитуляцией, отказом от всего, к чему она всю жизнь стремилась. У нее еще шевелилось противное подозрение, что их семья – она сама, и Джордж, и дети, – поселившись в уютном домике где-нибудь на окраине Челтнема, без лошадей, без «Женского института», без комитета консерваторов, без спортивных состязаний и приходских праздников, сразу потеряют значительность, станут неинтересны теперешним светским знакомым и растают, как тени, отойдя в сонм забытых и ничтожных.

Нэнси снова передернуло от холода. Надо взять себя в руки. Она прогнала гнетущие воспоминания и решительно зашагала по каменным плитам коридора в кухню. Здесь всегда было тепло и уютно – огромная колонка отопления никогда не отключалась. Нэнси иногда, особенно в холодное время года, приходила в голову мысль, что хорошо бы им всем поселиться в кухне... Всякая другая семья на их месте, вероятно, поддалась бы соблазну и проводила зиму здесь. Но они – не всякая семья. Вот мать Нэнси, Пенелопа Килинг, в свое время действительно жила в просторной полуподвальной кухне большого дома на Оукли-стрит – стряпала и кормила домохозяев за большим, начисто выскобленным кухонным столом; здесь же писала письма, и воспитывала детей, и штопала одежду, и даже принимала бесконечную череду гостей. Но Нэнси, которая всегда дулась на мать и в то же время слегка стыдилась ее, была противницей такого теплого и неформального образа жизни. «Когда я выйду замуж, – еще ребенком твердила она себе, – у меня будет гостиная и столовая, как у людей, а на кухню я буду заходить как можно реже».

У них с Джорджем, по счастью, вкусы сошлись. Несколько лет назад, после всестороннего обсуждения, супруги согласились, что удобство завтрака в кухне перевешивает связанное с этим некоторое снижение стандартов. Но дальше этого ни он, ни она идти были не намерены. Так что обеды и ужины подавались в огромной столовой с высокими потолками, за безупречно накрытым столом, при соблюдении всех формальностей, заменяющих домашний уют. Отапливалось это помещение электрическим камином, установленным в углублении настоящего, а когда к ужину бывали гости, Нэнси включала электрический камин заранее, часа за два, и недоумевала, почему дамы являлись к ней, закутанные в шали? Или еще хуже... Был один незабываемый случай, когда Нэнси углядела под жилеткой у гостя, облаченного в смокинг, шерстяной пуловер с глубоким вырезом! Разумеется, этого господина никогда больше не приглашали.

Миссис Крофтвей стояла у раковины и чистила картошку к ужину. Это была женщина высоких достоинств (не то что ее невоздержанный на язык муж), которая исполняла свои обязанности всегда в белом халате, как будто от этого ее стряпня могла стать лучше и вкусней. Нет, конечно. Но, по крайней мере, ее присутствие в кухне означало, что Нэнси не должна сама заниматься готовкой.

Она решила сразу взять быка за рога:

– Кстати, миссис Крофтвей, у меня несколько изменились планы. Я завтра должна ехать в Лондон, встретиться с сестрой. Надо обсудить мамини дела, а это не телефонный разговор.

– Я думала, ваша мама вышла из больницы и снова дома.

– Верно. Но я вчера разговаривала по телефону с ее врачом, и он говорит, что ей не следует больше жить одной. Инфаркт не обширный, и она очень быстро поправилась, но все-таки... нельзя полагаться...

Она рассказывала все это миссис Крофтвей не потому, что ожидала от нее поддержки или даже обыкновенного сочувствия. Просто разговаривать о болезнях эта женщина очень любила, и Нэнси рассчитывала таким образом привести ее в благосклонное расположение духа.

– Моя мать перенесла инфаркт, так она после него до того переменялась, узнать было нельзя. Лицо посинело, руки распухли, обручальное кольцо пришлось на пальце распиливать.

– Я этого не знала, миссис Крофтвей.

– И с тех пор одна она уже жить не могла. Мы с Крофтверем взяли ее к себе, отдали ей лучшую комнату окнами в палисадник, но я намучилась, уж и не расскажешь как! Целый день бегала вверх-вниз по лестнице, а она чуть что – палкой в пол колотила. Я просто в клубок нервов превратилась, доктор говорил, что никогда не видел женщины с такими нервами. Он положил мать в больницу, и она там померла.

На этом печальное повествование окончилось. Миссис Крофтвей снова принялась за картофель, а Нэнси неуклюже пролепетала:

– Очень... прискорбно. Я понимаю, как вам трудно пришлось. Сколько же лет было вашей матери?

– Без одной недели восемьдесят шесть.

– Ну-у... – Нэнси постаралась принять бодрый тон. – Нашей маме только шестьдесят четыре, так что я уверена, она еще будет здорова.

Миссис Крофтвей швырнула очищенную картофелину в кастрюлю и обернулась к Нэнси. Она редко глядела собеседнику в лицо, но тому, кому доводилось встретиться с ней взором, становилось страшно: глаза у нее были почти белые, немигающие.

Относительно матери Нэнси, миссис Килинг, у миссис Крофтвей имелось собственное мнение. Они хоть и виделись только однажды, когда та в кои-то веки приезжала погостить в «Дом Священника», ну, да миссис Крофтвей много и не надо. Длинная такая дылда, глаза черные, как у цыганки, и одета в такое, что впору старьевщику отдать. А гонору-то! Явилась в

кухню посуду, видите ли, мыть, когда у миссис Крофтвей во всем свой подход, она не выносит, чтобы в ее дела лезли посторонние.

– Надо же, у нее инфаркт оказался, – сказала она. – А на вид здоровая такая.

– Да, – слабым голосом подтвердила Нэнси. – Это была полная неожиданность. Для всех нас, – добавила она благочестивым тоном, словно матери уже нет в живых, и теперь о ней можно говорить тепло.

Миссис Крофтвей поджала губы.

– Неужто ей всего шестьдесят четыре? – недоверчиво переспросила она. – А на вид старше. Я думала, ей уже за семьдесят.

– Нет, шестьдесят четыре.

– А вам тогда сколько же?

Это было уже чересчур. Нэнси вся сжалась от возмущения и почувствовала, что у нее запылали щеки. Ей так хотелось набраться храбрости и приструнить эту женщину, сказав, чтобы та не совала нос куда не просят! Но миссис Крофтвей могла разозлиться и вместе с мужем уйти от них, а что тогда Нэнси делать одной с садом, лошадьми, огромным домом и прожорливым семейством?

– Мне... – Она вдруг охрипла, прокашлялась и начала заново: – Мне, вообще-то, сорок три.

– Всего только? А я бы вам меньше пятидесяти не дала.

Нэнси усмехнулась, превращая все в шутку, – что же ей еще было делать?

– Вы не слишком-то мне льстите, миссис Крофтвей.

– Это все полнота ваша, вот в чем дело. Хуже нет, когда фигуру разнесет, сразу старнешься. Надо вам на диету садиться... Толстеть вредно, эдак еще, глядишь, – она залилась квакающим смехом, – и вас тоже инфаркт разобьет.

«Я вас ненавижу, миссис Крофтвей. Я вас ненавижу».

– На этой неделе в журнале «Вуменз оун» хорошая диета была напечатана... Первый день съедаешь один грейпфрут, второй – один йогурт. Или, может, наоборот, не помню... Могу, если хотите, вырезать и вам принести.

– Вы очень любезны. Может быть. Пожалуй, – пробормотала Нэнси дрожащим голосом. Потом взяла себя в руки, выпрямилась и сумела положить конец этому совершенно не туда зашедшему разговору. – Да, миссис Крофтвей, я, собственно, хотела с вами договориться насчет завтрашнего дня. Я еду поездом на девять пятнадцать, так что прибраться перед отъездом не успею, придется уж вам по возможности... и будьте так добры, накормите, пожалуйста, собак, хорошо?.. Я оставлю им еду в мисках. И потом, может быть, вы их выведете немного побегать по участку?.. И еще... – Она торопилась перечислить все поручения, прежде чем миссис Крофтвей успеет возразить. – И пожалуйста, передайте от меня Крофтвею, чтоб он отвез подковать Молнию, кузнец нам назначил на завтра, и я не хотела бы пропускать.

– Ну, – покачала головой миссис Крофтвей, – уж и не знаю, как он один сумеет ее в клеть завести...

– Сумеет, не в первый раз... А вечером, когда я вернусь, хорошо бы баранины на ужин, котлеты или что-нибудь... И чтобы Крофтвей дал своей замечательной брюссельской капусты...

С Джорджем Нэнси удалось поговорить только после ужина. Раньше не было ни одной свободной минутки, столько хлопот – усадить детей за домашние уроки, найти балетные туфельки Мелани, потом накрыть ужин, потом убрать со стола, потом позвонить жене викария, чтобы завтра вечером ее, Нэнси, в «Женском институте» не ждали, и еще тысяча всяких мелочей, прежде чем появилась возможность поговорить с мужем, который домой приезжает

не раньше семи и слышать ничего не хочет, пока не насидится у камина с газетой и стаканчиком виски.

Но вот наконец со всеми делами было покончено, и Нэнси присоединилась к мужу, отдыхающему в «библиотеке». Входя, она с силой закрыла за собой дверь в надежде, что муж услышит и поднимет голову, но он даже не выглянул из-за своей «Таймс». Тогда она подошла к столу с напитками, налила себе виски и, пройдя через всю комнату, уселась во второе кресло, по другую сторону от камина. Нэнси знала: если промедлить еще немного, муж протянет руку, включит телевизор и начнет смотреть последние известия.

Поэтому она твердо произнесла:

– Джордж.

– Угу?

– Джордж, оторвись на минуту и послушай.

Он дочитал фразу и с неохотой опустил газету. Мужу Нэнси было уже за пятьдесят, но выглядел он еще старше: волосы седые и с залысинами, на носу – очки без оправы, темный костюм, темный галстук. Господин в летах. Адвокат, он заботился о том, чтобы его внешность соответствовала его занятию, очевидно надеясь таким способом внушить доверие клиентам, но Нэнси иногда думала, что, может быть, если бы он прифрантился немного, носил хороший твид и очки в роговой оправе, у него и дела, наверное, шли бы лучше. Потому что эти края, с тех пор как рядом было проложено Лондонское шоссе, сделались очень модными. Здесь стала селиться обеспеченная публика, старые фермы за бешеные цены переходили в руки новых хозяев, самые ветхие развалюшки раскупались и перестраивались в комфортабельные загородные коттеджи. Агенты по недвижимости и строительные объединения процветали и богатели, в самых заштатных городишках открывались дорогие магазины, и Нэнси просто не могла понять, почему от этого благоденствия не может перепасть и юридической конторе «Чемберлейн, Плантавелл и Ричардс»? Ведь стоит только руку протянуть... Но Джордж был старомоден, упрямо держался традиций и панически боялся перемен. К тому же он был осторожен и подозрителен. Он спросил:

– Ну, что я должен слушать?

– Я завтра еду в Лондон, встречаюсь за обедом с Оливией. Нам надо посоветоваться насчет мамы.

– А в чем дело теперь?

– Ох, Джордж, неужели ты не знаешь, в чем дело? Ведь я тебе рассказывала. Мамин врач считает, что ей нельзя больше жить одной.

– И что вы в связи с этим намерены предпринять?

– Н-ну... надо найти ей экономку. Или компаньонку.

– Ей это не понравится, – заметил Джордж.

– Да... И кроме того, даже если мы и подберем кого-то... хватит ли у мамы денег платить? Хорошая помощница стоит фунтов сорок или пятьдесят в неделю. Я знаю, мама получила колоссальную сумму за наш старый дом на Оукли-стрит, и в «Подмор Тэтч»³ ей не понадобилось вложить ни фартиंगा, кроме как на постройку этого дурацкого зимнего сада. Но ведь те деньги в ценных бумагах, их трогать нельзя. Как же она будет оплачивать экономку?

Джордж заерзал в кресле, дотянулся до своего виски и ответил:

– Понятия не имею.

Нэнси вздохнула.

– Она такая скрытная и такая самостоятельная! Не дает возможности себе помогать. Если бы только она нам доверилась и поручила тебе вести дела, у меня лично камень бы с плеч

---

³ «Соломенная крыша Подмора».

свалился. В конце концов, я у нее старшая, а ни Оливия, ни Ноэль пальцем не шевельнут, чтобы помочь.

Все это Джордж уже неоднократно слышал.

– А ее... э-э... приходящая? Миссис... как бишь ее?

– Плэкетт. Она приходит только три раза в неделю по утрам убирать, у нее свой дом и семья.

Джордж поставил стакан. Он сидел лицом к огню, сложив пальцы шалашом, кончик к кончику. Помолчав, он проговорил:

– Не вижу причин так уж нервничать.

Он словно урезонивает тупого клиента! Нэнси обиделась.

– А я и не нервничаю.

Он пропустил ее реплику мимо ушей.

– Что тебя беспокоит? Только деньги? Или же ты опасаясь, что не найдется такой самоотверженной женщины, которая бы согласилась жить с твоей матерью?

– И то и другое, – вынуждена была признать Нэнси.

– И чего же ты ждешь в этой ситуации от Оливии?

– По крайней мере, она может со мной все обсудить. Она в жизни ничего не сделала для мамы... да и ни для кого из родни, если на то пошло, – с горечью добавила Нэнси. – Когда мама решила продать дом на Оукли-стрит и объявила, что уедет жить обратно в Корнуолл, в Порткеррис, я одна приняла адовы муки, убеждая ее, что это было бы безумием. И она все равно бы, наверное, туда уехала, если бы ты не нашел ей «Подмор Тэтч». Так она поблизости от нас, в каких-то двадцати милях, и мы можем за ней присматривать. А если бы она, со своим больным сердцем, была сейчас в Порткеррисе, бог знает как далеко? Мы бы понятия не имели, что с ней!

– Давай не будем отвлекаться от темы, – адвокатским тоном предложил Джордж.

Нэнси не обратила внимания на его слова. Несколько глотков виски согрели ее и разворошили угли старых обид.

– А Ноэль так вообще, можно сказать, забыл мать, после того как продали дом на Оукли-стрит и ему пришлось отселиться. Для него это был чувствительный удар. Дожил до двадцати трех лет и никогда не платил за квартиру! Ни единого гроша не давал матери, питался за ее счет, пил ее джин, жил на дармовщину! Воображаю, как ему понравилось, когда пришлось обеспечивать себя самому!

Джордж тяжело вздохнул. Он был такого же невысокого мнения о Ноэле, как и об Оливии. А теща, Пенелопа Килинг, всю жизнь оставалась для него загадкой. Надо же, чтобы такая совершенно нормальная женщина, как Нэнси, была отпрыском столь странного семейства, это просто удивительно!

Он допил свое виски, встал с кресла, подложил в огонь полено и пошел налить себе еще. Звякнул стаканом и сказал с другого конца комнаты:

– Допустим худшее. Допустим, у твоей матери не окажется средств на экономку. – Он возвратился к камину и опять уселся в кресло напротив жены. – Допустим, что тебе не удастся найти человека, который возьмет на себя труд составить ей компанию. Что тогда? Предлагаешь, чтобы она поселилась у нас?

Нэнси представила себе бесконечные претензии миссис Крофтвей, неизбежные жалобы детей на строгую бабушку. Вспомнила про мамашу миссис Крофтвей, как той пришлось распилить обручальное кольцо и как она лежала в кровати и колотила палкой в пол...

И она ответила со слезами в голосе:

– Мне кажется, я этого не вынесу.

– Я тоже, – признался Джордж.

– Может быть, Оливия...

– Оливия? – скептически повторил Джордж. – Чтобы Оливия даже близко подпустила кого-нибудь к своей личной жизни? Ты смеешься.

– Ну а Ноэль тем более исключается.

– По-моему, все исключается. – Джордж украдкой сдвинул манжет и посмотрел на часы. Он не собирался пропускать вечерние новости. – И я не могу предложить ничего дельного, пока ты не разберешься с Оливией.

Нэнси опять оскорбилась. Они с Оливией не очень близки, это правда... в сущности, у них нет ничего общего... но слово «разберешься» ее неприятно задело. Как будто они с сестрой всю жизнь только и делают, что выясняют отношения. Она раскрыла было рот, чтобы выразить Джорджу свое неудовольствие, но он опередил ее, включив телевизор и тем самым положив конец супружеской беседе. Было ровно девять часов, и он приготовился насладиться своей ежедневной дозой забастовок, бомб, убийств и финансовых катастроф, а на закуску сообщением о том, что завтра с утра ожидается холод и после обеда над всей страной пройдут дожди.

Нэнси, отчаявшись, посидела немного, потом встала с кресла. Джордж, по-видимому, даже не понял, что она предпринимает решительный шаг. Нэнси подошла к столику с напитками, снова щедрой рукой наполнила свой стакан и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Поднявшись по лестнице, она прошла через спальню в ванную, заткнула пробкой ванну, открыла краны, налила себе ароматной эссенции с той же щедростью, что и виски. И пять минут спустя уже предавалась своему самому любимому занятию: лежа в горячей ванне, пить холодное виски.

Утопая в мыльной пене, среди клубов горячего пара, Нэнси упивалась жалостью к самой себе. Роль жены и матери так неблагодарна! Ты посвящаешь жизнь мужу и детям, уважительно обращаешься с прислугой, не оставляешь заботами лошадей и собак, ведешь дом, покупаешь продукты, стираешь – ну и где спасибо? Кто тебя ценит?

Никто.

На глаза Нэнси навернулись слезы, смешиваясь с мыльной водой и паром. Ей так хотелось признания, любви, ласки, хотелось, чтобы ее кто-то обнял, приголубил и сказал, что она удивительная, что она все делает великолепно!

В ее жизни был только один человек, на которого всегда можно положиться. Конечно, когда-то и папа был с ней очень мил, но вот кто действительно постоянно поддерживал ее веру в себя и во всех случаях принимал ее сторону, так это Долли Килинг, ее бабушка.

Долли Килинг никогда не ладила с невесткой, была равнодушна к Оливии и недолюбливала Ноэля, а вот Нэнси, свою любимицу, обожала и баловала. Когда, бывало, Пенелопа собиралась отправить старшую дочь в гости, одетую в старомодный батистовый балахончик с чужого плеча, вмешивалась бабушка Килинг и покупала пышное платье из органди с рукавами фонариком. Долли восхищалась красотой Нэнси, водила ее в кондитерские и в театр на пантомимы...

Когда Нэнси обручилась с Джорджем, в семье начались скандалы. Отец к этому времени уже не жил с ними, а мать никак не могла взять в толк, почему дочери непременно нужна традиционная «белая» свадьба, с подружками, шаферами во фраках и приемом в ресторане? Пенелопе все это представлялось дурью и пустой тратой денег. Разве не лучше скромно обвенчаться в присутствии родных, а потом устроить праздничный обед за большим столом в полуподвальной кухне на Оукли-стрит? Или в саду. Сад при доме большой, места уйма, и розы уже расцветут.

Нэнси плакала, хлопала дверьми, говорила, что ее не понимают и никогда не понимали. В конце концов она надулась так, что отношения могли испортиться на всю жизнь, не вмешайся любящая бабушка Килинг. С Пенелопы была снята вся ответственность – чему она несказанно радовалась, – и за дело взялась Долли. В результате лучшей свадьбы и вообразить было нельзя. Венчание в соборе Святой Троицы, на невесте – белое платье со шлейфом, подружки в розо-

вом, а после – банкет на Найтсбридж, 23, с церемониймейстером в красном фраке и с огромными, пышными букетами на столах. Явился вызванный бабушкой душка-папа, такой красивый в визитке, – он вел невесту к алтарю, и даже старомодный наряд Пенелопы, весь в кружевах и бархате, не омрачил великолепного праздника.

Как Нэнси сейчас не хватало бабушки Килинг! Раздобревшая сорокалетняя женщина лежала в ванне и плакала. Она хотела к бабушке, хотела утешения, сочувствия, похвал. «Дорогая, ты такая молодец, ты столько делаешь для своей семьи и для матери, а они не ценят, будто так и надо».

Ей даже слышался любимый голос – но только в воображении, потому что Долли Килинг уже не было на свете. Минул год, как эта железная маленькая леди с нарумяненными щеками и наманикюренными ногтями, носившая лиловые трикотажные костюмы, тихо скончалась во сне в возрасте восьмидесяти семи лет. Печальное событие произошло в небольшой частной гостинице в Кенсингтоне, где она в компании еще нескольких стариков и старух сочла удобным провести свои закатные годы, и тело ее было вывезено служителями похоронного бюро, с которым администрация гостиницы предусмотрительно заключила соответствующий долгосрочный контракт.

Следующий день начался, как Нэнси и опасалась, очень плохо. От вчерашнего виски у нее болела голова, было еще холоднее, чем вчера, и темно – хоть глаз выколи, когда она в половине восьмого заставила себя вылезти из-под одеяла. Одеваясь, Нэнси с горечью убедилась, что самая нарядная юбка не застегивается на поясе, и ей пришлось воспользоваться булавкой. Она надела свитер из натуральной шерсти точно в цвет юбки, отведя глаза от складок жира, выступивших из-под огромного бронированного лифа, потом натянула нейлоновые чулки, тогда как обычно ходила в шерстяных. Тут ей показалось, что в них будет очень холодно, и она, сунув ноги в высокие сапоги, с трудом застегнула молнию.

Внизу оказалось не лучше. Одну из собак стошнило, колонка отопления была чуть теплая, а в кладовке лежало только три яйца. Нэнси выпустила собак, убрала за ними и наполнила колонку специальным, безумно дорогим топливом, моля Бога, чтобы огонь не успел погаснуть, не то от миссис Крофтвей жалоб не оберешься. Потом крикнула детям, чтобы потопоравливались, вскипятила чайник, сварила три яйца, поджарила тосты, собрала на стол. Руперт и Мелани спустились более или менее одетые, переругиваясь на ходу: Руперт утверждал, что Мелани куда-то подевала его учебник по географии, а она заявила, что он врун и вообще у него учебника по географии никогда не было, а потом потребовала у матери двадцать пять пенсов на прощальный подарок для миссис Липер.

Нэнси о миссис Липер впервые слышала.

От Джорджа ожидать помощи не приходилось. Он появился в разгар перепалки, съел одно яйцо, выпил чашку чаю и уехал. Нэнси слышала, как выезжал его «ровер», пока в спешке складывала на сушилку тарелки, оставляя их на дальнейшее усмотрение миссис Крофтвей.

– Если ты не брала мою «Географию»...

За дверью скулили собаки. Нэнси впустила их, вспомнила, что надо накормить, наполнила миски сухарями и открыла банку собачьих консервов «Бонзо», второпях порезав палец.

– Смотри, какая ты нескладная, – заметил Руперт.

Нэнси повернулась к нему спиной, пустила холодную воду и подержала палец под краном, пока не перестала идти кровь.

– Если я не принесу двадцать пять пенсов, миссис Ролингс знаешь как обозлится...

Нэнси побежала наверх подкраситься перед уходом. Аккуратно наложить румяна и подвести брови времени уже не было, так что результат получился сомнительный, но ничего не поделаешь. Некогда. Она достала из шкафа шубку и шапочку из такого же меха, разыскала перчатки и сумку из змеиной кожи. Когда она вывернула в нее содержимое своей будничной

сумки, естественно, оказалось, что замок не защелкивается. Не важно. Ничего не поделаешь. Нет времени.

Нэнси сбежала вниз по лестнице, на бегу зовя детей. Как ни удивительно, они появились сразу и подхватили свои ранцы. Мелани нахлобучила на голову уродливую школьную шляпу. Они выбежали друг за другом через заднюю дверь, за угол к гаражу, забрались в машину – мотор, слава тебе господи, завелся с первой попытки – и поехали.

Она развезла детей по школам, высадила у ворот, даже толком не попрощавшись, и помчалась в Челтнем. Было уже десять минут десятого, когда она выскочила из машины на пристанционной стоянке, и двенадцать минут – когда отошла от кассы, купив льготный обратный билет. Нэнси успела даже с обворожительной – как она надеялась – улыбкой купить без очереди в газетном киоске «Дейли телеграф», а также – безумное мотовство! – «Харперс энд Куин». Уже заплатив, она увидела, что номер старый, за прошлый месяц, но возвращать его и получать обратно деньги времени уже не было. Да и не важно, что старый, – все равно глянецовый, яркий, он будет в дороге отличным развлечением. С этой мыслью Нэнси вылетела на перрон, как раз когда подошел лондонский поезд, открыла первую попавшуюся дверь, нашла свободное место и села. Запыхавшаяся, с отчаянно колотящимся сердцем, она закрыла глаза и постаралась отдышаться. Вот так, наверное, чувствуешь себя, спасшись от пожара.

Через какое-то время, после нескольких глубоких вдохов и обращенных к самой себе успокоительных фраз, Нэнси немного пришла в себя. В вагоне, слава богу, было тепло. Она открыла глаза, растегнула шубку и, устроившись поудобнее, стала смотреть в окно, на проплывающий мимо черный зимний пейзаж. Под размеренный ритм движения издерганные ее нервы постепенно успокоились. Она любила ездить на поезде: ни телефонных звонков, ни забот – сиди спокойно и ни о чем не думай.

Головная боль прошла. Нэнси достала из сумки пудреницу и стала рассматривать в маленьком зеркальце свое лицо – припудрила нос, подправила на губах помаду. Новый журнал покоился у нее на коленях, обещая массу удовольствия, словно неоткрытая коробка шоколадных конфет с темной корочкой снаружи и мягкой начинкой внутри. Нэнси начала перелистывать страницы. Сначала рекламный раздел: меха, виллы на юге Испании, коттеджи в горной Шотландии на условиях совместного пользования; драгоценности; косметика, которая не только сделает вас красивее, но и благотворно воздействует на кожу лица; морские круизы и многое другое...

Вдруг ее внимание привлек разворот: компания «Бутби», специализирующаяся на торговле произведениями искусства, объявляла аукцион викторианской живописи, который состоится в собственной галерее компании на Бонд-стрит в среду, 21 марта. В качестве иллюстрации была опубликована репродукция картины Лоренса Стерна (1865–1945) под названием «У источника» (1904), изображающая группу молодых женщин в разных ракурсах, с бронзовыми кувшинами на плечах или у бедра. Наверное, это рабыни, подумала Нэнси, разглядывая репродукцию, вон у них и ноги босые, и лица сумрачные (что неудивительно: видно, что кувшины тяжелые), и вместо одежды лохмотья, иссиня-зеленые и ржаво-красные, которые едва прикрывают тело, так что видны округлые груди и розовые соски.

Джордж и Нэнси не интересовались живописью, равно как и музыкой или театром. В «Доме Священника» висели, конечно, картины, обязательные для всякого приличного жилища: гравюры со сценами охоты и несколько живописных полотен, изображающих либо убитого оленя, либо верного охотничьего пса с фазаном в зубах; они достались Джорджу в наследство от отца. Как-то раз, когда понадобилось убить в Лондоне два часа, супруги зашли в галерею Тейт и исправно осмотрели выставку Констебла, – правда, в памяти у Нэнси остались лишь раскидистые зеленые деревья на полотнах да боль в уставших ногах.

Но эта картина даже хуже, чем Констебл. Нэнси смотрела и только диву давалась: неужели кому-то захочется повесить такое безобразие у себя на стену, не говоря уж о том, чтобы запла-

тить за нее большие деньги? Окажись это полотно у нее самой, оно бы кончило свои дни где-нибудь на чердаке, а то и вовсе угодило бы в костер.

Интерес Нэнси к этой картине вызвали вовсе не ее художественные достоинства, а имя автора: Лоренс Стерн. Ведь это был отец Пенелопы Килинг и, следовательно, ее, Нэнси, родной дед.

Как ни странно, но его творчества она почти совсем не знала. К тому времени, когда она родилась, его слава, вершина которой пришлась на рубеж столетий, померкла и сошла на нет, а работы, давно распроданные и развезенные по разным странам, забыты. В материнском доме на Оукли-стрит висели только три картины Лоренса Стерна – два неоконченных панно составляли пару: это были две аллегорические фигуры нимф, разбрасывающих лилии по травянистому, усеянному белыми маргаритками склону.

Третья висела в холле на первом этаже, под лестницей – в доме больше нигде не нашлось места для такого большого полотна. Написанная маслом в последние годы жизни Стерна, картина называлась «Собиратели ракушек» – много моря в белых барашках, пляж и небо, по которому бегут облака. Когда Пенелопа переселялась с Оукли-стрит в глостерширский дом, все три драгоценные картины переехали вместе с ней – панно попали на лестничную площадку, а «Собиратели ракушек» – в гостиную, где был пересеченный балками потолок; из-за огромной картины комната казалась совсем крошечной. Нэнси вскоре привыкла к ним и просто перестала замечать, они были неотъемлемой частью маминого дома, так же как продавленные диваны и кресла, как высушенные букеты, втиснутые в белые и синие вазы, как вкусные запахи готовящейся пищи.

Честно сказать, Нэнси уже много лет вообще не вспоминала о Лоренсе Стерне, но сейчас, согревшись в меховой шубе и теплых сапожках, она разомлела, убаюканная ездой, и воспоминания ухватили ее за полы и потянули в далекое прошлое. Впрочем, вспоминать ей было почти нечего. Она родилась в конце 1940 года, в Корнуолле, в маленькой деревенской больнице, и всю войну жила там, в Порткеррисе, в Карн-коттедже – доме своего деда. Но ее младенческие воспоминания о старике были смутными, неконкретными. Водил ли он ее когда-нибудь гулять, брал ли на колени, читал ли ей книжки? Во всяком случае, она этого не помнила. Единственное, что ясно отпечаталось у Нэнси в памяти, это как после окончания войны они с мамой садятся в лондонский поезд и навсегда покидают Порткеррис. Почему-то это событие ярко запечатлелось в ее детском мозгу.

Лоренс Стерн приехал с ними на вокзал. Очень старый, очень высокого роста, уже дряхлеющий, он остановился на перроне возле их открытого окна и, опираясь на трость с серебряным набалдашником, на прощание поцеловал Пенелопу. Длинные белые волосы спускались на плечи его пальто с пелериной, а из шерстяных вязаных митенок торчали искривленные, безжизненные пальцы, белые, как кость.

В последнюю минуту, когда состав уже тронулся, Пенелопа схватила дочку на руки и подняла к окну, а дед протянул руку и погладил ее по круглой щечке. Нэнси запомнился холод его пальцев, словно прикосновение мрамора к коже. Больше ни на что времени не было. Поезд набрал скорость, платформа дугой ушла назад, а Лоренс стоял на ней, все уменьшаясь, и махал, махал широкополой черной шляпой, посылая им прощальный привет. Таково было первое и последнее воспоминание Нэнси о дедушке. Через год он умер.

Дела давно минувшие, сказала она себе. Никаких причин для сентиментальности. Но удивительно, неужели кто-то сейчас готов покупать работы Стерна? «У источника». Нэнси недоуменно тряхнула головой и, отмахнувшись от непонятного, с упоением погрузилась в новости светской хроники.

2. Оливия

Нового фотографа звали Лайл Медуин. Он был совсем молоденький, с мягкими каштановыми волосами, подстриженными «под горшок», и с ласковыми глазами на нежном лице. Во всем облике – что-то неземное, что-то от глубоко верующего монастырского послушника. Оливии даже трудно было себе представить, что он с таким успехом пробежал дистанцию в гонках своей профессии и никто не перерезал ему глотку.

Они стояли у столика перед окном в ее кабинете. На столике он разложил свои работы: штук двадцать крупных глянцевых цветных фотографий. Оливия их уже внимательно рассмотрела и пришла к выводу, что ей нравится. Во-первых, в них много света. Снимки для модных журналов, по ее мнению, прежде всего должны ясно показывать фактуру ткани, фасон, складки на юбке, вязку свитера, – а у него все это дано очень отчетливо, броско, так, что взгляд мимо не скользнет. Но, кроме того, в его работах было много жизни, движения, удовольствия, даже нежности.

Оливия подняла один лист: мужчина атлетического сложения бежит трусцой в полосе прибоя. Ослепительно-белый спортивный костюм на ярко-синем фоне моря: загар, пот, даже соленый запах морского воздуха и физического здоровья.

– Где это вы снимали?

– На Малибу. Реклама спортивной одежды.

– А вот это?

Она взяла в руки другой лист – вечер, молодая женщина в разлетевшемся оранжевом шифоне, лицо повернуто к огненному закату.

– Это Пойнт-Рис... иллюстрация к редакционной статье в американском «Вог».

Оливия положила снимки и обернулась, присев на край стола. Это уравнило их в росте и позволило смотреть глаза в глаза.

– Расскажите о себе.

Он пожал плечами.

– Учился в технологическом колледже. Потом немного пожил свободным художником, а потом пошел к Тоби Страйберу и несколько лет проработал у него ассистентом.

– Тоби мне вас и рекомендовал.

– А потом, когда ушел от Тоби, поехал в Лос-Анджелес, последние три года работаю там.

– И немалого достигли.

Он скромно усмехнулся:

– Да, кое-чего.

Одет он был по-лос-анджелесски. Белые кроссовки, джинсы-варенки, белая рубашка, линиялая джинсовая куртка. И, как уступка лондонским холодам, – шерстяное кашне кораллового цвета, обмотанное вокруг загорелой шеи. Вид, хотя и небрежный, тем не менее восхитительно чистый, как свежестыранное, высушенное на солнышке, но еще не выглаженное белье. Очень привлекательный молодой человек.

– Карла ввела вас в курс дела? – (Карла была редактором отдела мод.) – Речь идет об июльском номере, последний материал о моделях летнего сезона. После этого мы переходим к твидам и осенней охоте.

– Да... Она говорила о съемках на натуре.

– Есть предложения, где именно?

– Мы подумали об Ивисе... У меня там кое-какие знакомства.

– Ивиса.

Он с готовностью отступился:

– Если вам больше нравится где-то еще, у меня нет возражений. В Марокко, например.

– Да нет. – Оливия отошла от столика и снова села в свое кресло. – Мы давно туда не выезжали... Но только мне кажется, не надо пляжных сюжетов. Лучше что-нибудь деревенское для фона – козы, овцы, трудолюбивые крестьяне в поле. Пригласить кого-нибудь из местных жителей для правдоподобия. У них удивительные лица. И они обожают сниматься...

– Чудесно.

– Тогда договоритесь с Карлой.

Он замялся.

– Значит, работа – моя?

– Разумеется, ваша. Постарайтесь сделать ее получше.

– Обязательно. Спасибо...

Он принялся собирать фотографии и складывать в папку. У Оливии на столе зажуужал селектор. Она нажала кнопку и спросила секретаршу:

– Что там?

– Городской звонок, мисс Килинг.

Оливия взглянула на часы. Двенадцать пятнадцать.

– Кто это? Я уезжаю обедать.

– Какой-то мистер Генри Спотсвуд.

Генри Спотсвуд. Что еще, черт побери, за Генри Спотсвуд? Ах да, вспомнила. Человек, с которым она познакомилась третьего дня на вечеринке у Риджвеев, – седые виски, высокий, одного с ней роста. Но он тогда назвался Хэнком.

– Соедините, Джейн.

Оливия потянулась к телефонной трубке, в эту минуту Лайл Медунин, с папкой под мышкой, неслышно пересек комнату и открыл дверь, чтобы уйти.

– Пока, – беззвучно выговорил он с порога. Она подняла руку, улыбнулась, но его уже не было.

– Мисс Килинг?

– Да.

– Оливия, это Хэнк Спотсвуд, мы вместе были у Риджвеев.

– Как же, помню.

– У меня выдался свободный часок-другой. Может, перекусим где-нибудь?

– Что? Сегодня?

– Да, прямо сейчас.

– Очень жаль, не могу. Ко мне приезжает сестра из загорода, я обедаю с ней. На самом деле меня уже не должно тут быть, я опаздываю.

– Какая жалость! А как насчет ужина?

Звук его голоса помог припомнить ускользнувшие из памяти подробности. Голубые глаза. Приятное, волевое, типично американское лицо. Темный костюм, современная рубашка, воротничок с пуговичками на уголках.

– Неплохая мысль.

– Отлично. Куда бы вы хотели пойти?

Оливия мгновение поколебалась, затем приняла решение.

– А не хотите, в порядке исключения, один раз поужинать не в ресторане, а в домашней обстановке?

– Как это понимать?

– Приезжайте ко мне, и я возьму на себя труд угостить вас ужином.

– Вот это здорово! – Тон у него был удивленный, но обрадованный. – Однако не слишком ли это хлопотно для вас?

– Никаких хлопот, – улыбнулась Оливия. – Приезжайте часов в восемь.

Она продиктовала адрес, рассказала, как доехать, на случай если попадется тупоумный таксист, и, простившись, повесила трубку.

Хэнк Спотсвуд. Как мило, с улыбкой подумала она. Но тут же, взглянув на часы, выбросила его из головы, встала из-за стола, схватила пальто, шляпу, сумочку и перчатки и выбежала из редакции, торопясь на свидание с сестрой.

Они договорились встретиться в ресторане «Кетнерс» в Сохо, и Оливия заказала там столик. Она всегда приезжала туда на деловые обеды и не видела причин искать другое место, хотя Нэнси, конечно, было бы уютнее у «Харви Николса» или еще где-нибудь, куда приезжают дать передышку натруженным ногам домохозяйки с покупками.

В результате это был «Кетнерс». Оливия опоздала, и Нэнси уже ждала ее – расплывшаяся еще больше прежнего, в своем сиреновом вязаном костюме, на голове – шапочка из желтого меха, сливающаяся с тусклыми белокурыми кудрями, словно двухэтажная шевелюра. Она сидела за низким столиком, одинокая женщина в море дельцов-мужчин, с сумкой на коленях, перед высоким стаканом джина с тоником, и была здесь так не к месту, так нелепа, что Оливия испытала укол совести и извинилась неожиданно искренне и горячо:

– Нэнси, прости ради бога, меня задержали, так неудачно! Ты давно ждешь?

Они не поцеловались. Между ними это было не принято.

– Ничего.

– Ты пока, я вижу, подкрепилась... Еще стаканчик не хочешь? Я заказала столик на без четверти час, не упустить бы.

– Добрый день, мисс Килинг.

– Хэлло, Джерард. Нет, спасибо, пить мы не будем, у нас туговато со временем.

– У вас заказан столик?

– Да. На без четверти час. К сожалению, я немного опоздала.

– Это не важно. Прошу сюда.

Он пошел вперед, но Оливия подождала, пока Нэнси выберется из кресла, прихватит сумку и журнал, одернет свитер на обширном заду, и только потом двинулась вслед за ним в зал. Там было тепло и тесно, в воздухе стоял гул мужских голосов. Сестер проводили к столику в дальнем углу, где обычно обедала Оливия, и после неизбежных подобострастных церемоний наконец усадили на полукруглую банкетку, задвинули столиком и подали пухлые папки меню.

– Стаканчик хереса, пока вы выбираете?

– Мне, пожалуйста, перье, Джерард... А моей сестре... – Она повернулась к Нэнси. – Хочешь какого-нибудь вина?

– Да, с удовольствием.

Оливия, не заглядывая в карту вин, заказала полбутылки фирменного белого.

– Так, теперь, что ты будешь есть?

Нэнси не знала, что выбрать. В меню было перечислено столько всего, причем исключительно по-французски. Она могла бы сидеть, раздумывая до вечера, – Оливия это хорошо знала, поэтому выдвинула несколько предложений, и в конце концов Нэнси согласилась на консоме и телячий эскалоп с грибами. Себе Оливия заказала омлет и зеленый салат. Когда все было улажено и официант удалился, она начала с вопроса:

– Как ты доехала? Благополучно?

– Да, вполне. Собиралась, конечно, впопыхах: детей надо было в школу отвезти. Но я успела на поезд в девять пятнадцать.

– Как они?

Оливия постаралась придать своему тону заинтересованность, но Нэнси знала, что это неискренне, и не стала углубляться в подробности:

– Нормально.

– А Джордж?

– По-моему, хорошо.

– А собаки? – не отступалась Оливия.

– Здоровы, – ответила было Нэнси, но потом вспомнила: – Одну сегодня утром вырвало. Оливия скривилась.

– Не рассказывай, пожалуйста. Дай поесть.

Принесли напитки, перье для Оливии и белое вино для Нэнси. Расторопный официант откупорил бутылку, налил в бокал немного и замер в выжидательной позе. Нэнси спохватилась, что полагается попробовать, пригубила и с понимающим видом, поджав губы, произнесла: «Превосходно», после чего бутылка была поставлена на середину стола и официант с каменным лицом удалился.

Оливия налила себе перье.

– Ты никогда не пьешь вино? – спросила Нэнси.

– За деловым обедом – никогда.

Нэнси кокетливо вздернула брови:

– Разве у нас деловой обед?

– А разве нет? Мы ведь собираемся говорить о делах. В связи с мамочкой. – Это детское слово, как всегда, вызвало у Нэнси раздражение. Трое детей Пенелопы называли мать каждый по-своему. Ноэль говорил ей «ма». Сама Нэнси уже много лет звала ее «маман», находя, что эта форма обращения лучше всего соответствует их возрасту и ее, Нэнси, статусу замужней дамы. Одна Оливия – самая современная и житейски закаленная – упорно говорила «мамочка». Нэнси даже удивлялась: неужели сестра не понимает, как это смешно звучит в ее устах? – И давай приступим, а то у меня мало времени.

Это холодное замечание оказалось последней каплей. А Нэнси-то примчалась к ней в город из Глостершира, успев подтереть за собакой, и порезать в спешке палец о консервную банку, и отвезти детей в школу, и чуть ли не на ходу впрыгнуть в поезд! Ее захлестнула обида.

Подумаешь, у нее мало времени!

Ну почему Оливия такая резкая, бессердечная, бесчувственная?! Неужели нельзя посидеть рядышком и поговорить по душам, как полагается сестрам, не строя из себя вечно занятую деловую даму, как будто жизнь Нэнси, у которой свои незыблемые приоритеты: дом, муж, дети, – совсем уж ничего не значит?

Когда они были маленькие, хорошенькой считалась Нэнси: золотоволосая, голубоглазая, обаятельная и (спасибо бабушке Килинг) нарядная. Именно Нэнси привлекала всеобщее внимание, вызывала восхищение, покоряла мальчиков. А Оливия была умная и честолюбивая – ее занимали книги, экзамены, отметки, – но внешне неинтересная, напомнила себе Нэнси, совершенно неинтересная.

Нескладная, высокая, худая, плоскогрудая, в очках и демонстративно, вызываясь равнодушная к мужскому полу, Оливия всегда надменно умолкала, когда в доме появлялся кто-нибудь из сестриных поклонников, а то и вовсе уходила к себе – книжку почитать.

Хотя, конечно, у нее были и свои достоинства, ведь она была дочь своих родителей, – густые волосы, цветом и блеском напоминающие полированное красное дерево, и черные глаза, унаследованные от матери, которые сверкали, как у какой-то умной, насмешливой птицы.

И подумать только, долговязая зубрила-студентка, младшая сестра, которую никто не приглашал танцевать, в какой-то момент, неизвестно когда и как, преобразилась вот в это дивное диво – тридцативосьмилетнюю Оливию. В потрясающе деловую даму, редактора журнала «Венера».

Вид у нее сегодня был, как всегда, безупречный. Вряд ли очаровательный, но страшно шикарный. Глубоко сидящая черная велюровая шляпа, черное пальто с фалдами, шелковая блузка кремового цвета, золотая цепочка, золотые серьги, на руках на каждом пальце перстень. Лицо бледное, губы ярко-красные, и даже черная оправа очков идет ей. Нэнси же не дура. Когда

они шли через зал, она ощущала внимание мужчин, замечала скрытые взгляды, повернутые головы и при этом знала, что смотрят не на нее, миловидную Нэнси, а на Оливию.

Нэнси не знала темных тайн в жизни Оливии. Вплоть до той удивительной истории, случившейся пять лет назад, она искренне считала, что ее сестра либо девственница, либо совершенно бесполое существо (было, конечно, и еще одно, совсем уж жуткое предположение, которое пришло Нэнси в голову после ознакомления с модной биографией Виты Сэквилль-Уэст, но об этом, говорила она себе, лучше не думать).

Типичная представительница племени умных и деятельных женщин, Оливия, похоже, думала только о своей карьере и продвигалась все выше и выше, пока наконец не стала литературным редактором «Венеры», серьезного, преуспевающего женского журнала, в котором проработала уже семь лет. Ее имя значилось в составе редколлегии; фотографии время от времени появлялись на его страницах как иллюстрации к какой-нибудь статье, а один раз она даже выступала по телевидению, отвечая на вопросы в передаче «Для дома, для семьи».

И вдруг, когда все у нее так удачно складывалось – так сказать, на гребне успеха, – Оливия совершила неожиданный и странный для нее поступок. Поехала отдыхать на остров Ивиса, познакомилась с мужчиной по имени Космо Гамильтон и домой не вернулась. То есть в конце концов вернулась, но только после того, как прожила на острове целый год. Главный редактор узнал об этом только тогда, когда с Ивисы пришло письмо, где Оливия сообщала, что уходит с работы. Когда Нэнси услышала от матери эту потрясающую новость, она сначала просто не поверила своим ушам. Себе она сказала, что потрясена, так как это слишком уж неприлично; но на самом деле где-то в глубине души ощутила, что Оливия ее обскакала. Тогда Нэнси не терпелось скорее поделиться с Джорджем, убедиться, что он потрясен не меньше. Но его реакция оказалась неожиданной.

– Интересно, – все, что он сказал.

– Ты, кажется, не особенно удивлен?

– Не особенно.

Нэнси нахмурила брови.

– Джордж, мы говорим об Оливии.

– Знаю, что об Оливии. – Он взглянул на взволнованное лицо жены и чуть не рассмеялся. – Нэнси, неужели ты воображаешь, что Оливия всю жизнь была эдакой добродетельной паинькой-монахиней? Это она-то, самостоятельная молодая женщина, которая живет одна в своей лондонской квартире и умеет держать язык за зубами! Если ты и вправду так думала, значит ты глупее, чем я считал.

Нэнси почувствовала жжение в глазах.

– Но... но я себе представляла...

– Что ты себе представляла?

– Ах, Джордж, ведь она такая дурнушка.

– Да нет, Нэнси, – сказал ей Джордж. – Она вовсе не дурнушка.

– Я думала, она тебе не нравится.

– Мне – нет, – подтвердил он и развернул газету, кладя конец разговору.

Джорджу было несвойственно высказываться в такой категорической манере. И проницательность ему тоже была несвойственна. Но Нэнси после долгих размышлений в конце концов пришла к выводу, что он, пожалуй, прав насчет Оливии, и, освоившись с новой для себя ситуацией, без особого труда сумела обернуть ее к своей выгоде. Ну разве не шикарно, разве не современно иметь таких блестящих, экстравагантных родственников – совсем как в пьесах Ноэля Коурда, – которыми можно при случае похвастаться? Нужно только обойти аккуратно сожительство во грехе, а в остальном – чем не тема для светского застольного разговора? «Оливия... ну знаете, моя умная сестрица... это так романтично! Бросила все ради любви. Живет теперь на Ивисе. Дом – ну просто картинка!»

Воображение уже рисовало Нэнси другие восхитительные и, можно надеяться, даровые возможности: «Не исключено, что летом мы все туда поедем на недельку-другую. Хотя, конечно, все зависит от расписания в детском конном клубе. Мы, матери, – рабы конного клуба, не правда ли?» Однако Оливия пригласила только Пенелопу. Та с радостью поехала и прогостила на Ивисе больше месяца, семейство же Чемберлейн приглашения так и не дождалось, и этого Нэнси сестре простить не смогла.

В ресторане было очень тепло. Нэнси пожалела, что надела свитер, а не блузку, но снять его уже не могла и поэтому отпила еще немного охлажденного вина. У нее почему-то дрожали руки.

Сидящая рядом Оливия спросила:

– Ты что, виделась с мамочкой?

– Да, конечно. – Нэнси поставила стакан. – Я была у нее в больнице.

– Ну и как она?

– Учитывая диагноз, прекрасно.

– А это точно, что был инфаркт?

– Точно. Ее пару дней продержали в интенсивной терапии, потом перевели в палату, ну а она выписалась под расписку и уехала домой.

– Лечащему врачу это, должно быть, не понравилось.

– Конечно. Он был очень недоволен. Даже позвонил мне. И он сказал, что она не должна жить одна.

– Ты не считаешь, что нужно выслушать еще чье-нибудь мнение?

– Оливия, он очень хороший врач! – возмутилась Нэнси.

– Обычный сельский терапевт.

– Его это обидит...

– Вздор. Я считаю, что сначала надо устроить мамочке консультацию, а уж потом думать о компаньонке или экономке.

– Ты же знаешь, что она никогда не согласится на консультацию.

– Значит, не надо ее трогать. Зачем навязывать ей общество какой-то неизвестной сомнительной личности, если она хочет жить одна? К ее услугам эта милая миссис Плэккетт, которая приходит три раза в неделю, и соседи, я уверена, с удовольствием будут за ней приглядывать. Ведь она живет там уже пять лет, и ее все знают.

– Но подумай, что, если у нее будет еще один инфаркт, а никого не окажется рядом и она умрет? Или упадет с лестницы? Или это случится в машине, и произойдет авария? Ведь кто-то пострадает, может, даже погибнет?

Оливия не к месту рассмеялась:

– Вот уж не предполагала, что у тебя такая богатая фантазия! Но будем реалистами. Если она попадет в аварию, то наличие экономки в доме ничего не изменит. Честно сказать, по моему, нам не стоит беспокоиться.

– Но мы должны беспокоиться!

– Почему?

– Дело не только в экономке... Есть еще и другие вещи, о которых надо подумать. Сад, например. Это целых два акра, и она всегда обрабатывала его сама. И овощи выкапывала, и газоны косила. Все сама. Нельзя, чтобы она и дальше занималась таким тяжелым физическим трудом.

– Она и не собирается, – сказала Оливия, и Нэнси опять нахмурила брови. – У меня с ней на днях был длинный телефонный разговор...

– Ты мне не сказала.

– Не успела, к слову не пришлось. Голос у мамочки совершенно здоровый, бодрый, она прекрасно себя чувствует и сказала, что доктор – дурак, а если с ней поселят какую-нибудь женщину, то кончится тем, что она ее удушит. Ведь дом маленький, и они целыми днями будут спотыкаться друг о друга. С этим я не могла не согласиться. А что до сада, то она еще перед тем, как попала в больницу с этим своим сомнительным инфарктом, пришла к выводу, что ей такая работа уже не по плечу, и обратилась в «Помощь садоводу». Оттуда ей пришлют садовника на два-три дня в неделю. Кажется, он приступает к работе в этот понедельник.

От рассказа сестры настроение у Нэнси далеко не улучшилось. Мать с Оливией как будто вступили в заговор у нее за спиной.

– Не уверена, что это такой уж хороший выход. Откуда мы знаем, какой человек попадется? Мало ли кого могут прислать. Гораздо лучше было бы нанять какого-нибудь хорошего работника из деревни.

– Все хорошие работники из деревни работают на электронной фабрике в Пудли...

Нэнси готова была продолжить спор, но ее реплику опередило появление заказанного супа. Он прибыл в круглом глиняном горшке и источал восхитительный аромат. Нэнси вдруг почувствовала, что страшно проголодалась, взяла ложку и потянулась за теплой слоеной булочкой.

Через некоторое время она обиженно выговорила:

– Тебе даже в голову не пришло посоветоваться с Джорджем и со мной.

– Господи, да о чем тут советоваться? Это исключительно мамочкино дело и никого больше не касается. Нет, правда, Нэнси, вы с Джорджем обращаетесь с ней так, будто она выжила из ума. А ей всего шестьдесят четыре, она в расцвете сил, достаточно крепкая и совершенно самостоятельная. Перестаньте вы к ней приставать.

Нэнси вскипела:

– Приставать?! Может быть, если бы ты и Ноэль немножко больше к ней, как ты выражаешься, приставали, это бы сняло с моих плеч часть забот.

– Во-первых, никогда не объединяй меня с Ноэлем, – ледяным голосом ответила Оливия. – А во-вторых, если у тебя на плечах и лежит непомерный груз забот, то ты его сама выдумала и сама на себя взвалила.

– Зачем мы с Джорджем беспокоимся? Слова благодарности не услышим!

– А за что вас благодарить?

– За многое. Если бы мы не убедили маман, что это безумие, она бы уехала обратно в Корнуолл и жила бы там сейчас в рыбацкой хижине.

– А я до сих пор не понимаю, чем вам этот план не понравился?

– Оливия! Жить за сотни миль от всех, на другом конце страны... просто нелепость. Я ей так и сказала. Человек не может вернуться в прошлое. А она именно к этому и стремилась, хотела возвратить свою молодость. Кончилось бы все катастрофой. И потом, ведь именно Джордж нашел ей «Подмор Тэтч». Даже ты не станешь отрицать, что это прелестный, подходящий во всех отношениях домик. И все благодаря Джорджу. Не забывай, пожалуйста. Благодаря Джорджу.

– Джорджу ура, ура, ура!

Тут их снова прервали – глиняная супница была убрана, появились телячий эскалоп и омлет. Остатки вина были перелиты к Нэнси в бокал, Оливия потянулась за салатом. Наконец официант исчез, и Нэнси спросила:

– Сколько будет стоить этот садовник? Работники из агентства обычно обходятся страшно дорого.

– Ах, Нэнси, ну какая разница?

– Как это, какая разница? Хватит ли у маман средств на него? Меня это беспокоит. Она отказывается говорить о деньгах и при этом бывает ужасно расточительна.

– Мамочка? Расточительна? Да она медного гроша на себя не потратит.

– Зато постоянно принимает гостей. На еду и напитки у нее, должно быть, уходят астрономические суммы. И этот дурацкий зимний сад, который она пристроила к дому! Джордж пытался ее отговорить. Лучше бы потратила деньги на двойные рамы.

– Наверное, ей не нужны двойные рамы.

– Тебя это просто не касается. – Голос Нэнси возмущенно дрогнул. – Ты не желаешь задумываться о будущем.

– О каком будущем, Нэнси? Просвети меня.

– Она может дожить до девяноста.

– Дай бог.

– Ее капитала на все время не хватит.

У Оливии насмешливо блеснули глаза.

– И вы с Джорджем боитесь оказаться со старой неимущей родительницей на руках? Еще одна статья расхода сверх того, что идет на содержание вашего холодного дома и обучение детей в самых дорогих школах?

– Как мы считаем нужным тратить свои деньги, не твое дело.

– А как мамочка считает нужным тратить свои – не твое.

На это Нэнси не нашла что ответить. Она отвернулась от Оливии и стала есть эскалоп. Сбоку Оливии было видно, что она покраснела и подбородок у нее слегка дрожит. Ей же всего сорок три года, подумала Оливия, а она уже выглядит жирной, жалкой старухой! Она вдруг почувствовала жалость к сестре, жалость и даже что-то вроде вины. И сказала уже другим, более дружелюбным, ободряющим тоном:

– Не стоит так беспокоиться, Нэнси, уверяю тебя. Мамочка получила приличную сумму за лондонский дом, и у нее еще много осталось, даже после покупки «Подмор Тэтч». Лоренс Стерн, возможно, сам того не знал, однако он оставил ее неплохо обеспеченной. И это имело большое значение для всех нас: для тебя, меня и Ноэля, потому что от нашего папаши, приходится признать, в финансовом отношении проку был ноль.

Нэнси вдруг остро почувствовала, что у нее больше нет сил. Она устала спорить и не выносила, когда Оливия говорила о папе в таком тоне. При других обстоятельствах она бы немедленно ринулась на защиту дорогого покойника, но сейчас совершенно пала духом. Встреча с Оливией оказалась пустой тратой времени. Они не приняли никаких решений о матери, деньгах, экономке – вообще ни о чем. Оливия, как всегда, заговорила ее, и в результате Нэнси чувствовала себя, словно раздавленная паровым катком.

Вкусный обед был съеден. Оливия взглянула на часы и спросила, хочет ли Нэнси кофе. Та поинтересовалась, хватит ли им времени, и Оливия ответила, что у нее еще есть пять минут. Тогда Нэнси сказала, что хочет, и заказала. Нэнси заставила себя не думать про пудинги и пирожные, которые успела мельком заметить на тележке со сладостями, и взяла с банкетки купленный на вокзале «Харперс энд Куин».

– Ты это видела?

Она перелистала страницы, нашла рекламу аукциона «Бутби» и протянула сестре. Оливия бросила на журнал небрежный взгляд и кивнула:

– Видела. Картина будет продаваться в следующую среду.

– Правда удивительно? – Нэнси взяла журнал обратно. – Неужели найдется человек, который захочет купить это уродство?

– Нэнси, уверяю тебя, многие захотят купить это уродство.

– Ты шутишь.

– Вовсе нет. – Заметив искреннее недоумение на лице сестры, Оливия рассмеялась. – Господи, Нэнси, где вы с Джорджем жили все последние годы? Сейчас очень возрос интерес к

живописи конца века. Лоренс Стерн, Альма-Тадема, Джон Вильям Уотерхаус... Все это продается на аукционах за огромные деньги.

Нэнси попыталась взглянуть на мрачную картину по-новому. Нет, все то же самое.

– Но... почему? – упрямо повторила она.

Оливия пожала плечами:

– Стали ценить эту технику. Ну, и то, что теперь их картины стали редкостью.

– Вот ты говоришь – огромные деньги, а что это значит? За какую сумму, по-твоему, ее могут продать?

– Понятия не имею.

– К примеру.

– Н-ну... – Оливия, задумавшись, поджала губы. – Скажем... двести тысяч.

– Двести тысяч? Вот за это?

– Плюс-минус каких-нибудь несколько пенсов.

– Да почему же? – чуть не в голос закричала Нэнси.

– Я же сказала. Они теперь стали редкостью. А вещи вообще приобретают цену по мере спроса. Лоренс Стерн плодовитостью не отличался. Если приглядеться к деталям на этом полотне, понятно почему. Наверняка он работал над ним не месяц и не два.

– А где все его картины?

– Ушли. Распроданы. Некоторые, я думаю, продавались прямо с мольберта, когда еще и краски не просохли. В любом уважающем себя частном собрании и в любой публичной художественной галерее мира непременно есть одна-две работы Лоренса Стерна. На аукционах они появляются теперь крайне редко. И не забудь, он бросил писать задолго до войны, ведь у него так изуродовало артритом пальцы, что он уже не мог держать кисть. Должно быть, продавал все, что брали, и еще спасибо говорил, надо же было существовать и содержать семью. Денег у него никогда не было, – правда, на наше счастье, он унаследовал от отца большой дом в Лондоне, а потом сумел выкупить в полную собственность Карн-коттедж. Почти все наше образование – это средства от продажи Карн-коттеджа, а на деньги за дом на Оукли-стрит мамочка сейчас живет.

Нэнси слушала сестру, но не очень внимательно. Она отвлекалась на обдумывание и взвешивание вновь открывшихся возможностей.

Нарочито безразличным голосом она задала вопрос:

– А мамины картины?

– «Собиратели ракушек»?

– Ну да. И те два панно на лестнице.

– И что же?

– Если их продать, за них много дадут?

– Думаю, да.

Нэнси судорожно сглотнула. У нее пересохло во рту.

– Сколько?

– Нэнси, это же не моя область.

– Ну хоть приблизительно.

– Я бы сказала... примерно пятьсот тысяч.

– Пятьсот тысяч, – едва слышно выговорила Нэнси. Она ошеломленно откинулась на спинку стула. Полмиллиона. Она представила себе цифры на бумаге, с обозначением фунтов и с множеством нулей.

В это время принесли кофе, черный, дымящийся, ароматный. Нэнси кашлянула и только со второй попытки сумела произнести вслух:

– Полмиллиона.

– Около того. – Оливия подвинула к сестре через столик сахарницу и сдержанно улыбнулась. – Теперь тебе ясно, что вам с Джорджем незначем волноваться за мамочку?

На том разговор закончился. Они молча выпили кофе, Оливия подписала чек, и сестры поднялись из-за столика. У подъезда, поскольку им надо было ехать в разные стороны, они попросили вызвать два такси, и так как Оливия торопилась, она села в первое. Нэнси попрощалась с сестрой у машины и проводила ее глазами. Пока они обедали, дождь пошел довольно сильный, но Нэнси стояла, выйдя из-под козырька, и не замечала холодных струй.

Полмиллиона.

Подъехало ее такси. Она не забыла дать на чай швейцару, велела шоферу отвезти ее в «Хэрродс» и забралась в машину. Такси тронулось. Нэнси откинулась на спинку сиденья и уставилась на струящиеся за окнами потоки невидящими глазами. Разговор с Оливией ничего не дал, но время она потратила не зря. От тайной радости у нее громко колотилось сердце.

Полмиллиона фунтов!

Своей успешной карьерой Оливия Килинг была во многом обязана ценному благоприобретенному свойству: умению забыть обо всем постороннем и сосредоточиться на чем-то одном. Ее жизнь была подобна подводной лодке, разгороженной водонепроницаемыми переборками на отдельные отсеки, между которыми нет сообщения. Так, утром она, отключив мысли от Хэнка Спотсвуда, сосредоточилась на том, чтобы разобраться с Нэнси. Точно так же теперь, едва переступив порог редакции, она забыла про Нэнси и мелкие семейные заботы и снова стала редактором «Венеры», занятым исключительно делами своего журнала. До вечера она успела продиктовать письма, провести совещание с директором по рекламе, договориться о встрече с подписчиками в Дорчестере и устроить давно назревавшую головомойку заведующей отделом художественной прозы, напрямик предупредив бедную женщину, что «Венера» вообще перестанет печатать беллетристику и она останется без места, если не сможет найти для публикации вещи получше тех опусов, которые регулярно приносит Оливии на одобрение. Эта женщина, мать-одиночка, воспитывающая двоих детей, естественно, ударилась в слезы, но Оливия осталась неумолима; интересы журнала для нее были превыше всего, и она, протянув сотруднице косметическую салфетку, дала две недели на то, чтобы та, словно фокусник, вынула из шляпы зайца.

На все это ушло немало сил. Слава богу, была пятница, конец рабочей недели. Оливия работала до шести вечера, потом разобрала все, что накопилось на столе, собрала свои пожитки, спустилась на лифте в подземный гараж, завела машину и поехала домой.

Пробки были страшные, но она давно ездила по Лондону в часы пик и привыкла к ним. За журналом уже словно захлопнулась водонепроницаемая дверь, он перестал для нее существовать. И рабочего дня с его заботами тоже как не бывало. Оливия вернулась мыслями к Нэнси, к семейным проблемам.

Пожалуй, резковато она с сестрой разговаривала – упрекнула, что та делает из мухи слона, преувеличивая серьезность материнской болезни, отмахнулась от рекомендаций провинциального врача. А все потому, что Нэнси, чуть что, всегда устраивает панику... Впрочем, это неудивительно, у нее, бедняги, такая неинтересная жизнь... Но не только поэтому: Оливия, как маленькая девочка, не хотела поверить в то, что мама может быть больна. Мама всегда здорова, даже бессмертна. Оливия не соглашалась признавать Пенелопу больной. Не допускала мысли, что та может умереть.

Инфаркт. И не у кого-нибудь, а у мамочки, которая в жизни ничем не болела. Высокая, крепкая, энергичная, всем интересующаяся, но главное – она всегда есть. Оливия вспомнила полуподвальную кухню в доме на Оукли-стрит, живое сердце этого несуразно большого лондонского строения. Там всегда варился суп на плите, вокруг чисто выскобленного деревянного стола собирались люди, которые часами сидели и разговаривали над кружкой кофе или рюм-

кой чего-нибудь крепкого, пока мамочка гладила белье или латала старые простыни. До сих пор при слове «надежный» Оливии представлялся этот уютный уголок в материнском доме.

И вот теперь – это. Оливия вздохнула. Может быть, доктор и прав. Может быть, действительно надо, чтобы с Пенелопой кто-то постоянно жил. Лучше всего самой съездить к ней, переговорить обо всем и, если понадобится, все организовать. Завтра суббота. Возьму и съезжу к ней завтра, сказала себе Оливия, и на душе у нее сразу полегчало. Отправлюсь с утра и проведу с ней целый день. Принятое решение она тут же выбросила из головы, и образовавшуюся пустоту медленно заполнило приятное предвкушение сегодняшнего вечера.

Она уже почти приехала. Но сначала завернула в местный супермаркет, поставила машину и сделала кое-какие покупки: взяла упаковку черного хлеба, сливочного масла, горшочек паштета из гусиной печени, котлеты по-киевски, зелень для салата. А также оливкового масла, свежих персиков, сыр, бутылку виски, пару бутылок вина. Кроме того, купила цветов, целую охапку желтых нарциссов, свалила все в багажник и проехала остаток пути до Рэнферли-роуд.

Оливия жила в одном из красных кирпичных домиков постройки начала века с эркером, палисадником и выложенной плитками дорожкой. С улицы он казался заурядным до боли, но тем сильнее оказывалось впечатление от неожиданно современного интерьера. Перегородки на первом этаже сняты, так что вместо нескольких тесных комнаток образовалось одно просторное помещение с кухней, отделенной от столовой только стойкой наподобие той, что бывают в барах, и открытой лестницей на второй этаж. В дальнем конце – стеклянные двери в сад, и сквозь них открывается совершенно деревенский вид: по ту сторону ограды стоит церковь на незастроенном участке в пол-акра, где в летнюю пору под сенью старого дуба устраиваются пикники воскресной школы.

Естественно было бы и весь дом декорировать в деревенском стиле, с мебелью из полированной сосны, с цветастыми драпировками. Но у Оливии внутреннее убранство было выдержано в строгом стиле модерн, как в роскошной квартире на крыше небоскреба где-нибудь в центре города. Основной тон был белый, любимый цвет Оливии, цвет роскоши и света: белые пластиковые плитки пола, белые стены и шторы, белая грубоотканая хлопчатобумажная обивка глубоких, греховно соблазнительных диванов и кресел, белые лампы и абажуры. Однако впечатления холода не возникало, так как по белоснежному фону горели пятна чистых ярких красок. Алые и оранжевые диванные подушки, пестрые испанские коврики, ослепительные живописные абстракции в серебряных рамах. Обеденный стол стеклянный, стулья вокруг него черные, а одна из стен выкрашена ярко-синим, и на ней Оливия разместила целую фотогалерею родных и знакомых.

Кроме того, здесь было тепло, уютно и ослепительно чисто. Уже много лет к Оливии ежедневно приходила соседка, которая все мыла и начищала до блеска. Вот и сейчас здесь ощущался запах мебельной полировки, а к нему примешивался аромат голубых гиацинтов – Оливия еще осенью высадила в горшок луковицы, и они теперь цвели и благоухали.

Не спеша, стараясь полностью расслабиться, Оливия принялась за приготовления к предстоящему вечеру. Задернула шторы, зажгла огонь в камине (он был газовый, но с бутафорскими поленьями, и такой же теплый и приятный, как настоящий дровяной), вставила кассету в магнитофон, налила себе немного виски. Прошла на кухню, нарезала и смешала салат, приготовила заправку, накрыла на стол, поставила вино на лед.

Было уже почти половина восьмого. Оливия поднялась наверх. Ее спальня выходила в сад. Здесь тоже все было белое: толстый ковер от стены до стены, огромная двуспальная кровать. Она бросила взгляд на кровать, подумала о Хэнке Спотсвуде, минуту поколебалась, а потом сняла белье и постелила свежее, льдисто-хрустящее, свежевыглаженное, льняное. И только покончив с этим, разделась и налила себе ванну.

Ритуал вечерней ванны означал для Оливии несколько драгоценных минут полной раскованности. Лежа в клубах душистого пара, она давала мыслям волю скользить с предмета на предмет. Здесь в голову приходили разные приятные вещи – планы на предстоящий отпуск, фасоны платьев на будущие месяцы, какие-то смутные фантазии, связанные с очередным любовником.

Но почему-то в этот вечер Оливия опять стала думать о Нэнси – вернулась ли та уже в свой кошмарный дом, к своей несимпатичной семье? Да, верно, у нее есть трудности, но она их сама создает. У них с Джорджем непомерные претензии, и живут они не по средствам, да еще и сами себя уговорили, что им этого мало. Забавно вспомнить, какое у Нэнси было лицо – челюсть отвисла, глаза на лбу, – когда она услышала, сколько могут стоить полотна Лоренса Стерна. Нэнси вообще не способна скрывать свои мысли, особенно если застать ее врасплох, и в тот момент у нее на лице было написанное глубокое изумление, которое тут же сменила расчетливая алчность – ей уже, конечно, рисовались и оплаченные школьные счета, и двойные рамы в окнах «Дома Священника», и вообще обеспеченное благополучие всего клана Чемберлейнов.

Оливию это не пугало. Она не опасалась за судьбу «Собирателей ракушек». Это полотно – свадебный подарок Лоренса Стерна дочери, и оно для Пенелопы дороже всех денег на свете. Она его никогда не продаст. Придется Нэнси – и Ноэлю тоже – смириться с естественным ходом вещей и дожидаться смерти матери, – что, как от души надеялась Оливия, произойдет еще, даст бог, очень не скоро.

Она выкинула из головы Нэнси и стала думать о других, более приятных вещах. Этот молодой фотограф Лайл Медуин. Умница. Прекрасные работы. Просто находка. И понимает собеседника с полуслова.

«Ивиса», – назвал он. Она невольно повторила за ним это слово, и он, чутко уловив в ее тоне сомнение, сразу же выдвинул альтернативное предложение. Ивиса. Только сейчас, когда по коже расслабленно стекает выжатая из губки теплая вода, Оливия понимает, что этот минутный и, кажется, ничего не значащий разговор оживил воспоминания, и они за весь день так и не ушли, а затаились за ее мыслями и дождались своего часа.

Об Ивисе она не думала уже много месяцев. Но вот сегодня сама сказала: «Лучше что-нибудь деревенское для фона... Козы, овцы, трудолюбивые крестьяне в поле...» И ясно представила себе низкий, длинный дом с красной черепичной крышей, весь увитый бугенвиллеей и виноградом. Услышала звяканье коровьих колоколец, петушиный крик. Почувствовала запах разогретой сосновой и можжевельниковой хвои в теплом морском ветре. И ощутила на затылке знойные лучи средиземноморского солнца.

3. Космо

С Космо Гамильтоном Оливия познакомилась на яхте. Дело было летом 1979 года, она тогда отдыхала с друзьями.

Оливия яхты не любила – внизу теснота, слишком много людей на слишком маленьком пространстве, а на палубе постоянно обо что-то спотыкаешься, набиваешь шишки то на коленке, то на макушке. Но эта яхта была большая, крейсерская, она стояла в порту на якоре, и добирались до нее на моторной лодке. Оливия поехала туда нехотя, просто за компанию, вместе с остальными, и худшие ее опасения оправдались: много народу, сидеть негде, и все такие жутко веселые, все запанибрата, пьют коктейль «Кровавая Мэри», громко смеются и обсуждают шикарный званый вечер, на котором все были вчера, а Оливия и ее знакомые не были.

Она стояла в кокпите, крепко держа стакан, и с ней плечом к плечу стояли еще десятка полтора гостей. Ощущение такое, будто надо поддерживать светский разговор в до отказа набитом лифте. И что еще ужасно в этих увеселениях на воде – нет возможности потихоньку уйти, просто выскользнуть из дверей на улицу, поймать такси и вернуться домой. Как в ловушке. Да еще зажатая нос к носу с каким-то мужчиной без подбородка, который воображает, будто тебе безумно интересно услышать, что он служит в дворцовой гвардии, и машина у него хорошая, а все равно из Гемпшира, где он живет, до Виндзора ему ехать ровно столько-то часов и столько-то минут.

У Оливии от скуки свело скулы. Когда гвардеец на минуту отвернулся, чтобы наполнить опустевший стакан, она тут же обратилась в бегство: выкарабкалась из кокпита на палубу и прошла вперед мимо каютной надстройки, на крыше которой загорала какая-то молодая особа – практически нагишом. На передней палубе Оливия отыскала незанятый уголок и села прямо на доски, прислонившись спиной к мачте. Гомон голосов долетал до нее и сюда, но, по крайней мере, можно было побыть одной. Было жарко. Она сидела и с тоской смотрела на море.

Вдруг к ее ногам упала тень. Она подняла голову, опасаясь опять увидеть виндзорского гвардейца, но это оказался мужчина с бородой. Она обратила на него внимание, как только взошла на борт, но поговорить им до сих пор не пришлось. Борода у него была с проседью, а густые волосы – белые как снег. Очень высокого роста, мускулистый, поджарый, в белой рубашке и выцветших, просоленных джинсах.

Он спросил:

– Принести вам еще выпить?

– Да нет, пожалуй.

– Вы хотите побыть одна?

Голос приятный. И непохоже, чтобы он стал, распространяясь о своей персоне, пользоваться вместо личного местоимения словом «человек». Она ответила:

– Не обязательно.

Он присел рядом на корточки. Их глаза оказались на одном уровне, и Оливия увидела, что у него они такого же размытого, светло-голубого цвета, как джинсы. А лицо загорелое, в глубоких складках. Похож на писателя.

– Тогда можно мне с вами посидеть?

Она было замялась, но потом с улыбкой ответила:

– Отчего же нет.

Он назвалсЯ: Космо Гамильтон. Живет здесь, на острове, уже двадцать пять лет. Нет, не писатель. Когда-то имел свою контору проката яхт. Потом служил в одной лондонской фирме, которая занималась устройством туристических поездок. А теперь просто свободный человек, сам себе господин.

Оливия, неизвестно почему, заинтересовалась.

- И вам не скучно?
- Почему же мне должно быть скучно?
- Ведь у вас нет никаких дел.
- У меня тысяча дел.
- Назовите хотя бы два.

Он посмотрел на нее смеющимися глазами.

- Вы меня обижаете.

И действительно, у него такой деятельный, работающий вид, что трудно подозревать в нем бездельника. Оливия улыбнулась:

- Я шучу.

Он тоже улыбнулся, сощулив уголки глаз, и улыбка озарила его лицо теплым светом. Оливия почувствовала, как сердце у нее в груди гулко забилося.

– У меня есть яхта, – принялся объяснять он, – и дом. И сад. Полки с книгами. Две козы. И три дюжины кур-бентамок – судя по последним подсчетам. Бентамки, как известно, быстро размножаются.

- Вы сами ходите за курами? Или ваша жена?

- Моя жена живет в Уэйбридже. Мы разведены.

- И вы один?

– Не совсем. У меня есть дочь. Она ходит в школу в Англии, так что в учебное время живет с матерью. А на каникулы приезжает ко мне.

- Сколько ей?

- Тринадцать. Зовут Антонией.

- Она, должно быть, любит приезжать сюда?

- Да. Нам тут хорошо живется. А вас как зовут?

- Оливия Килинг.

- Где вы поселились?

- В «Лос-Пиньос».

- Вы одна?

– Нет, с друзьями. Поэтому и здесь оказалась. Кому-то из нашей компании прислали приглашение, и мы все притащились.

- Я видел, как вы поднимались на борт.

Она сказала:

- Терпеть не могу яхты.

И он засмеялся.

На следующее утро он появился в гостинице, разыскивая Оливию. И застал ее одну возле бассейна. Было рано, ее друзья еще спали в своих номерах. Но она уже искупалась и распорядилась, чтобы ей подали завтрак на террасе у бассейна.

- Доброе утро.

Она подняла голову и увидела против солнца его, облитого ослепительным светом.

- Здравствуйте.

Волосы у нее висели мокрыми прядями, на плечах был белый махровый халат.

- Можно мне присесть к вам?

- Если хотите. – Она ногой подтолкнула к нему стул. – Вы завтракали?

- Да. – Он сел. – Часа два назад.

- Может быть, кофе?

- Нет, и кофе не буду.

- Тогда чем могу быть полезна?

- Я приехал узнать, не согласитесь ли вы провести со мной сегодняшний день?

- Приглашение распространяется на моих друзей?

– Нет. Только вы.

Он смотрел ей прямо в лицо ровным, немигающим взглядом. Она почувствовала, что ей брошен вызов, и почему-то смутилась. Оливия много лет не смущалась. Чтобы спрятать это непривычное состояние и занять руки, она взяла из фруктовой корзинки на столе апельсин и попробовала надорвать грубую кожуру.

– А что же я скажу остальным?

– Просто скажите, что проведете сегодня день со мной.

Апельсиновая кожура не поддавалась, у Оливии даже заболел большой палец.

– А что мы будем делать?

– Я думал отъехать подальше на яхте... захватить провизию для пикника... Дайте-ка, – не вытерпел он, протянул руку через стол и отнял у нее апельсин. – Так вы его никогда не очистите.

Он достал из заднего кармана ножик и разрезал кожуру апельсина на четыре сектора.

Следя за его руками, Оливия сказала:

– Я терпеть не могу яхты.

– Знаю. Вы вчера говорили. – Он положил ножик в задний карман, легко снял кожуру и протянул очищенный апельсин Оливии.

Она молча взяла, и он спросил:

– Ну так как, да или нет?

Оливия с улыбкой откинулась на спинку стула. Она разделила апельсин на дольки и стала есть одну за другой. Космо молча наблюдал за ней. Знойный день уже начал вступать в свои права. Рот Оливии наполнился свежим цитрусовым вкусом. Она довольно сожмурилась, как кошка на пригреве, не спеша управилась с апельсином, облизала пальцы, посмотрела через стол на терпеливо ожидающего ответа собеседника и сказала:

– Да.

В тот день Оливия узнала, что на самом деле вовсе не так плохо относится к яхтам. Та, что принадлежала Космо, оказалась не такой большой, как вчерашняя, и гораздо симпатичнее. Во-первых, здесь они были вдвоем; во-вторых, не качались бесцельно на якоре, а отчалили, подняли парус и вышли, обогнув волнолом, в открытое море, а затем пошли вдоль берега, пока не достигли маленькой голубой бухточки, которую туристы на острове не дали себе труда открыть. Здесь бросили якорь и стали купаться, прыгая в море прямо с палубы и взбираясь обратно по капризной веревочной лестнице.

Солнце в вышине так палило, что Космо натянул над кокпитом тент, и они поели в его тени. Хлеб, помидоры, кружочки колбасы салями, фрукты, сыр и вино, сладкое и холодное – потому что он привязал бутылки за горлышко и спустил на веревках прямо в море.

Потом было время, чтобы безмятежно растянуться на палубе и позагорать; а еще позже, когда ветер совсем стих и солнце поползло вниз по небосклону и его водянистые отблески заиграли на белом потолке каюты, настало время для любви.

На следующее утро он опять появился в гостинице – подъехал в маленьком старом открытом «ситроене», напоминающем скорее мусорный бак на колесах, и увез Оливию вглубь острова, к себе домой. К этому времени в компании, с которой она приехала отдыхать, на нее, вполне естественно, начали злиться. Мужчина, приглашенный специально, чтобы составить ей компанию, выразил свои претензии, и произошла перепалка, после чего тот самым отвратительным образом надулся. Тем проще было уехать.

Опять сияло великолепное утро. Дорога уходила на холмы, через сонные золотые деревни, мимо белых церквушек, мимо ферм, где на скудных лугах паслись козы и ходили по кругу, вращая жернова, многотерпеливые мулы.

Здесь все было такое же, как и столетия назад, не затронутое коммерцией и туризмом. Чем дальше они ехали, тем хуже делалась дорога: кончился гудрон, «ситроен» покатился, про-

валиваясь и подпрыгивая, по узкому проселку, затененному раскидистыми пиниями, и наконец остановился у подножия старой оливы.

Космо выключил мотор, и они вылезли из машины. В лицо Оливии пахнул прохладный ветерок – далеко внизу проблеснула морская синева. Дальше вниз шла тропа, пересекала миндальную рощу, и там, где она снова выходила на открытое место, стоял дом – длинный, под красной черепичной крышей, белые стены в лиловых пятнах цветущих бугенвиллей. А за ним открывался прекрасный вид на береговой склон и море. Вдоль дома тянулась веранда, увитая виноградом, а перед ней – заросший сад, посреди которого блестела бирюзовая вода маленького бассейна.

– Вот это да! – только и смогла выговорить Оливия.

– Заходи, я покажу тебе все.

Дом был построен очень странно; перед каждым порогом – по две-три ступеньки где вверх, где вниз, в нем не было и двух комнат на одном уровне. Когда-то здесь жило фермерское семейство, поэтому гостиная и кухня до сих пор находились на втором этаже, а нижние помещения, где раньше располагались конюшня, хлев и свинарник, теперь служили спальнями.

Внутри было просто – беленые стены, самая скромная мебель – и прохладно. Небольшие цветные половички на грубых тесаных половицах, стулья с плетеными тростниковыми сиденьями, дощатые скобленные столы. Шторы только в гостиной на втором этаже, а всем прочим окнам в глубоких амбразурах оставалось довольствоваться ставнями.

Но были и восхитительные штрихи – диваны и кресла с мягкими подушками под яркими хлопчатобумажными покрывалами; вазы с цветами; поленья, сохнувшие в деревенских корзинах у открытого очага. В кухне с потолочной балки у стены свисала медная посуда и пахло травами и специями. И все выдавало присутствие человека образованного, думающего, прожившего здесь уже двадцать пять лет: сотни книг, не только в шкафах, но и на столах, подоконниках, на комоды у кровати; хорошие картины, множество фотографий, подставки с долгоиграющими пластинками возле проигрывателя.

Наконец экскурсия закончилась, и Космо через низенькую дверь, опять же вниз по ступенькам, вывел Оливию в красную прихожую, а оттуда на веранду.

Оливия встала спиной к открывшемуся виду, разглядывая белый фасад дома.

– Я даже и представить себе не могла такого совершенства!

– Посиди тут, полюбуйся пейзажем, а я принесу тебе бокал вина.

На каменных плитах веранды стоял стол и несколько плетеных кресел. Но Оливии не хотелось садиться. Она подошла к парапету и облокотилась. Вокруг в глиняных горшках цвели, благоухая лимоном, вьющиеся герани, и между ними сомкнутыми рядами деловито маршировали туда-сюда полчища муравьев. На душу Оливии снизошел безграничный покой. Если прислушаться, можно было различить слабые, приглушенные звуки, составляющие тишину. Далекий коровий бубенчик. Мирное, удовлетворенное кудахтанье кур откуда-то из сада. Шорох ветра.

Целый новый мир. Они отъехали всего на несколько километров, а Оливии казалось, будто от гостиницы, знакомых, коктейлей, бассейна, шумных улиц и магазинов, ярких огней и оглушительных танцевальных шлягеров ее отделяет тысяча миль. А еще дальше – Лондон, «Венера», дом, работа. Все это тает, теряет реальность, словно забытый сон о жизни, которой на самом деле никогда не было. Она как долго-долго пустовавший сосуд, который теперь медленно заполняется тишиной. «Я могла бы здесь остаться», – раздался несмелый голосок, будто кто-то легонько потянул за рукав. – Здесь я могла бы остаться».

Она услышала за спиной шлепки сандалий по ступеням. Обернулась и стала смотреть, как он выходит из темного проема, высокий, пригибая голову под притолокой. Он нес бутылку с вином и два стакана, а солнце стояло высоко и отбрасывало ему за спину короткую черную

тень. Поставив на столик стаканы и заиндевелую бутылку в каплях влаги, он достал из кармана джинсов сигару, чиркнул спичкой, закурил.

Когда заструился голубой дымок, Оливия сказала:

– Я не знала, что ты куришь.

– Только сигары. Изредка. Когда-то курил сигареты по полсотне в день, но потом избавился от этой привычки. Однако сегодня такой день, когда, кажется, можно дать себе небольшую поблажку. – Он уже откупорил бутылку и теперь наполнял стаканы. Один взял себе, другой протянул Оливии. Холодный как лед. – За что будем пить?

– За твой дом, не знаю, как он называется.

– «Высота».

– За «Высоту». И за ее хозяина.

Они выпили. Космо сказал:

– Я наблюдал за тобой из кухонного окна. Ты стояла не шевелясь. Интересно, о чем ты думала?

– Что здесь... реальность тает.

– А это хорошо?

– Кажется, да. Я... – Она задумалась, подыскивая подходящие слова, потому что ей вдруг показалось очень важным выразить все точно. – Я не особенно домашнее существо. Мне тридцать три года, я работаю в журнале «Венера» редактором отдела, добивалась этого положения много лет. С тех пор как окончила университет, contenu себя сама, и не подумай, что это я жалею, наоборот, ничего другого мне никогда и не нужно было. Замуж не хочу, и детей мне не надо. Навсегда – это не про меня.

– И что же?

– А то, что здесь... в этом доме, мне кажется, я могла бы остаться, не опасаясь, что окажусь узницей или пущу корни. Не знаю почему. – Она улыбнулась, глядя ему в лицо. – Право, не знаю.

– Оставайся, – сказал он.

– На весь день? На ночь?

– Нет. Оставайся вообще.

– Мама учила меня никогда не принимать приглашений вообще, на неопределенное время. Всегда должна быть назначена дата приезда и дата отъезда, так она говорила.

– И совершенно верно. Скажем, дата приезда – сегодня. А дату отъезда ты назначишь сама.

Оливия вглядывалась в его лицо, угадывая подтекст и мотивы. Потом спросила:

– Ты предлагаешь мне поселиться здесь, у тебя?

– Да.

– А работа? У меня прекрасная работа, Космо. Большое жалованье, большая ответственность. Теперешнего положения я добивалась всю свою взрослую жизнь.

– Значит, самое время взять годичный отпуск. Ни мужчина, ни даже женщина не может работать без передышки.

Годичный отпуск. Двенадцать месяцев для себя. Перерыв в работе на двенадцать месяцев – это еще в пределах допустимого. Больше означало бы бросить работу.

– У меня еще есть дом. И машина.

– Уступи их пока своей лучшей подруге.

– А родные?

– Пригласи их сюда.

Пригласить сюда родных. Оливия представила себе, как Нэнси жарит бока на краю плавательного бассейна, а Джордж сидит под крышей в шляпе, чтобы не обгореть. Представила, как Ноэль рыщет по нудистским пляжам и возвращается к ужину с добычей – очередной пыш-

нотелой блондинкой, изысканной на каком-нибудь никому не ведомом языке. Представила мамочку... но мамочка – это совсем другое дело, и ничего смешного. Тут все для нее подходит – и этот большой дом-лабиринт, и заросший сад. И миндальные рощи, и раскаленная на солнце веранда, и курочки-бентамки, курочки особенно. Мамочка будет в восхищении. Недаром же и она, Оливия, сразу полюбила этот дом и почувствовала себя в нем уютно. Это какая-то тайна. Вслух она сказала:

– Не у одной меня имеется родня. Тебе тоже надо подумать кое о ком.

– У меня только Антония.

– Разве этого мало? Нельзя же ее травмировать.

Космо со слегка смущенным видом потер затылок.

– Боюсь, что сейчас не самый подходящий момент для таких разговоров, однако все же замечу, что здесь и раньше бывали дамы.

Оливия рассмеялась:

– И Антония была не против?

– Она относилась к этому с пониманием. Философски. Заводила друзей. А вообще, она очень независимая.

Оба помолчали. Он ждал ответа. Оливия сидела, не отводя взгляда от стакана с вином.

– Это очень ответственное решение, Космо.

– Знаю. Ты должна подумать. Может, приготовим что-нибудь и за едой все обсудим?

Они вернулись в дом. Космо объявил, что сейчас приготовит спагетти с ветчиной и грибами, а Оливия, убедившись, что на кухне ей с ним не тягаться, ушла обратно в сад. Там она отыскала огород, нарвала зелени, несколько помидоров и даже нашла в тени под листьями маленькие тыковки. Все это она принесла на кухню, вымыла, нарезала для салата. Они ели за кухонным столом, а потом Космо сказал, что наступило время послеобеденной сиесты. Они легли, и это было даже лучше, чем в первый раз.

В четыре часа, когда зной немного спал, они спустились к бассейну, поплавали нагишом, а потом лежали на солнце, обсыхая.

Космо рассказывал о себе. Ему пятьдесят пять лет. Едва окончив школу, он был сразу же призван в армию и всю войну состоял на действительной службе. Жизнь эта, как ни странно, пришлась ему по вкусу, так что, когда война кончилась, он решил остаться сверхсрочно офицером в регулярных войсках. Но в тридцать лет получил немного денег в наследство от деда. Оказавшись впервые в жизни финансово независимым, поспешил демобилизоваться и, не связанный никакими узами и обязанностями, отправился путешествовать по свету. Добравшись до Ивисы, где тогда еще не расцвела тлетворная цивилизация и жизнь была потрясающе дешева, он с первого взгляда влюбился в этот остров и решил здесь обосноваться, так что на этом его путешествия закончились.

– А твоя жена? – спросила Оливия.

– Что – жена?

– Когда она появилась?

– Умер отец, и я приехал на похороны. Пожил немного с матерью, помог уладить дела. Мне тогда был сорок один год, не так уж мало. Я познакомился с Джейн в гостях у моих лондонских знакомых. Она была твоего возраста. Держала цветочный магазин. У меня было тоскливо на душе, уж не знаю почему. Может, все-таки потому, что потерял отца. До этого я никогда в жизни не раскисал. А тогда затосковал, возвращаться домой одному не хотелось. Джейн была очень милая, готова хоть сейчас под венец, и жизнь на Ивисе представлялась ей безумно романтической. В этом была моя главная ошибка: надо было сначала привезти ее сюда на смотрины, как привозят свою девушку познакомиться с родителями. А я этого не сделал. Мы поженились в Лондоне, и она в первый раз вошла сюда уже как моя жена.

– Она была здесь счастлива?

– Поначалу. А потом заскучала по Лондону, по знакомым, ей хотелось ходить в театры, на концерты в Алберт-холл, ездить по магазинам, в гости, за город на уик-энд.

– А как же Антония?

– Антония родилась здесь, она у нас местная. Я думал, появление ребенка немного успокоит мать, но вышло только хуже. И тогда мы вполне по-дружески решили расстаться. Безо всяких взаимных претензий и обид, потому что не на что было обижаться. Джейн увезла Антонию и растила ее до восьми лет, а с тех пор, как девочка стала ходить в школу, она на летние и пасхальные каникулы приезжает сюда и живет со мной.

– А тебе это не трудно?

– Нет. У меня с ней нет хлопот. Здесь есть славная чета, Томеу и Мария, они живут на маленькой ферме дальше по дороге. Томеу помогает мне в саду, а Мария приходит убирать в доме и присматривать за моей дочерью. Они подружились, и Антония в результате выросла двуязычной.

Стало прохладно. Оливия села, дотянулась до своей блузки, просунула руки в рукава, застегнула пуговицы. Космо тоже зашевелился и, заявив, что после этого разговора ему захотелось пить, предложил принести чего-нибудь. Она высказалась в пользу крепкого горячего чая. Космо поднялся и побрел к дому ставить чайник. Заросший сад скрыл его из виду, а Оливия осталась у бассейна. Она наслаждалась безмятежным одиночеством, уверенная, что с минуты на минуту он вернется. Вода в бассейне была гладкой как зеркало, и в ней отражалась стоящая на той стороне статуя мальчика, играющего на дудочке.

Низко пролетела чайка. Оливия, задрав голову, любовалась ее непринужденным полетом на широко распахнутых, подсвеченных закатом крыльях. В этот миг она поняла, что останется у Космо. Подарит себе один сказочный год.

Оказалось, что сжигание мостов довольно болезненная операция. Надо было о многом позаботиться. Прежде всего съездить в город, в отель «Лос-Пиньос», забрать вещи, расплатиться и освободить номер. Все это они проделали тихонько, тайком, чтобы никто не заметил, – вместо того чтобы разыскать друзей и все объяснить, Оливия трусливо уклонилась от встречи, оставив у портье записку с маловразумительными объяснениями своего поступка.

Затем ей пришлось посылать телеграммы, писать несколько писем, переговариваться с Лондоном по трескучей телефонной линии. Когда со всем этим было покончено, она ждала, что испытает радостное облегчение, но вместо этого ее почему-то охватила какая-то непонятная паника. Она почувствовала, что опустошена и совершенно без сил. Ее стошнило. Она скрыла это от Космо, но, когда он нашел ее лежащей ничком на кушетке, в слезах от дурноты и бессилия, все обнаружилось.

Он проявил удивительное понимание, уложив ее спать в комнатке Антонии, в полном покое и одиночестве, и она провела там три ночи и два дня, приподнимая голову, только чтобы выпить принесенного им горячего молока, съесть кусочек хлеба с маслом или дольку какого-нибудь фрукта.

На третье утро Оливия проснулась и почувствовала, что все прошло. Она выздоровела, отдохнула, пришла в себя, ее переполняла бодрость и упоительная радость жизни. Сладко потянувшись, она встала с кровати, распахнула ставни и вдохнула полной грудью свежесть раннего жемчужного утра. Пахло влажной, росистой землей, пели петухи. Оливия накинула халат и поднялась по лестнице в кухню. Вскипятила чайник, заварила чай. И, поставив на поднос две чашки, спустилась по другой лестнице в спальню Космо.

Ставни там были еще закрыты, стоял полумрак. Но Космо уже не спал.

Когда она вошла, он сказал:

– Привет.

– Доброе утро. Я принесла тебе утренний чай.

Она поставила поднос сбоку от кровати и отошла к окну распахнуть ставни. Косые лучи низкого солнца залили комнату светом. Космо протянул руку к часам.

– Половина восьмого. Ты ранняя пташка.

– Я пришла сказать, что мне лучше. – Она присела на край кровати. – И попросить прощения за слабость. И еще поблагодарить тебя за понимание и доброту.

– Как же ты собираешься меня благодарить?

– Н-ну, мне известен один способ, да вот не знаю, не слишком ли еще рано.

Космо улыбнулся и подвинулся, освобождая место.

– Это никогда не рано.

А потом:

– Ты – само совершенство.

Она, удовлетворенная, лежала на сгибе его руки.

– Как и ты, Космо, я тоже обладаю некоторым опытом.

– Скажите мне, мисс Килинг, – произнес он тоном персонажа пьесы Ноэля Коуарда, – когда вы лишились невинности? Я знаю, наши слушатели хотели бы это знать.

– На первом курсе.

– В каком колледже?

– Это имеет значение?

– Как знать.

– Маргарет-холл.

Он поцеловал ее. И сказал:

– Я тебя люблю.

И это было уже не из Ноэля Коуарда.

Полетели дни, один за другим, безоблачные, жаркие, длинные и свободные, наполненные самыми бесцельными занятиями. Оливия купалась в бассейне, спала, бродила по саду, заходила накормить бентамок, собрать яйца или немного пополють грядки. Познакомилась с Томеу и Марией, которых нисколько не смутило ее появление в доме, – каждое утро они приветствовали ее широкими улыбками и сердечными рукопожатиями. Она понемногу учила названия испанских блюд, наблюдала, как Мария готовит грандиозные паэльи. Ее перестало волновать, как одеться. Она целыми днями обходилась без косметики, бродила босиком, в старых джинсах или в бикини. Иногда они вдвоем ходили с кошелкой в деревню что-то купить, но, по молчаливому уговору, не появлялись ни в городе, ни на пляже.

Обдумывая теперь на досуге свою жизнь, Оливия обнаружила, что впервые очутилась в таких условиях, когда не надо работать, напрягаться, карабкаться вверх по лестнице избранной карьеры. Смолоду она поставила перед собой одну простую и ясную цель: быть всегда лучше всех. Первой в классе, первой по результатам экзаменов. Выкладывалась за стипендию, за хорошие оценки, засиживаясь до света над учебниками, чтобы еще раз все просмотреть, убедиться, что помнит, что ее примут в университет. А потом, в Оксфорде, опять все началось сначала – медленная и упорная подготовка к решающим выпускным экзаменам. Окончив с отличием по английскому и философии, она, казалось бы, могла сделать передышку, но слишком сильна была в ней внутренняя энергия. И, боясь потерять разгон, пропустить шанс, она сразу пошла работать. С тех пор минуло одиннадцать лет, и она ни разу не позволила себе расслабиться.

Все это в прошлом. И никаких сожалений. Теперь ей стало ясно, что встреча с Космо и полный выход из игры случились как раз вовремя. Лекарство нашлось прежде, чем стал ясен диагноз. Организм благодарно отозвался на перемену. Волосы у нее стали блестящими, темные глаза в густых ресницах лучились покоем, и даже черты лица словно утратили напряженную резкость, разгладились. Высокая, худощавая, загорелая до смуглоты, Оливия гляделась в зеркало и впервые в жизни видела себя по-настоящему красивой.

Как-то она осталась в доме одна. Космо отправился в город взять газеты и письма, а заодно глянуть на свою яхту, стоящую в бухте. Оливия лежала на террасе и наблюдала за двумя птичками, резвящимися в ветвях оливы.

Глядя на их игры, она вдруг ощутила странную пустоту. Стала копаться в себе, анализировать и обнаружила скуку. Не то чтобы ей надоел этот дом или Космо, нет. Надоела себе она сама, пустая, неприбранная, безрадостная, точно нежилая комната. Поразмыслив над этим новым положением вещей, Оливия поднялась с кресла и пошла в дом выбрать себе что-нибудь почитать.

К тому времени, когда Космо возвратился, она так увлеклась, что даже не услышала его шагов, и вздрогнула, когда он вдруг очутился перед ней.

– Я запарился и умираю от жажды, – начал было он, но не договорил и удивленно заглянул ей в лицо. – Оливия, я и не знал, что ты носишь очки.

Она отложила книгу.

– Только когда читаю, или работаю, или хожу на деловые обеды с тугодумами-бизнесменами, которые должны меня уважать. А вообще, я ношу контактные линзы.

– Я не замечал.

– Тебе не нравится? Это может как-то повлиять на наши отношения?

– Совсем нет. В очках ты кажешься ужасно умной.

– Я и есть ужасно умная.

– А что это за книга?

– Джордж Эллиот, «Мельница на Флоссе».

– Смотри только не вообрази себя бедняжкой Мегги Талливер.

– Я никогда не воображаю себя героинями книг. У тебя чудесная библиотека. Здесь есть все, что я хотела бы перечитать или прочитать впервые. Я, наверное, весь год просижу, уткнувшись носом в книгу.

– Не возражаю, только с условием, что время от времени будешь отрываться для удовлетворения моих плотских желаний.

– Договорились.

Он нагнулся, поцеловал ее и пошел в дом взять банку пива.

Она прочла «Мельницу на Флоссе», потом «Гудящие высоты», потом Джейн Остин. Прочла Сартра, прочла «В поисках утраченного времени» и в первый раз – «Войну и мир». Она читала классику, биографии, романы писателей, о которых раньше никогда даже не слышала. Прочитала Джона Чивера, и Джозефа Конрада, и растрепанный альманах «Искатели приключений», который удивительно живо напомнил ей детство в доме на Оукли-стрит.

А так как все эти книги были для Космо старыми добрыми знакомыми, вечера теперь стали проходить за увлекательными литературными беседами, обычно под музыку – «Из Нового Света» Дворжака, вариации «Энигма» Элгара, целые симфонии и оперы от увертюры до финала.

Чтобы быть в курсе событий, Космо раз в неделю получал из Лондона «Таймс». Однажды, прочитав в газете статью о сокровищах галереи Тейт, Оливия рассказала ему о Лоренсе Стерне.

– Он мой дед, отец моей матери.

Ей было приятно видеть, какое впечатление произвели эти слова на Космо.

– Вот это да! Почему же ты раньше не сказала?

– Не знаю. Я вообще о нем редко говорю. Да теперь его мало кто знает! Устаревший и забытый художник.

– И какой художник! – Космо наморщил лоб, подсчитывая: – Но он ведь родился... постой-ка... где-то в восемьсот шестидесятые годы. Он, по-видимому, был уже глубоким стариком к тому времени, когда ты появилась на свет.

– Его вообще тогда уже не было в живых. Он умер в тысяча девятьсот сорок пятом в своей постели в собственном доме в Порткеррисе.

– Так, значит, вы проводили каникулы и праздники в Корнуолле?

– Да нет. В его бывшем доме всегда жили чужие люди, жильцы. В конце концов мамочка его совсем продала. Ей пришлось это сделать, потому что нам все время не хватало денег. И это вторая причина, почему мы никуда не ездили на каникулы.

– Вы не чувствовали себя ущемленными?

– Нэнси ужасно страдала. И Ноэль страдал бы тоже, если бы не умел устроиваться. Он всегда заводил дружбу с подходящими мальчиками и получал всякие приглашения – то на яхте поплавать, то на лыжах покататься, то погостить у кого-то на вилле на юге Франции.

– А ты? – ласково спросил Космо.

– А мне было все равно. Я и не хотела никуда уезжать. Мы жили в просторном доме на Оукли-стрит, с большим садом, и к моим услугам были все музеи, библиотеки, картинные галереи – ходи куда хочешь. – Она улыбнулась, вспомнив ту интересную жизнь. – Дом принадлежал нашей матери. Лоренс Стерн в конце войны переписал его на нее. Отец у нас был довольно... – она замялась, подыскивая подходящее слово, – легковесный человек. Толковым и предприимчивым его не назовешь. Наверное, понимая это, дед позаботился о том, чтобы мама была материально независимой и имела хотя бы дом, где растить детей. Ему тогда было уже за восемьдесят, и все суставы у него были изуродованы артритом. Он понимал, что ему жить там уже не придется.

– Твоя мать и теперь в нем живет?

– Нет. Такой большой дом стало слишком трудно и дорого содержать, и в прошлом году она наконец согласилась его продать и уехать из Лондона. У нее была мечта снова поселиться в Порткеррисе, но моя сестра Нэнси ее отговорила и подыскала домик в деревне Темпл-Пудли, в Глостершире. Надо отдать Нэнси справедливость – домик очень милый, и мамочке в нем хорошо. Единственное, что в нем огорчает, это название «Подмор Тэтч». – Она неодобрительно наморщила нос, и Космо рассмеялся. – Нет, правда, согласишься, что это звучит немного посконно.

– Можно назвать его «Монрепо». Он, наверное, весь увешан прелестными картинами Лоренса Стерна?

– Нет, к сожалению. У мамочки их только три, и это обидно, потому что, судя по состоянию рынка, года через два им цены не будет.

Разговор перешел на викторианских живописцев, а потом на Огастеса Джона. Космо сходил в дом и принес его двухтомную биографию, которую Оливия читала, но выразила желание прочесть еще раз. Они долго обсуждали этого художника и сошлись на том, что, несмотря на все его пороки, этот старый светский брюзга не вызывает ничего, кроме восхищения, хотя в живописи оба предпочитают ему его сестру Гвен.

Придя к такому выводу, они приняли душ, оделись сравнительно пристойно и отправились пешком в деревню, в бар Педро, где можно было сидеть и пить прямо под звездным небом. Нежданно-негаданно появился молодой человек с гитарой, сел на табурет и просто, безо всяких церемоний, начал играть вторую часть «Гитарного концерта» Родриго, наполняя жаркую тьму ночи этой томной и торжественной музыкой, выражающей душу Испании.

Через неделю ожидался приезд Антони. Мария затеяла в ее комнате генеральную уборку, вытащила всю мебель на веранду, принялась белить стены, перестирывать байковые одеяла, накидки и яростно выбивать прутком половички и коврики.

Из-за суматохи скорое появление девочки становилось словно еще ближе, и от этого на душе у Оливии заскребли кошки. Не из эгоизма, – хотя, конечно, перспектива делить Космо с другой женщиной, пусть даже тринадцати лет, и притом его родной дочерью, была по меньшей

мере малоприятной, – а из-за того, что боялась не оправдать его ожиданий: сказать что-нибудь не то, совершить бестактный поступок. По отзывам Космо, Антония была девочка милая и без комплексов, но Оливии от этого легче не становилось, ведь опытом в общении с детьми она не обладала. Ноэль родился, когда ей было десять лет, и, пока он подросток настолько, чтобы с ним можно было общаться, она уже фактически оставила родной дом и ушла в мир. Есть, правда, дети Нэнси, но они такие несносные и невоспитанные, что от них Оливия всегда старалась держаться подальше. Что же они с Антонией скажут друг другу? О чем будут говорить? И чем заниматься?

Вечером, наплававшись в бассейне и расположившись в шезлонге рядом с Космо, она поделилась с ним своими опасениями.

– Понимаешь, мне очень не хочется вам помешать. Вы с Антонией так близки, и ей неизбежно должно показаться, что я тебя отнимаю. В конце концов, ей же всего тринадцать лет, а это трудный возраст, и ревность с ее стороны – вполне естественная реакция.

Он вздохнул.

– Ну как мне убедить тебя, что ничего этого не будет?

– Третий всегда лишний, даже в самых благоприятных условиях. Антонии наверняка захочется иногда остаться с тобой с глазу на глаз. А что, если я этого не почувствую и не уйду вовремя? Нет, Космо, согласись, у меня есть причины волноваться.

Он помолчал, подумал. И наконец со вздохом ответил:

– Очевидно, убедить тебя в беспочвенности этих страхов мне не удастся. В таком случае давай поищем выход из положения. Что, если, пока Антония будет жить у нас, мы пригласим погостить еще кого-нибудь четвертого? Для компании. Тебе так будет легче?

Такое предложение все меняло.

– Да-да, конечно, будет. Какой ты умный! Кого позовем?

– Кого захочешь, лишь бы это не был молодой сексуальный мужчина.

– А если мою маму?

– Она приедет?

– Непременно.

– Но в ее присутствии нам не надо будет спать в разных комнатах? Я уже не в том возрасте, чтобы красться ночью по коридору, могу в темноте с лестницы свалиться.

– Мама не склонна к иллюзиям, тем более на мой счет. – Оливия воодушевилась. – Космо, она тебе понравится. Мне просто не терпится вас познакомиться.

– В таком случае не будем терять время. – Он вылез из шезлонга и стал натягивать джинсы. – Давай поворачивайся, девочка. Если мы успеем мобилизовать твою маму и оповестить Антонию, они смогут встретиться в Хитроу и прилететь сюда вместе, одним самолетом. Антония еще робеет летать одна, а твоей матери, я думаю, будет с ней занято.

– Но куда мы направляемся? – спросила Оливия, торопливо проталкивая пуговицы в петли.

– Пойдем в деревню и позвоним по телефону от Педро. Ты знаешь номер телефона в Глостершире? Номер «Подмор Тэтч», «Соломенной крыши»? – Он произнес это название с нажимом, даже с издевкой, и поглядел на часы. – В Англии сейчас половина седьмого. Твоя мама в это время дома? Чем она может быть занята вечером в половине седьмого?

– Работает в саду. Или стряпает ужин на десятерых. Или угощает кого-то стаканчиком спиртного.

Скорей бы уже она очутилась здесь.

Самолет из Лондона с промежуточной посадкой в Валенсии прибывал в девять пятнадцать. Мария, с нетерпением ждавшая приезда Антонии, вызвалась прийти и приготовить ужин. Оставив ее организовывать грандиозное пиршество, Оливия и Космо поехали в аэро-

порт. Оба, хотя и не признавались в этом друг другу, слегка волновались, вследствие чего приехали много раньше срока и вынуждены были дожидаться в безлюдном зале добрых сорок минут, прежде чем женский голос среди треска и помех объявил по радио на испанском языке, что самолет совершил посадку. Затем опять ожидание, пока пассажиры проходили иммиграционный контроль, получали багаж; но вот наконец двери открылись и в зал валом повалили люди: бледные страдалыцы-туристы; семейства местных жителей с вереницами детишек; таинственные дельцы в черных очках и щегольских костюмах; священник и две монахини... Наконец, когда Оливия уже начала думать, что, должно быть, они опоздали на самолет, появились Пенелопа Килинг и Антония Гамильтон.

Они раздобыли тележку, навалили на нее вещи, но у нее заедали колеса, она все время ехала не туда, а они обе почему-то от этого помирали со смеху, причем так увлеклись смехом, болтовней и управлением непослушной тележкой, что даже не сразу заметили Космо и Оливию.

Волнение Оливии отчасти объяснялось тем, что всякий раз после более или менее длительной разлуки с Пенелопой ей становилось страшно, не окажется ли, что мать переменялась? Не обязательно постарела, но, может быть, как-то сникла, выдохлась, чуть заметно сдала. Однако, увидев Пенелопу, она сразу же успокоилась. Все в порядке. Вид, как всегда, оживленный и потрясающе изысканный. Высокая, прямая, густые серебристые волосы собраны в пучок низко на затылке, темные глаза искрятся весельем, и даже сражение с тележкой ни на йоту не убавило ее гордого достоинства. Разумеется, она вся обвешана сумками и корзинками и одета в старую темно-синюю суконную накидку, которая на самом деле – флотский плащ, купленный у обедневшей капитанской вдовы еще в конце войны и с тех пор верно служивший Пенелопе во всех случаях, от свадеб до похорон.

И Антония... Оливия успела разглядеть высокую стройную девочку, с виду старше своих тринадцати лет, с прямыми золотистыми волосами за спиной, в джинсах, футболке и красном хлопчатобумажном пиджаке.

На большее времени не было. Космо поднял руки и окликнул дочь по имени. Антония оставила Пенелопу и тележку и с развевающимися волосами, держа в одной руке ласты, а в другой холщовую сумку, устремилась к ним, пробираясь сквозь толпу обремененных чемоданами людей, чтобы повиснуть у Космо на шее. Он подхватил ее, закружил, оторвав от пола длинные спички-ноги, звучно поцеловал и поставил обратно.

– Ты выросла.

Это было сказано с укоризной.

– Знаю. На целый дюйм.

И Антония повернулась к Оливии. У нее оказался нос в веснушках и смеющийся рот, чересчур большой для круглого личика, а глаза серо-зеленые, окаймленные длинными, густыми белесыми ресницами. Взгляд открытый, приветливый, заинтересованный.

– Здравствуй. Я Оливия.

Антония высвободилась из объятий отца, зажала под мышкой резиновые ласты и протянула ей руку:

– Здравствуйте.

И Оливия, глядя в это юное, ясное лицо, поняла, что Космо был прав и опасаться ей совершенно нечего. Обезоруженная, покоренная непринужденной сердечностью девочки, она пожала протянутую руку.

– Вот хорошо, что ты приехала, – сказала она и, преодолев этот рубеж, оставила дочь с отцом, а сама пошла навстречу матери, терпеливо сторожившей вещи. Пенелопа, вся засветившись, молчаливым любовным жестом раскинула ей навстречу руки, и Оливия, счастливая, бросилась в эти объятия. Она обняла мать изо всех сил, прижимаясь лицом к прохладной гладкой щеке и вдыхая родной аромат знакомых материнских духов.

- Дорогая моя, хорошая, – проговорила Пенелопа. – Прямо не верится, что я здесь.
- Подожли Космо с Антонией, и заговорили все разом:
- Космо, это моя мама Пенелопа Килинг...
- Вы легко нашли друг друга в Хитроу?
- Безо всякого труда: я держала газету в руке и розу в зубах.
- Папá, мы так весело летели! Одного человека стошнило...
- Это весь ваш багаж?
- Долго пришлось ждать в Валенсии?
- ...а стюардесса вылила целый стакан апельсинового сока на монахиню, представляешь?

Наконец Космо навел порядок, взял на себя управление строптивой тележкой и вывел их из зала прибытия пассажиров в теплую синюю звездную ночь, наполненную бензиновой гарью и стрекотом цикад. Все они как-то умудрились втиснуться в «ситроен»: Пенелопа на переднем сиденье, Антония и Оливия сзади, туда же навалили вещи и поехали.

– Как поживают Мария и Томеу? И бентамки? – затарахтела Антония. – А ты знаешь, папá, у меня в этом году «отлично» по французскому! Ой, смотрите-ка, новая дискотека! И роликовый каток! Давайте приедем покататься на роликах, ладно, папá? И за эти каникулы я обязательно должна научиться виндсерфингу... Если брать уроки, это очень дорого?

Знакомая дорога вела в гору, в сельские места, где по холмам кое-где мерцали огоньки ферм и в воздухе стоял пряный смолистый дух. Подъезжая к дому, они увидели сквозь ветви миндальных деревьев, что Мария зажгла все наружное освещение, так что получилась настоящая праздничная иллюминация. Едва Космо остановил машину и они начали выбираться наружу, как в ярком свете подошли Мария с Томеу – она плотная, загорелая, в черном платье и переднике, а он по такому случаю чисто выбритый и в свежей рубашке.

– Hola, señor, – поздоровался Томеу.

Марию же интересовала только ее любимица:

– Антония!

– Мария! – Девочка выскочила из машины и бегом бросилась к ней обниматься.

– Antonia. Mi nina. Favorita. Cómo esta usted?⁴

Приехали.

Вход в комнату Пенелопы (некогда стойло для ослика) был прямо с веранды. Это была совсем маленькая комнатка, места хватало только для кровати и комода, а платяной шкаф заменяли вбитые в стену деревянные колышки. Но Мария произвела тут такую же тщательную уборку, как у Антонии, и все теперь сияло чистотой и белизной, благоухало мылом и свежewe-глаженным бельем, а Оливия поставила на тумбочку у кровати бело-синий кувшин с чайными розами и положила несколько книг. Две ступеньки вверх, и другая дверь открывалась внутрь дома. Оливия открыла ее и объяснила матери, как найти единственную ванную.

– Водопровод не всегда хорошо работает в зависимости от того, довольно ли воды в колодце, так что, если с первого раза вода в уборной не спустится, надо повторить попытку.

– Все замечательно. Изумительное тут место. – Пенелопа сняла синюю накидку, повесила на колышек и, наклонившись над кроватью, стала разбирать чемодан. – И Космо производит самое приятное впечатление. А ты так хорошо выглядишь. Я никогда тебя не видела такой цветущей.

Оливия, сидя на кровати, смотрела, как мать раскладывает вещи по ящикам.

– Спасибо, что ты так сразу приехала, по первому зову. Ты просто ангел. Мне показалось, что, когда приедет Антония, – лучше, чтобы и ты была. Конечно, я пригласила тебя не только поэтому. Я с первого дня, как очутилась здесь, мечтала показать тебе этот дом.

---

⁴ Антония. Моя малышка. Любимая. Как ты поживаешь? (исп.)

– Ты же знаешь, я люблю все делать экспромтом. Я позвонила Нэнси, сообщила, что еду к тебе, и ей так завидно стало, что ее не зовут, что она говорила со мной раздраженно, но я не обратила на это ни малейшего внимания. А малышка Антония – такое прелестное существо. Совсем не застенчивая, смеялась и болтала весь день. Вот бы детям Нэнси хоть немного ее общительности и хороших манер. Один только бог знает, за какой грех я наказана такими внуками...

– А как Ноэль? Ты давно его не видела?

– Давно. Уже несколько месяцев. На днях позвонила ему, жив ли? Выяснилось, что жив.

– Что делает?

– Подыскал себе новую квартиру, вблизи от Кингз-роуд. Во что она ему обойдется, я даже не отважилась спросить, это его проблема. Думает оставить издательское дело и заняться рекламой, говорит, что у него есть очень полезные связи. Ну, и собирался в Каус на уик-энд. В общем, как всегда.

– Ну а ты сама? Что у тебя слышно? Как «Подмор Тэтч»?

– Милый мой домик, – любовно отозвалась Пенелопа. – Достроили наконец зимний сад, не могу тебе передать, как славно получилось. Я посадила куст жасмина и один корень дикого винограда и купила очень изящное плетеное кресло.

– Тебе давно нужно было подкупить садовую мебель.

– Зацвела магнолия – в первый раз. Мне подрезали глицинию. Приезжали в гости Аткинсоны, и было так тепло, что мы ужинали в саду. Они справлялись о тебе и шлют самые сердечные приветы. – Пенелопа улыбнулась гордой материнской улыбкой. – Когда я возвращусь домой, смогу сообщить им, что такой цветущей и красивой я тебя никогда не видела.

– Тебя очень удивило, что я поселилась у Космо, бросила работу и вообще как будто с ума сошла?

– Пожалуй, да. Но потом я подумала: а почему бы и нет? Ты всю жизнь работала на износ; я иногда видела, какая ты усталая, озабоченная, и просто опасалась за твое здоровье.

– Ты мне не говорила.

– Оливия, ты сама себе госпожа, и я не имею права вмешиваться в твою жизнь. Но это не значит, что я о тебе не беспокоюсь.

– И оказывается, ты была совершенно права. Я тут переболела. Приняла решение, обрубила канаты, сожгла корабли и после этого совсем расквасилась. Трое суток подряд спала. Космо вел себя как настоящий ангел. На четвертый день я очнулась и выздоровела. Я даже не подозревала, что так вымоталась. Наверное, если бы не осталась здесь, кончилось бы тем, что попала в клинику с нервным срывом.

– Не смей об этом даже думать.

Во время разговора Пенелопа, не переставая снова по комнатке, раскладывала по ящикам комода свои пожитки, развешивала на стене знакомые поношенные платья. Как это похоже на нее – не привезти ни одного модного туалета, купленного специально для этой поездки! Впрочем, Оливия знала, что ее мать даже в этих старых вещах будет иметь самый изысканный и неповторимый вид.

Но, к ее немалому удивлению, нашлась и обнова. Напоследок из чемодана появилось одеяние из изумрудно-зеленого натурального шелка. Разложенное на кровати, оно оказалось роскошным и напоминало нечто среднее между казакином и восточным халатом с золотым шитьем, – ну прямо из «Тысячи и одной ночи»!

Оливия смотрела на него с восхищением.

– Где ты раздобыла такую прелесть?

– Верно ведь, хорош? Марокканский, по-моему. Купила у Роз Пилкингтон. Ее мать привезла этот наряд из довоенной развлекательной поездки в Марракеш, а она недавно нашла на дне старого сундука.

– Ты в нем будешь как императрица.

– Погоди, это еще не все.

Казакин, надетый на плечики, примкнул к выцветшим бумажным платьям на стене, а Пенелопа стала рыться в бездонной кожаной сумке, которую по прибытии сняла с плеча.

– Я ведь тебе писала, что бедняжка тетя Этель умерла? Представь, она оставила мне наследство. Я получила его по почте всего несколько дней назад, как раз когда собиралась к тебе.

– Тетя Этель оставила наследство? Я думала, у нее ничего не было.

– Я тоже. Но она в своем репертуаре – сумела удивить даже напоследок.

Тетя Этель действительно всю жизнь не переставала удивлять.

Единственная сестра Лоренса Стерна, много моложе его, она на исходе Первой мировой войны, тридцати трех лет от роду, решила, что, поскольку цвет английской молодежи полег на полях сражений во Франции, ей ничего не остается, как смириться с судьбой старой девы. И, нисколько не обескураженная, стала жить одна, стараясь получать от жизни как можно больше удовольствия. Поселилась в крохотном домишке в Патни, когда это еще был далеко не «хороший район», при случае пускала в дом какого-нибудь жильца (или любовника – никто точно не знал) и давала уроки игры на фортепиано, на что и существовала. Казалось бы, что может быть безрадостнее. Но тетя Этель даже в этой нищете умудрялась радоваться жизни, и каждый ее день был полон захватывающих приключений. Когда Оливия, Нэнси и Ноэль были маленькие, приезд тети Этель всякий раз был радостным событием, и не только из-за подарков, которые она обязательно привозила, но и потому, что с ней всегда было весело – она нисколько не походила на других взрослых. А еще интереснее было в гостях у нее: никогда не знаешь, что может случиться. Однажды, когда они сели пить чай с кривобоким пирогом, который испекла тетя, в комнате обвалился потолок. В другой раз стали жечь костер в конце ее крошечного садика, огонь перекинулся на ограду, и приехали пожарники в машине с колоколом. А еще она учила их плясать канкан и петь вульгарные куплеты, полные двусмысленностей, над которыми Оливия стыдливо хихикала, а Нэнси надувала губы, притворяясь, будто ничего не понимает.

С виду тетя Этель была похожа на козьявку: сухонькая, на ногах туфельки детского размера, крашенные рыжие волосики и вечно дымящаяся сигарета в руке. Но, несмотря на неряшливый облик и образ жизни (а может быть, именно благодаря этому), она имела массу друзей, и не было города во всей Англии, где не жила бы какая-нибудь ее школьная подруга или бывший поклонник. Этель всегда звали, дорожили ее веселым обществом, и она часто у них гостила, но между поездками в провинцию обязательно возвращалась в Лондон, к выставкам и концертам, без которых не могла жить, к усердной переписке с подругами и друзьями, к осиротевшему жильцу, если у нее в это время был жилец, к урокам фортепиано и к телефонным разговорам. Она без конца звонила своему биржевому маклеру, должно быть ангельски терпеливому человеку, и, если ее жалкие акции поднимались на один пункт, позволяла себе на закате два розовых джина вместо одного. Это у нее называлось «кутнуть на всю катушку».

На восьмом десятке, когда даже ей стали не под силу суэта и дороговизна лондонской жизни, Этель переехала в Бат и поселилась со своими закадычными друзьями Милли и Бобби Родвэй. Но потом Бобби оставил этот мир, а за ним вскоре последовала и Милли, и тетя Этель осталась одна. Какое-то время она еще справлялась в одиночку, бодрая и несгибаемая, как всегда, но старость исподволь все-таки взяла свое – Этель споткнулась у себя на пороге о молочную бутылку и сломала шейку бедра. После этого она стала сдавать с головокружительной быстротой и сделалась такой беспомощной и слабой, что районные власти в конце концов поместили ее в приют для престарелых. Здесь ее, закутанную в шали, трясущуюся и плохо соображающую, регулярно навещала Пенелопа, ездившая в Бат на своем стареньком «вольво» сначала из Лондона, а потом из Глостершира. Раза два Оливия сопровождала мать в этих поездках, но

они производили на нее такое тяжелое, гнетущее впечатление, что она под любым предлогом старалась от них уклониться.

– Так трогательно с ее стороны... – говорила теперь Пенелопа с нежностью. – Знаешь, ведь ей почти исполнилось девяносто пять. Это уже слишком... Ага, вот они.

Она нашла на дне сумки то, что искала, – старый, потертый кожаный футлярчик. Нажала защелку, крышка откинулась, и Оливия увидела на выцветшей бархатной подушечке пару серег.

– Ой! – непроизвольно сорвалось у нее с языка.

Они были восхитительно красивы – два кружка жемчужинок, а в них по кресту из золота и эмали, окруженных бриллиантами, и внизу болтаются подвески – жемчужинки с рубинами. Это было украшение из другой эпохи, замысловатая роскошь Ренессанса.

– И это – ее? – изумилась Оливия.

– Чудо, верно?

– Но откуда они у нее взялись?

– Не имею понятия. Последние полстолетия пылились в банке.

– Антикварная вещь.

– Нет, я думаю, викторианская. Из Италии, вероятно.

– Наверное, тетя Этель получила их в наследство от матери.

– Может быть. А может быть, выиграла в карты. Или получила в подарок от богатого обожателя. Это ведь тетя Этель, так что возможны любые варианты.

– Ты их отдавала на оценку?

– Времени не было. Они миленькие, но стоят, я думаю, недорого. Главное, они изумительно подходят к казакину. Прямо как будто специально для него предназначались.

– Верно. – Оливия отдала футляр с серьгами матери. – Но, пожалуйста, обещай мне, когда вернешься, оценить их и застраховать.

– Хорошо. Пожалуй. Я так плохо разбираюсь в этих вещах.

И она сунула футляр обратно в сумку.

Вещи были уже распакованы. Пенелопа закрыла пустой чемодан, сунула под кровать и повернулась к зеркалу на стене. Вынула черепаховые шпильки, распустила волосы, и они повисли, прошитые серебряными нитями, но, как и прежде, густые и здоровые, у нее за спиной. Перекинув волосы через плечо, Пенелопа взяла щетку. Оливия с удовольствием наблюдала знакомый с детства ритуал: поднятый локоть, скользящие, длинные взмахи.

– А ты, моя дорогая? Каковы твои планы?

– Я проведу здесь год. Двенадцатимесячный отпуск.

– Твой главный редактор знает, что ты намерена потом вернуться?

– Нет.

– Пойдешь опять работать в «Венеру»?

– Может быть. А может, еще куда-нибудь.

Пенелопа отложила щетку, собрала волосы в жгут, закрутила, заложила и приколола шпильками.

– Теперь схожу умоюсь и буду готова ко всему.

– Не споткнись на ступеньках.

Пенелопа вышла из комнаты. Оливия осталась ждать, сидя на кровати. Ее переполняло чувство благодарности к матери, которая так спокойно и разумно отнеслась к происходящему. Другая ведь сразу принялась бы расспрашивать, строить романтические прожекты насчет дочери и Космо, представлять ее стоящей у алтаря в белом туалете удачного покроя, который хорошо смотрится со спины... При одной только мысли об этом Оливии стало сразу и смешно, и противно до отвращения.

Пенелопа вернулась, и Оливия поднялась ей навстречу.

– Может, пойдем чего-нибудь поедем?

– Да, я немного проголодалась. – Пенелопа взглянула на часы. – Бог ты мой, почти половина двенадцатого!

– Ну и что? Ты в Испании. Пошли посмотрим, что нам приготовила Мария.

Они вышли на веранду. За пределами освещенного круга лежала тьма, плотная и теплая, как синий бархат. Оливия привела мать по каменным ступеням в кухню, где при свечах сидели вокруг стола Космо, Антония, Мария и Томеу, распивали бутылку вина и болтали, перебивая друг друга, – испанская речь звучала с пулеметной частотой кастаньет.

– Она замечательная, – сказал Космо.

Они опять остались одни, и это было как возвращение домой. Голова Оливии лежала на сгибе его руки. Говорили негромко, чтобы не потревожить спящих обитателей дома.

– Мапочка? Я так и знала, что она тебе понравится.

– Теперь понятно, в кого ты такая красивая.

– Да она в сто раз красивее меня.

– Надо ее здесь всем показать. Мне просто не простят, если я позволю ей уехать обратно в Англию, ни с кем не познакомив.

– И значит – что?

– Значит, мы соберем гостей. Не откладывая. Начинаем светскую жизнь.

Званный вечер. Это нечто новое. После той неудачной попойки на яхте Космо и Оливия жили отшельниками, ни с кем даже словом не перебрасывались, если не считать Томеу с Марией да двух-трех местных крестьян, проводивших вечера в баре у Педро.

Она спросила:

– Кого же мы можем пригласить?

Он рассмеялся беззвучно. Она почувствовала, как трясется обнимающая ее рука.

– Дорогая моя, у меня для тебя сюрприз: здесь полно моих знакомых! Ведь я же прожил на острове добрых двадцать пять лет. Или ты думала, что я пария и никто не хочет со мной знаться?

– Я вообще об этом не задумывалась, – честно призналась Оливия. – Мне никто не нужен был, кроме тебя.

– Мне тоже. И потом я считал, что тебе полезно отдохнуть от людей. Я очень о тебе беспокоился, когда ты несколько дней только и знала, что спала. И решил, что лучше будет до поры пожить в тишине.

– А-а. – Она ни о чем подобном не догадывалась, принимая все как должное. Теперь, задним числом, ей самой было странно, что она могла считать естественным это добровольное затворничество. – Я и не задумывалась...

– Вот теперь и подумай. Как тебе эта затея насчет гостей?

– Замечательно.

– Простая вечеринка или настоящий светский раут?

– Да-да, настоящий светский раут. Мапочка привезла вечерний туалет.

На следующее утро за завтраком Космо составлял список гостей. Ему помогала и в то же время мешала Антония.

– Папочка, обязательно пригласи мадам Санже.

– Не могу. Она умерла.

– Ну тогда хоть Антуана. Он-то ведь может приехать.

– Я думал, ты этого назойливого старого козла не выносишь.

– Да, пожалуй, но все равно я хочу его видеть. И мальчиков Хардбек, они такие милые; может быть, они пригласят меня заняться виндсерфингом, и тогда нам не придется платить за уроки.

Наконец список был составлен, и Космо отправился в бар Педро обзванивать всех с приглашениями. Тем из фигурирующих в списке, у кого не было телефона, приглашения доставлялись в письменном виде. Их развозил Томеу на «ситроене» Космо, с риском для самого себя и случайных встречных. Вскоре посыпались ответы, и было определено общее количество ожидаемых гостей: семьдесят человек. На Оливию эта цифра произвела сильное впечатление, но Космо только отмахнулся: всем известно, что он человек скромный, разве это размах?

Был приглашен электрик, который развесил на деревьях возле бассейна гирлянды разноцветных электрических ламп. Томеу мел и прибирал, сколачивал столы на козлах, безжалостно выбивал кресла и подушки. Антонии поручили перетирать рюмки и стаканы, мыть редко используемый чайный сервиз, к ней же обращались, когда надо было отыскать где-нибудь на забытой полке скатерти и салфетки. Оливия и Космо, вооружившись метровым списком, съездили по жаре в город и накупили всякой бакалеи, оливкового масла, жареного миндаля, кубиков льда в мешочках, апельсинов, лимонов и ящиков с винами. Все это время Мария и Пенелопа дружно трудились на кухне, где в полном взаимном согласии, несмотря на отсутствие общего языка, варили свинину, жарили кур, готовили паэлью, взбивали яйца, заваривали соусы, месили тесто и резали помидоры.

Наконец все было готово. Съезд гостей назначили на девять, а в восемь Оливия пошла принять душ и одеться. В комнате на кровати сидел Космо, свежевыбритый и благоухающий, и пытался продеть золотые запонки в манжеты белой рубашки.

– Мария так сильно накрахмалила эти чертовы манжеты, я никак не могу проткнуть петли.

Она села рядом и взяла у него из рук рубашку и запонки. Он обвел ее взглядом.

– Что ты наденешь?

– У меня есть два красивых новых платья, привезенных, чтобы форсить в гостинице «Лос-Пиньос», но так ни разу не надетых. Не было случая. В моей жизни появился ты, и мне пришлось ходить исключительно в лохмотьях.

– И в котором из них ты сегодня будешь?

– Оба висят в шкафу. Выбери ты.

Он встал, открыл дверцы, пошарил, стуча плечиками, пока не нашел платья. Одно было короткое, из алого шифона, с многослойным, напоминающим облако, подолом. Второе – до пола, холодновато-голубое, без талии, ниспадающее прямо от оголенных плеч на шнурочках-бретельках. Космо выбрал голубое, как и предполагала Оливия. Она поцеловала его, а потом, отдав рубашку, ушла в душ, а когда вернулась, он уже ушел. Она не спеша, очень тщательно занялась своим туалетом – наложила грим, причесалась, надела серьги, надушилась. Наконец обула и застегнула изящные босоножки и осторожно просунула руки и голову в платье. Шелк окутал тело, легкий и прохладный, как воздух. Сделаешь шаг, и он летит следом. Платье-ветерок.

Постучали в дверь, Оливия сказала: «Войдите». Это оказалась Антония.

– Оливия, как, по-вашему, это годится?.. – Она оборвала фразу и расширила глаза. – Ух, как красиво! Замечательное платье!

– Спасибо. Ну-ка покажись.

– Мама купила это в Уэйбридже, и мне тоже тогда показалось, что хорошо, но теперь я не уверена. Мария говорит, что недостаточно нарядно.

Антония была одета в белый матросский костюм с плиссированной юбкой и большим квадратным воротником, обшитым синей тесьмой. На коричневых голых ногах – белые сандалии, а золотисто-рыжие волосы заплетены в две косички и связаны вместе синим бантом.

– По-моему, безупречно! Ты вся такая чистая, наглаженная, как... прямо не знаю... как новенький пакетик из магазина.

Антония прыснула.

- Папá говорит, чтобы ты шла вниз. Гости начали собираться.
- А моя мама там?
- Да, на веранде, и выглядит потрясающе. Пошли?

Она ухватила Оливию за руку и потащила к дверям. Так, держась за руки, они и спустились на залитую светом веранду. В ее дальнем конце Оливия увидела Пенелопу, беседующую с каким-то кавалером, и убедилась, что не ошиблась: в шелковом казакине и наследственных драгоценностях ее мать была действительно словно настоящая императрица.

С этого вечера жизнь в «Высоте» резко переменялась. Если раньше здесь царило бесцельное одиночество, то теперь у Оливии и Космо не было свободного дня. Посыпались приглашения – на обеды, пикники, чаепития в саду, прогулки на яхте. То и дело подъезжали и отъезжали автомобили, у бассейна постоянно собиралось человек по десять, в том числе и сверстники Антонии. Космо в конце концов сговорился насчет уроков виндсерфинга, и они все вместе стали возить ее к морю. Оливия с Пенелопой лежали на пляже, якобы следя за тем, как Антония постепенно овладевает этим безумно трудным видом спорта, а на самом деле предаваясь любимому занятию Пенелопы – наблюдению за людьми. А так как те, за кем они наблюдали, и старые, и молодые, представляли перед ними практически голыми, ее комментарии носили отчасти раблезианский характер, и, уткнув носы в песок, обе давились от смеха. Изредка, как дар судьбы, случались свободные дни. Все оставались дома, не выходя за пределы усадьбы, а Пенелопа в старой соломенной шляпе и выцветшем ситцевом платье, загоревшая до смуглоты, – настоящая островитянка – брала секатор и принималась сражаться с разросшимися розовыми кустами. Все то и дело лезли в бассейн – освежиться и подвигаться. Вечерами же, когда зной спадал, отправлялись на прогулки по окрестностям – через поля, мимо крестьянских домов и дворов, где вместе с козами и курами блаженно копошились в пыли голозадые ребятишки, пока их матери снимали белье с веревок или доставали воду из колодцев.

Когда Пенелопе пришло время уезжать, все были страшно расстроены. От Космо, которого поддержали Оливия и дочь, она получила официальное приглашение погостить еще, но, растроганная, все же отказалась.

- Рыба и гости через трое суток портятся, а я здесь уже целый месяц.
- Но вы не рыба и не гость и нисколько не испортились, – возразила Антония.
- Ты милая девочка, но все-таки мне надо домой. Я и так слишком долго отсутствовала.

Мой сад мне этого не простит.

- Но вы ведь приедете еще? Да? – не отступалась та.

Она не ответила. В наступившем молчании Космо заглянул в глаза Оливии.

- Ну, пожалуйста, обещайте, что приедете.

Пенелопа с улыбкой похлопала Антонию по руке:

- Может быть. Когда-нибудь.

Провожать ее в аэропорт поехали все. Она уже попрощалась и ушла, но они подождали, пока взлетит ее самолет. Когда в бескрайнем небе замер гул мотора и причин задерживаться больше не было, все трое печально вернулись к машине, расселись по местам и поехали домой, не нарушая молчания.

- Без нее стало как-то не так, – грустно заметила Антония, когда они шли через террасу.
- Без нее всегда не так, – отозвалась Оливия.

«Подмор Тэтч»

Темпл-Пудли, Глостершир

17 августа

Мои дорогие Оливия и Космо!

Даже не знаю, как выразить свою благодарность за вашу доброту и за чудесный месяц на Ивисе, который вы мне подарили. Живя у вас, я постоянно чувствовала себя дорогой гостьей и купалась в вашей любви, а домой вернулась, наполненная прекрасными воспоминаниями, словно толстый семейный фотоальбом. «Высота» – дом совершенно волшебный, ваши соседи – милые и гостеприимные люди, а сам остров – даже, а вернее, в особенности нудистские пляжи – просто прелесть. Мне всех вас тут очень не хватает, а больше всего Антонию. Давно мне не приходилось дружить с такой обаятельной девочкой. Я бы могла до бесконечности изливать восторги, но вы ведь сами знаете, как я вам благодарна. Извините, что не написала раньше, не было свободной минуты. В саду буйство сорняков, бутоны с розовых кустов все опали. Надо будет, наверное, все-таки завести садовника.

Кстати, о садовнике. По пути домой я остановилась на два дня в Лондоне у Фридманов и побывала на прелестном концерте в Фестивал-холле. Кроме того, я снесла, как ты велела, Оливия, серьги в «Коллигвудс» на оценку. Ты не поверишь, там сказали, что они стоят по меньшей мере 4000 фунтов! Я, конечно, упала в обморок, а потом поинтересовалась, нельзя ли их застраховать, но страховой взнос оказался такой огромный, что я по приезде домой просто сдала их на хранение в банк. Видно, так уж им, бедненьким, суждено – пролежать всю жизнь в банке. Можно, конечно, их продать, но жалко, они такие красивые. И все-таки приятно знать, что они там лежат и всегда можно получить за них деньги, если я вдруг задумаю какое-нибудь безумство вроде приобретения электрической газонокосилки (вот в связи с чем упомянуты садовники).

В прошлое воскресенье приезжали обедать Нэнси и Джордж с детьми, якобы для того, чтобы послушать мой рассказ об Ивисе, а на самом деле чтобы самим рассказать о злодействах Крофтвеев и о приглашении на обед, которое они, Чемберлейны, получили от лорда-наместника. Я накормила их фазанами, свежей цветной капустой со своего огорода, подала еще тертые яблоки с изюмом и орешками, приправленные коньяком, но Мелани и Руперт капризничали, ссорились и даже не старались скрыть недовольства. Нэнси перед ними пасует, а Джорджу до их безобразных манер, похоже, нет дела. Все это меня так раздосадовало, что я нарочно взяла и рассказала Нэнси про серьги. Она сначала слушала равнодушно, – ведь никогда не навещала бедную тетю Этель, – но, когда я дошла до волшебных слов «четыре тысячи фунтов», сразу сделала стойку, как охотничья собака, почуявшая дичь. У Нэнси всегда что на уме, то и на лице, так что я легко прочла ее разыгравшиеся фантазии, вплоть до первого бала Мелани, и как в «Харперс энд Куин» будет напечатано: «Мелани Чемберлейн, одна из самых очаровательных дебютанток сезона, была в белом гипюре и знаменитых золотых с рубинами серьгах своей бабушки». Возможно, я ошибаюсь. Нехорошо это и жестоко по отношению к родной дочери, но все же не могу удержаться, чтобы не поделиться с вами своими забавными наблюдениями.

Спасибо еще раз. Такие невыразительные слова, но чем еще можно выразить благодарность?

*С любовью,
Пенелопа*

Проходили месяцы, и минуло Рождество. Начался февраль. Еще недавно лили дожди, свирепствовали ветры, и Оливия с Космо почти все время сидели дома у полыхающего камина, – как вдруг в воздухе запахло весной, зацвел миндаль, стало тепло, и в полдень уже тянуло посидеть в саду.

Февраль. К этому времени Оливия уже считала, что знает о Космо все. И ошибалась. Однажды под вечер она шла по садовой дорожке от курятника к дому, держа в руке корзинку с яйцами, и услышала, что подъехал автомобиль и остановился под оливой. Как раз когда она поднималась по ступенькам на веранду, показался незнакомый мужчина и пошел к ней. С виду

местный, но одет по-городскому: коричневый костюм, белый воротничок, галстук. На голове соломенная шляпа, в руке портфель.

Она вопросительно улыбнулась, он снял шляпу.

– Buenos días⁵.

– Buenos días.

– Сеньор Гамильтон?

Космо был в доме, писал письма.

– Да?

Он ответил по-английски:

– Нельзя ли мне его повидать? Скажите, что это Карлос Барсельо. Я подожду.

Оливия отправилась на поиски и нашла Космо за письменным столом в гостиной.

– К тебе гость, – объявила она. – Некто Карлос Барсельо.

– Карлос? О господи, я совсем забыл, что он должен приехать. – Космо положил перо и встал. – Пойду поговорю с ним.

Оливия услышала, как он сбежал по лестнице, услышала приветствие:

– Hombre!⁶

Она отнесла яйца на кухню и осторожно, по одному, выложила их из корзинки в желтую фарфоровую миску. А потом, снедаемая любопытством, подошла и выглянула в окошко: Космо и господин Барсельо, оживленно беседуя, прошли по направлению к бассейну. Пробыв там недолго, они вернулись к дому и некоторое время осматривали колодец. Потом было слышно, что они вошли внутрь, но не дальше спален. Спустили воду в уборной. Должно быть, господин Барсельо – водопроводчик?

Наконец они снова показались на веранде. Еще немного поболтали, а затем распрощались, и Оливия услышала, как машина господина Барсельо завелась и уехала. Потом на лестнице раздались шаги Космо. Он вернулся в гостиную, подложил полено в камин и, по-видимому, снова принялся за письма.

Было без малого пять часов. Оливия вскипятила воду, заварила чай и, поставив на поднос, отнесла ему.

– Кто это был? – спросила она, расставляя чашки.

Он еще не закончил писать.

– М-м?

– Твой гость, господин Барсельо. Кто он?

Космо обернулся к ней и спросил, посмеиваясь:

– Почему это тебя так заинтересовало?

– Я же его раньше никогда не видела. И для водопроводчика он слишком нарядный.

– Кто тебе сказал, что он водопроводчик?

– А разве нет?

– Господи, конечно нет, – ответил Космо. – Он мой домовладелец.

– Домовладелец?!

– Ну да. Хозяин этого дома.

Оливии вдруг стало холодно, зябко. Она обхватила себя за локти и посмотрела на Космо, ожидая, что он объяснится, растолкует ей, что она не так поняла, что это ошибка.

– То есть этот дом не твой?

– Нет.

– Ты прожил в нем двадцать пять лет, но он тебе не принадлежит?

– Я же сказал: нет.

---

⁵ Добрый день (*исп.*).

⁶ Здесь: дружище (*исп.*).

Для Оливии это звучало чудовищно, почти непристойно. Дом, в котором столько прожито, весь пропитанный их общими воспоминаниями; сад и обихожанный огород; бассейн; вид из окон. Все это чье-то чужое. И всегда было чужим. Собственность Карлоса Барсельо.

– Почему же ты его не купил?

– Он не хочет продавать.

– А другой ты приглядеть не думал?

– Другого я не хочу. – Космо поднялся из-за стола, разогнувшись с трудом, словно устал писать. Отодвинул стул, подошел к камину, где на полке лежали сигары, и, стоя спиной к Оливии, сказал: – К тому же, с тех пор как Антония пошла учиться, я должен платить за школу, и ни на что больше у меня денег нет.

На полке стоял стаканчик с лучинами. Он взял одну, наклонился к огню, зажег.

«Ни на что больше у меня денег нет». О деньгах они никогда не говорили, не было случая. Все эти месяцы, живя с ним вместе, Оливия просто вносила свою долю в ежедневные расходы: платила то за покупки в гастрономе, то за бензин на заправочной станции. Случалось, что у Космо не бывало при себе наличности, и тогда она платила по счету в баре или ресторане. В конце концов, у нее же есть средства, она живет с Космо вместе, но не на его содержании. Теперь ей хотелось задать ему несколько вопросов, но она не решалась, заранее страшась ответов.

Оливия молча смотрела, как он раскурил сигару, выбросил лучину в огонь и повернулся к ней лицом, прислонясь к каминной полке.

– У тебя вид такой, будто ты потрясена до глубины души.

– Я и вправду потрясена. Мне просто не верится. Это полностью противоречит моим представлениям о жизни. Быть владельцем своего дома для меня всегда было очень важно. Человек тогда ощущает себя в безопасности, морально и материально. Наш дом на Оукли-стрит был собственностью нашей матери, и поэтому мы, дети, чувствовали себя уверенно. Никто не мог лишить нас его. Одно из самых чудесных ощущений в жизни – это когда мы приходили с улицы под крышу, закрывали за собой дверь и были у себя дома.

Космо ничего на это не возразил, только поинтересовался:

– А теперешний дом в Лондоне – твоя собственность?

– Еще нет. Но будет через два года, когда я кончу выплачивать за него взносы строительной компании.

– Какая ты деловая дама.

– Не обязательно быть такой уж деловой дамой, чтобы сообразить, что нет смысла двадцать лет платить за аренду дома и в конце концов остаться с пустыми руками.

– Ты считаешь, что я дурак?

– Да нет же, Космо. Я так вовсе не считаю. Мне легко представить, как это получилось, но я, естественно, беспокоюсь.

– Обо мне?

– Да, о тебе. Я только сейчас поняла, что, живя здесь столько времени, ни разу не задумалась о том, на какие средства мы существуем.

– Хочешь это узнать?

– Только если ты сам пожелаешь рассказать.

– На доход от небольших капиталовложений, которые оставил мне дед, и мою армейскую пенсию.

– И все?

– В общей сложности да.

– А если с тобой что-нибудь случится, твоя пенсия умрет вместе с тобой?

– Конечно. – Он улыбнулся и заглянул ей в глаза, стараясь вызвать на ее нахмуренном лице ответную улыбку. – Но не будем пока еще меня хоронить. Мне же только пятьдесят пять.

– А как же Антония?

– Я не могу оставить ей то, чего у меня нет. Будем надеяться, что к тому времени, когда я откину копыта, она найдет себе богатого мужа.

До сих пор они спорили, не горячася. Но эти слова возмутили Оливию до глубины души, и она пришла в ярость.

– Космо, не смей говорить такие безобразные викторианские глупости! Ты обрекаешь Антонию на вечную зависимость от мужчины. У нее должны быть свои деньги! У каждой женщины должна быть какая-то собственность!

– Я не знал, что ты придаешь деньгам такое значение.

– Не придаю я им значения. И никогда не придавала. Деньги важны только тогда, когда их нет. И только для того, чтобы покупать ценности – не гоночные автомобили, меховые манто или круизы на Гавайи и прочий хлам, а настоящие ценности: независимость, свободу, достоинство. И знания. И свободное время.

– Ты ради этого всю жизнь работала? Ради возможности показать нос самодовольному викторианскому отцу семейства?

– Прекрати! Ты хочешь представить меня заядлой феминисткой, эдакой отвратительной грубой лесбиянкой с мерзким плакатом в руках.

На это Космо ничего не ответил, и Оливия сразу же устыдилась своего взрыва, пожалев о сказанных в запальчивости словах. До сих пор они ни разу не ссорились. Ярость ее улеглась, уступив место здравому смыслу, и она постаралась сдержанно ответить на его вопрос:

– Да, отчасти ради этого. Я рассказывала тебе, что отец у нас был несерьезный человек. Он не оказал на меня ни малейшего влияния. И я всю жизнь стремлюсь походить на маму, быть сильной и ни от кого не зависеть. Кроме того, у меня есть внутренняя творческая потребность писать, и журналистская работа, которой я занимаюсь, эту потребность удовлетворяет. Так что мне повезло: я делаю то, что мне нравится, и за это получаю жалованье. Но и это еще не все. Меня тянет неодолимо к делу, к трудной, конфликтной работе, к ответственным решениям, к аврамам. Я нуждаюсь в нагрузках, во всплесках адреналина. Это меня вдохновляет.

– И дает тебе счастье?

– Счастье? Ах, Космо! Синей птицы не существует. Конца радуги на земле нет. Скажем так: за работой я никогда не бываю абсолютно несчастной. А без работы не бываю абсолютно счастливой. Это понятно?

– Так что же, ты не была здесь абсолютно счастлива?

– Эти месяцы с тобой особенные, ничего подобного со мной никогда не происходило. Это словно сон, вырванный у времени. И я никогда не перестану испытывать бесконечную благодарность тебе за этот подарок, который у меня никто не сможет отнять. Мне тут было хорошо, по-настоящему хорошо. Но ведь невозможно грезить до бесконечности. Приходит время очнуться. Скоро я начну нервничать, может, даже раздражаться. Ты будешь недоумевать, что со мной, и я, наверное, тоже. А потом я начну потихоньку в себе разбираться, и выяснится, что мне пора вернуться в Лондон, подобрать и связать оборванную нить и продолжить свою жизнь.

– Когда же это будет?

– Наверное, где-то через месяц. В марте.

– Ты же говорила, год. А это только десять месяцев.

– Знаю. Но в апреле опять приедет Антония. Лучше, чтобы меня к тому времени здесь уже не было.

– А мне показалось, что вы друг другу понравились.

– Вот именно. Поэтому я и уеду. Не надо, чтобы она рассчитывала увидеть здесь меня. Кроме того, у меня много дел – например, надо позаботиться о моей дальнейшей работе.

– Тебя возьмут на старое место?

– Если нет, найду новое, так даже лучше.

– Ты очень самоуверенна.

– Ничего не поделаешь.

Космо глубоко вздохнул и с досадой швырнул недокуренную сигару в огонь.

– А если бы я попросил тебя выйти за меня замуж, что бы ты сказала?

Оливия только выговорила безнадежно:

– Ох, Космо!

– Видишь ли, мне трудно представить себе будущее без тебя.

– Если бы я вышла замуж, то только за тебя, – сказала она ему. – Но я уже объясняла тебе в первый же день, как очутилась в твоём доме, что у меня никогда не было желания обзавестись семьей, детьми. Я могу любить кого-то. Восхищаться. Но все равно мне необходимо жить своей, отдельной жизнью. Оставаться собой. Я нуждаюсь в одиночестве.

Он сказал:

– Я тебя люблю.

Оливия перешла через разделяющее их пространство комнаты, обвила его руками за пояс, положила голову ему на плечо. Сквозь свитер и рубашку раздавались толчки его сердца. Она сказала:

– Я заварила чай, а мы его так и не пили. Теперь уж он, конечно, остыл.

– Знаю. – Космо провел ладонью по ее волосам. – Ты еще приедешь на Ивису?

– Наверное, нет.

– А писать будешь, чтобы не потерять связь?

– Буду присылать открытки на Рождество. С птичками.

Он взял ее лицо в ладони, повернул к себе. В его светлых глазах была бесконечная грусть.

– Теперь я знаю, – проговорил он.

– Что?

– Что мне суждено потерять тебя навсегда.

4. Ноэль

В тот же самый день, в непогожую, пасмурную пятницу, в половине пятого, когда Оливия устраивала разнос литературной редакторше, а Нэнси, забыв обо всем, расхаживала по торговому залу «Хэрродса», их брат Ноэль освободил свой рабочий стол в футуристической конторе «Венборн и Уэйнберг, рекламные агенты» и ушел домой. Вообще-то, контора закрывалась в половине шестого, но, когда человек проработал на одном месте пять лет, он может себе позволить иногда уйти с работы раньше времени. Сослуживцы привыкли к его вольностям, никто даже бровью не повел, а на случай, если на пути к лифту ему встретится один из владельцев фирмы, у Ноэля всегда было готово объяснение: «Что-то неможется, грипп. Должно быть, надо пойти лечь в постель».

Владельцы фирмы ему не встретились, и ложиться в постель он вовсе не собирался, а намеревался поехать на уик-энд в Уилтшир к неким Эрли, с которыми был незнаком. С Камиллой Эрли училась вместе Амабель, его теперешняя подруга.

– У них большой съезд гостей по случаю скачек в субботу, так что, я думаю, сойдет, – сказала ему Амабель.

– А отопление там центральное? – поинтересовался предусмотрительный Ноэль; в это время года сидеть и дрожать у жалкого каминного огня ему не улыбалось.

– Господи, конечно! У них вообще денег куры не клюют. За Камиллой в школу приезжали на шикарном «бентли».

Это звучало многообещающе. В таких домах можно завязать полезные знакомства. И теперь, спускаясь в лифте, Ноэль отринул все насущные заботы, устремившись мыслью в завтрашний день. Если Амабель не опоздает, они успеют выбраться из Лондона, прежде чем всеобщий автомобильный исход запрудит дороги. И хорошо бы она приехала на своей машине, на ней бы и отправились. А то двигатель его «ягуара» начал подозрительно постукивать. К тому же если машина будет ее, глядишь, ему и на бензин не придется раскошелиться.

Он вышел на улицу. Найтсбридж струился дождем и прочно стоял дорожными пробками. Обычно Ноэль ездил с работы к себе в Челси на автобусе, а иногда даже, летними вечерами, шел пешком по Слоун-стрит. Но сейчас, дрожа от холода, он плюнул на траты и остановил такси. Доехал до половины Кингз-роуд, заплатил шоферу, вылез и свернул за угол, откуда до «Вернон-меншенс» уже было рукой подать.

Его машина стояла у края тротуара – «ягуар-Е», отличный, спортивный, но... приобретенный десять лет назад. Ноэль купил его у одного разорившегося парня, само собой, за гроши, но потом, дома, обнаружил, что все днище проржавело, тормоза не схватывают, а бензина «ягуар» жрет невероятное количество, что твой пьяница – пива. И вот теперь еще стук какой-то. Ноэль задержался, скользнул взглядом по шинам, одну пнул. Приспущена. Если, к несчастью, придется ехать в своем «ягуаре», не останется ничего другого, как заехать в автосервис, чтобы подкачали.

Он перешел на другую сторону. Открыл парадное. Воздух внутри был нечистый, спертый. Рядом с лестницей – лифт, но в свою квартиру на втором этаже Ноэль поднимался пешком. Ступени покрывала ковровая дорожка, и пол в коридоре, куда выходила его квартира, тоже. Он повернул ключ, вошел, закрыл за собой дверь. Все. Он дома.

Дом. Просто анекдот.

Эти квартиры проектировались в расчете на городских дельцов, которые, не выдержав нагрузки ежевечерних поездок домой в Саррей, Сассекс или Бакингемшир, получали возможность в будни переночевать в Лондоне. В них были маленькая прихожая со стенным шкафом, где можно повесить костюм, крохотная ванная, кухня размером с камбуз на прогулочной яхте и жилая комната. За раздвижной дверью находился закуток, который целиком занимала дву-

спальная кровать, которую невозможно застелить – не подберешься, а летом там было так душно, что Ноэль, махнув рукой, просто ложился на диване.

Меблировка и убранство тоже принадлежали компании, что сильно повышало и без того немалую квартплату. Все было выдержано в бежево-коричневых, безрадостных тонах. Окно в комнате выходило прямо на глухую кирпичную стену нового супермаркета, внизу тесный переулочек и ряд гаражей с висющими замками на воротах. Солнце в квартиру не заглядывало, стены, когда-то кремовые, пожелтели, как прогорклый маргарин.

Но зато район хороший. А для Ноэля это было главным – важная черта его рекламного портрета, так же как спортивный автомобиль, рубашки «Харви и Хадсон», обувь от «Гуччи». Все эти подробности имели в его жизни большое значение, потому что из-за семейных неурядиц и финансовых трудностей он в свое время учился не в закрытом интернате, а в дневной школе в Лондоне и потому не завел полезных связей, которые сами идут в руки выпускникам Итона, Харроу или Веллингтона. Это мучило его и в тридцать лет.

После школы получить работу для него не было проблемы. Ему предоставили место семейная фирма отца «Килинг и Филиппс» – солидное, с традициями, издательское дело, и он проработал там целых пять лет, а уж потом переключился на рекламу, занятие куда более прибыльное и увлекательное. А вот о положении в обществе ему приходилось заботиться самому, полагаясь исключительно на собственные достоинства. Которых, слава тебе господи, у него хватало. Высокий рост, приятная наружность, способности к спорту и смолоду усвоенные приветливые, обезоруживающе искренние манеры. Он умел быть обаятельным с женщинами старше себя, тактично-почтительным с мужчинами того же возраста и, пустив в ход прямо-таки шпионские терпение и хитрость, легко просочился в высшие сферы лондонского света. Из года в год он числился у титулованных мамаш в списках кавалеров, подлежащих приглашению на первые балы, и, пока длился лондонский сезон, почти не спал – возвращался засветло, стаскивал фрак и крахмальную рубашку, становился под душ и бежал на службу. По субботам и воскресеньям неизменно бывал на регатах и скачках. Получал приглашения в Давос покататься на горных лыжах и в Садерленд на рыбалку, и время от времени его красивое лицо появлялось на глянцевых страницах журнала «Харперс энд Куин» – «за шутливым разговором с любезной хозяйкой».

Словом, Ноэль, конечно, немало достиг. Но потом ему вдруг все это обрыдло. Захотелось большего. А то застрял человек, и ни туда ни сюда.

Однокомнатная квартирочка обступила его со всех сторон и не сводила глаз, дожидаясь решительного шага, будто нищая семья. Ноэль задернул шторы, включил лампу. Стало чуточку легче. Он вытащил из кармана номер «Таймс» и швырнул на столик. Пиджак снял, бросил на кресло. Сходил на кухню, налил виски в стакан, насыпал льда из холодильника. Вернулся в комнату, сел на диван и развернул газету.

Сначала биржевые новости. Акции «Консолидейтед Кейблс» поднялись на один пункт. Затем спортивная страница. Кобыла Алый Цветок пришла четвертой, то есть полсотни выброшено на ветер. Прочел рецензию на новый спектакль. И наконец аукционы. У «Кристи» картина Милле продана без малого за восемьсот тысяч фунтов.

Восемьсот тысяч...

От тоски и зависти к горлу подступила тошнота. Ноэль отложил газету, отпил глоток виски и стал думать о картине Лоренса Стерна «У источника», которая на той неделе будет продаваться в «Бутби». Так же как его сестра Нэнси, он ни во что не ставил работы своего деда, но, в отличие от нее, был в курсе того, что за последнее время в художественном мире резко оживился интерес к викторианской живописи. Он следил за постепенным ростом цен в артистических салонах и знал, что теперь они достигли фантастических сумм, на его взгляд – ни с чем не сообразных.

Курс на высшей точке, а ему нечего предложить на продажу. Лоренс Стерн – его родной дед, а у Ноэля нет ни одной картины. И ни у кого из них нет. В доме на Оукли-стрит висели три, но мама увезла их с собой в Глостершир, хотя ее «Соломенная крыша» кажется от больших полотен совсем низенькой.

Интересно, какая им сейчас цена? Пять сотен, шесть, тысяча? Может, все-таки попробовать поговорить с мамой, вдруг она согласится продать? Если бы это удалось, вырученные деньги пришлось бы, конечно, поделить. Нэнси, во всяком случае, своего не упустит. Но даже тогда ему достался бы порядочный куш. Воображение Ноэля, осторожно приносясь, поползло вперед. Забрехали ослепительные планы. Можно будет немедленно бросить эту каторжную работу у «Венборна и Уэйнберга» и завести самостоятельное дельце. Не реклама, а брокерские товарные операции, игра по-крупному.

А что для этого нужно? Престижный адрес в Вест-Энде, телефон, компьютер и побольше апломба. Все это у него есть. Доить мелкую сошку, крупным инвесторам предоставлять выгодные условия и так выйти на большую игру. Ноэль ощутил почти эротическое возбуждение. А что? Вполне осуществимо. Не хватает только капитала, чтобы привести всю машину в движение.

«Собиратели ракушек». Пожалуй, надо будет в конце той недели съездить навестить маму. Он у нее, кажется, уже несколько месяцев не был. А она недавно болела – Нэнси сообщила ему об этом по телефону зауспокойным голосом, вот и отличный предлог для посещения «Соломенной крыши», а уж там можно будет остороженько перевести разговор на картины. Если мама начнет упираться или ссылаться на закон о налоге на прибыль, он расскажет о своем приятеле Эдвине Манди, который занимается перепродажей произведений искусства, он большой дока по части вывоза в Европу и вложения выручки в швейцарские банки, где деньги защищены от ненасытной пасти Британского налогового управления. Именно Эдвин первым обратил внимание Ноэля на то, какие огромные деньги платят теперь в Нью-Йорке и Лондоне за аллегорические картины, которые были модны на рубеже веков. Он даже как-то предложил Ноэлю стать его компаньоном. Но тот пораскинул ухом и воздержался – Эдвин, как он знал, занимается довольно рискованными делами, а попасть в тюрьму даже на одну неделю ему вовсе не улыбалось.

Все это так трудно. Ноэль глубоко вздохнул, допил виски и взглянул на часы. Четверть шестого. Амабель должна заехать за ним в половине. Он поднялся с дивана, достал из стенного шкафа в прихожей чемодан и быстро сложил все необходимое. В этих делах он был мастер, набил руку за столько-то лет, так что на сборы ушло не больше пяти минут. Затем он разделся и пошел в ванную принимать душ и бриться. Вода в кране обжигала, и это было еще одним преимуществом жизни в этой кроличьей клетке. После горячего душа, выбритый и благоухающий, Ноэль почувствовал себя бодрее. Он оделся во все свежее для поездки за город: хлопчатобумажная рубашка, тонкий свитер, твидовый пиджак. Сумку с туалетными принадлежностями положил в чемодан на самый верх, застегнул молнию. А снятое белье скомкал и запихнул в угол на кухне: авось женщина, которая у него убирает, при случае постирает.

Она делала это не всегда, а иногда и вовсе не приходила. То ли дело, с грустью вспомнилось Ноэлю, было раньше, до того как мама затеяла, не подумав ни о ком, кроме себя, продать дом на Оукли-стрит. Там-то к его услугам было все самое лучшее. Независимость – собственный ключ от входной двери и отдельные две комнаты на верхнем этаже и одновременно все удобства жизни в семье. Горячая вода круглые сутки, топящиеся камин, продукты в кладовке, вино в погребе, летом большой тенистый сад, через дорогу кабак, река в двух шагах. Белье ему стирали, постель убирали, рубашки гладили, и все совершенно бесплатно, ни рулона туалетной бумаги не приходилось покупать на собственные деньги. И притом еще мама, как человек независимый, если и слышала скрип лестницы и женские шаги в коридоре, то делала вид, будто ничего не знает и знать не желает. Ноэлю казалось, что эта блаженная жизнь продлится вечно,

что если какие-то перемены и произойдут, то вносить их будет он, и, когда мама объявила ему о своем решении продать дом и уехать из Лондона, у него словно земля из-под ног ушла.

– А как же я? – спросил он. – Мне-то что, черт возьми, делать?

– Милый Ноэль, тебе двадцать три года, и всю жизнь ты прожил в этом доме. Кажется, настало время вылететь из гнезда. Ты наверняка сумеешь устроиться.

Устроиться... Платить за квартиру, покупать еду, виски, тратиться на разные кошмарные вещи, вроде порошка для ванны, оплачивать счета из прачечной!.. Ноэль до последней минуты оставался на Оукли-стрит, все надеялся, что, может быть, мать еще передумает, и съехал, только когда к подъезду уже подали фургон для перевозки ее имущества в Глостершир. Многие его вещи в конце концов тоже уехали туда, потому что в тесной квартирке, которую он снял, не было места для барахла, накопившегося за годы, и теперь они лежали, сложенные в тесной комнатухе, формально выделенной ему в новом доме.

Ездить туда Ноэль старался как можно реже – злился на мать и за то, что она с ним так поступила, и за то, что ей так хорошо живется без него. Могла бы хоть иногда вздохнуть о прежних временах, когда они жили вместе. Но нет, похоже, она не скучала по сыну нисколько. И этого он никак не мог понять, потому что ему-то ее очень не хватало.

От горьких мыслей его отвлекло прибытие Амабель всего с пятнадцатиминутным опозданием. Затрещал звонок, Ноэль открыл дверь. Она стояла перед ним со всем своим багажом – двумя набитыми дорожными сумками, из одной торчала пара грязных зеленых резиновых сапог.

– Привет!

– Ты опоздала.

– Знаю. Прости.

Она вошла, втащила сумки, а он защелкнул замок и поцеловал ее.

– Что тебя задержало?

– Такси не могла поймать, и пробки ужасные.

Такси... Он сник.

– Почему же ты не приехала на своей машине?

– У меня шина проколота. И нет запаски. И потом, я все равно не умею колесо менять.

Этого следовало ожидать. От нее в практических делах ни малейшего проку, такой неорганизованной женщины Ноэль еще никогда не видел. Двадцать лет от роду, росточком с ребенка, птичьи косточки и худа как щепка. Бледная до прозрачности кожа, глаза виноградно-зеленые, большие, в густых ресницах, прямые светлые волосы распущены, то и дело падают на лицо. И одета немыслимо легко для холодного дождливого вечера: джинсы в обтяжку, футболка и кургузая джинсовая курточка. На ногах легкие туфельки, голые лодыжки выглядывают из-под штанин. Ну, словом, с виду – типичный заморыш из трущоб, а на самом деле – уважаемая Амабель Ремингтон-Люард, дочь лорда Стоквуда, которому принадлежат обширные земельные владения в Лестершире. Именно это обстоятельство и привлекло Ноэля. Да еще ее жалкий, сиротский облик, который неизвестно почему возбуждал его.

Ну что же. Придется ехать в Уилтшир на его «ягуаре». Подавив досаду, он сказал:

– Ладно, пора отправляться. Надо будет еще заехать в сервис подкачать баллоны и заправиться.

– Ах ты господи! Вот неудача!

– Ты дорогу знаешь?

– Куда? В сервис?

– Нет, куда мы едем.

– Ну конечно знаю.

– Как называется их дом?

– «Чарборн». Я была там тысячу раз.

Он глянул на Амабель с высоты своего роста, перевел взгляд на ее багаж – если можно так назвать две жалкие сумки.

– Это вся твоя одежда?

– Я даже резиновые сапоги захватила.

– Амабель, ведь еще зима. И завтра мы должны присутствовать на скачках. Ты пальто взяла?

– Нет, оно осталось в деревне с прошлого воскресенья. – Она пожала костлявыми плечиками. – Дадут там что-нибудь. У Камиллы полно всякого тряпья.

– Не в этом дело. Сначала нам еще надо доехать, а в «ягуаре» печка то работает, то нет. Не хватало только, чтобы ты свалилась мне на руки с воспалением легких.

– Прости.

Но в ее голосе не слышалось ни малейшего раскаяния. Ноэль, подавив досаду, раздвинул дверцы стенного шкафа и стал рыться в его плотно утрамбованном содержимом. Наконец он нашел то, что искал: старое-престарое мужское пальто из толстого темного твида с выцветшим бархатным воротником и на подкладке из потертого кроличьего меха.

– На вот, – сказал он. – Можешь пока надеть.

– Ух ты!

Амабель пришла в восторг, но не от его заботы, как он отлично знал, а от пальто, такого великолепно старого, выцветшего. Она вообще обожала старье и тратила уйму времени и денег у антикварных прилавков на Портобелло-роуд, покупая какие-то обвислые вечерние платья тридцатых годов или ридикюли из бусин. Теперь она взяла у него из рук это заслуженное старинное одеяние и просунула руки в рукава. Конечно, она в нем утонула, но подол все-таки по полу не волочился.

– Какая дивная вещь. Откуда она у тебя?

– Это пальто моего деда. Я успел прихватить его из маминого шкафа, когда она продавала лондонский дом.

– А можно мне взять его насовсем?

– Насовсем нельзя. Но можешь носить до понедельника. Гости на скачках от изумления в обморок попадают, но зато им будет о чем языки чесать.

Амабель завернулась в пальто плотнее и рассмеялась, не столько над его остроумным замечанием, сколько от удовольствия ощутить себя одетой в пальто на меху. И при этом стала так похожа на жадного, вороватого ребенка, что Ноэль сразу ощутил желание, которое при обычных обстоятельствах тут же и удовлетворил бы, затащив ее в постель. Но сейчас не было времени. Это пришлось отложить на потом.

Дорога в Уилтшир оказалась хуже, чем он предвидел. Не переставая лил дождь, машины на магистралях, ведущих из города, двигались в три ряда со скоростью улитки. Но вот наконец они выбрались на шоссе, и можно было немного прибавить газу, а мотор оказался настолько любезен, что не застучал, и даже печка хоть и не в полную силу, но работала.

В начале пути они болтали, потом Амабель умолкла.

Ноэль решил, что она уснула, как всегда в таких случаях, но потом краем глаза уловил какую-то возню рядом на сиденье. Значит, она не спит.

Он спросил:

– Что там у тебя?

– Хруст какой-то.

– Хруст? – Ноэль сразу испугался, вообразив, что это неполадки в моторе и сейчас вспыхнет пламя. Со страху он даже немного сбавил скорость.

– Ага. Шуршит. Ну, знаешь, как будто бумага.

– Да где?

– В пальто где-то. – Она снова пощупала полу. – Тут в кармане дырка, – наверное, что-то попало под подкладку.

Ноэль вздохнул с облегчением и снова разогнал машину до восьмидесяти миль в час.

– Я уж думал, мы сейчас загоримся.

– Я один раз нашла у мамы за подкладкой пальто старую монету в полкроны. Может, там у тебя пятифунтовая бумажка?

– Скорее какое-нибудь старое письмо. Или обертка от конфеты. Приедем – расследуем.

Спустя час они добрались до места. Амабель, как ни странно, дорогу помнила и показала Ноэлю, где свернуть с шоссе. Потом они миновали несколько городков и наконец по извилистой грунтовой дороге через вечеряющие поля въехали в деревню Чарборн. Здесь было очень живописно, несмотря на дождь и вечерний сумрак. Вдоль улицы тянулись булыжные тротуарчики и стояли, прячась за палисадниками, дома под камышовыми крышами, мелькнули кабачок, церквушка, началась дубовая аллея. Впереди показались внушительные ворота.

– Приехали.

«Ягуар» завернул в ворота, миновал сторожку, покатил через парк. Ноэль увидел в свете фар белый, приземистый дом в георгианском стиле, радующий глаз пропорциональностью. Зашторенные окна лучились огнями. Описав полукруг по гравии, он остановился у парадного входа и заглушил мотор.

Они вышли из машины, достали из багажника вещи и поднялись по ступеням к закрытой двери. Амабель нащупала кованое кольцо звонка, потянула, но потом сказала: «Ждать не обязательно», – и открыла дверь сама.

Они вошли в прихожую с каменным полом. Сквозь стеклянные двери был виден большой холл, ярко освещенный, с деревянными панелями по стенам и величественной лестницей посередине. Ноэль и Амабель еще переминались у порога, когда в глубине холла открылась дверь и им навстречу засеменила полная седая женщина в цветном переднике поверх бирюзового платья из синтетики. Жена садовника, помогающая по дому ввиду съезда гостей, решил Ноэль.

Она распахнула перед ними стеклянную дверь.

– Здравствуйте. Входите, пожалуйста. Мистер Килинг и мисс Ремингтон-Люард? Правильно. Миссис Эрли только что поднялась к себе принять ванну, а Камилла и полковник пошли в конюшни, но миссис Эрли велела, чтобы я вас встретила и проводила в ваши комнаты. Это весь ваш багаж? Ужасная погода, не правда ли? Как вы доехали? Дождь льет как из ведра.

В мраморном камине полыхал огонь, разливая по дому упоительное тепло. Жена садовника плотно закрыла входную дверь.

– Будьте любезны, идите за мной. Вы сами сможете управиться со своими вещами?

Они смогли. Амабель, закутанная в мужское пальто, поволокла сумку с резиновыми сапогами, а Ноэль нес вторую сумку и свой чемодан. Нагруженные, они вслед за толстухой в переднике стали подниматься по лестнице.

– Остальные гости Камиллы приехали к чаю, – говорила она, – но сейчас все разошлись по своим комнатам переодеваться. И миссис Эрли велела мне сказать вам, что ужин в восемь, но, если вы спуститесь на четверть часа раньше, напитки будут в библиотеке и вы сможете со всеми познакомиться.

На повороте лестницы за аркой начинался коридор. Пол был застлан красной дорожкой, по стенам развешаны гравюры, изображающие лошадей и всадников, и всюду стоял типичный запах загородного дома, содержащегося в образцовом порядке, – аромат свежего постельного белья, лаванды и мебелиной полировки.

– Вот ваша комната, милочка. – Женщина распахнула дверь и пропустила Амабель вперед. – А ваша, мистер Килинг, будет вон та... Между ними – ванная. Надеюсь, вы найдете все, что вам будет нужно, но, если чего не окажется, дайте знать.

– Спасибо большое.

– Я скажу миссис Эрли, что вы спуститесь без четверти восемь.

Она удалилась с любезной улыбкой на устах, закрыв за собой дверь. Ноэль, оказавшись в одиночестве, поставил чемодан и огляделся. За годы визитов в чужие дома он так наострил глаз, что мог сразу, едва переступив порог, оценить, на что можно в данном случае рассчитывать, и даже разработал свою шкалу оценок.

Одна звездочка – это низший балл: сырой деревенский коттедж с полным набором своих прелестей – сквозняками, комковатым тюфяком, отвратительной едой и для утоления жажды – одним только пивом. Гостями там обычно были родственники, скучные, с дурно воспитанными детьми. Очутившись среди них, Ноэль, как правило, спохватывался, что у него неотложное дело в городе и в воскресенье с первым же утренним поездом удирает домой. Две звездочки – это, по большей части, дома в армейском округе Саррея, гости – спортивные молодые девушки и юноши – учащиеся Сандхерстской военной академии. Главное развлечение – теннис на замурованном корте, завершавшийся коллективным посещением местного кабака. Три звездочки – простые старомодные деревенские усадьбы, множество собак на подворье, лошади в конюшнях, в каминах тлеющие поленья, обильная пища из своих продуктов и почти всегда превосходное вино. А четыре звездочки – высший балл, жилища самых богатых. Дворецкий. Слуги распаковывают твои вещи. В спальне растоплен камин. Четырехзвездочные уик-энды обычно устраивались по случаю первого бала очередной дебютантки где-нибудь по соседству. В саду ставился большой навес, под ним горел фонарь, всю ночь напролет играл оркестр, выписанный из Лондона за фантастическую сумму, и в седьмом часу утра еще лилось рекой шампанское.

Чарборну Ноэль сразу же выставил три звездочки. Что ж, неплохо. Ему, разумеется, отвели не самую лучшую комнату, однако она его вполне устраивала: удобная, со старинной, тяжелой викторианской мебелью и плотными штофными занавесями. Здесь было все, что нужно. Ноэль снял пиджак и бросил его на кровать. Потом прошел через всю комнату и открыл вторую дверь, которая вела в просторную ванную с ковром на полу и огромной ванной в коробе из красного дерева. Оттуда вела еще одна дверь, и он попробовал ручку, ожидая, что она окажется заперта, но дверь открылась, и он попал в комнату Амабель. Все еще в меховом пальто, она наугад вытаскивала из дорожной сумки какие-то вещи, выпускала из рук, и они падали на пол у ее ног, как осенние листья.

Амабель оглянулась и увидела ухмылку на его лице.

– Чего ты смеешься?

– Радуюсь, что у хозяйки этого дома хороший вкус и свободные взгляды.

– В каком смысле? – не поняла Амабель. Она иногда проявляла редкую тупость.

– В том смысле, что в одну комнату она бы нас не поместила ни при каких обстоятельствах, но ее ни в малейшей мере не интересует, что мы вздумаем делать под покровом ночи.

– Ясное дело, – сказала Амабель. – Было время обучаться.

Она пошарила на самом дне сумки и вытащила какое-то длинное черное, скрученное жгутом одеяние.

– Это что? – спросил Ноэль.

– Платье на сегодняшний вечер.

– Слегка мятое.

Амабель встряхнула его на вытянутых руках.

– Это джерси, оно не мнется. Как ты думаешь, вода горячая?

– Наверное.

– Здорово. Я приму ванну. Пусти мне воду, ладно?

Он вернулся в ванную, заткнул пробку и открыл краны. А потом прошел к себе, распаковал чемодан, повесил костюмы в большой шкаф, рубашки уложил в ящики комода. На дне чемодана у него лежала серебряная охотничья фляга. Ему было слышно, что Амабель уже пле-

щется в ванне, и в открытую дверь вползал, клубясь словно дым, ароматный пар. С флягой в руке Ноэль вошел в ванную, налил немного виски в два стаканчика для полоскания и добавил туда холодной воды из-под крана. Амабель начала мыть голову. Она постоянно мыла голову, но волосы от этого чище не казались. Ноэль поставил один из стаканчиков на табурет возле ванны, где она могла достать его, когда промоет глаза. Потом прошел в ее комнату, подобрал с пола дедовское пальто и, вернувшись с ним в ванную, сел на крышку унитаза. Свой стаканчик виски он поставил в мыльницу на раковине и приступил к расследованию.

Пар в ванной немного рассеялся. Амабель подняла голову, откинула с лица мокрые пряди волос, разлепила веки и, сразу увидев стаканчик, взяла его с табурета.

– А ты что там делаешь? – спросила она Ноэля.

– Да вот, ищу пятифунтовую бумажку.

Сквозь толстую материю он нащупал, где шуршит. Нашел дырочку в кармане, надорвал пошире, чтобы пролезла рука, и стал шарить вслепую, продвигая руку все глубже между твидовым верхом и сухой кроличьей мездрой. Ему попадались то пух, то клочки меха. Ноэль сжал зубы – а вдруг там дохлая мышь или еще какая-нибудь гадость – и, победив отвращение, продолжил поиски. Наконец в дальнем углу, у самого шва, его пальцы нащупали то, что искали. Зажав находку, Ноэль осторожно выпростал руку. Пальто соскользнуло с колен на пол, а в пальцах остался сложенный листок тонкой бумаги: старый, пожелтелый, точно драгоценный пергамент.

– Что там? – поинтересовалась Амабель.

– Не пятерка. Похоже, что письма.

– Черт, как обидно.

Ноэль бережно, чтобы не порвать, расправил листок. Тот оказался исписан старомодным наклонным почерком, буквы были выведены тонким металлическим пером.

Дафтон-холл, Линкольншир

8 мая, 1898

Дорогой Стерн!

Благодарю Вас за письмо из Рапалло. Полагаю, сейчас Вы уже снова в Париже. Я рассчитываю, если даст Бог, быть во Франции через месяц, и тогда побывать у Вас в студии, чтобы рассмотреть этюд маслом к «Террасным садам». Когда все будет готово к моему отъезду, я оповещу Вас телеграфом о дате и времени моего посещения.

Искренне Ваш,

Эрнест Уолластон

Ноэль молча прочел письмо. Задумался. Потом поднял голову и посмотрел на Амабель.

– Поразительно, – проговорил он.

– Что там написано?

– Поразительная находка.

– Ноэль, ну прошу тебя, прочитай мне, пожалуйста.

Он прочитал ей. Она выслушала, но ничего не поняла.

– А что тут такого поразительного?

– Это письмо, адресованное моему деду.

– Ну и что?

– Ты слышала когда-нибудь про Лоренса Стерна?

– Не-а.

– Он был художник. Очень известный викторианский живописец.

– Да? Я не знала. То-то у него было такое отличное пальто.

Ноэль пропустил ее нелепое замечание мимо ушей.

– Письмо от Эрнеста Уолластона.

– Он тоже художник?

– Да нет же, дремучая ты невежда, он не художник. Он был промышленник, миллионер. Потом его возвели в пэры, и он стал называться лордом Дафтоном.

– А при чем тут картина... как ее?

– «Террасные сады». Она была заказная. Уолластон заказал ее Лоренсу Стерну для своего дома.

– Я ее не знаю.

– А надо бы знать. Картина знаменитая. Последние десять лет она висит в Нью-Йорке в Метрополитен-музее.

– А что на ней нарисовано?

Ноэль задумался и свел брови, силясь припомнить, как выглядит картина, которую он видел только в репродукциях на страницах художественных журналов.

– Терраса. Видимо, в Италии, недаром же Стерн ездил в Рапалло. Группа женщин у балюстрады; все вокруг в цветущих розовых кустах. Кипарисы и голубое море, и мальчик, играющий на арфе. По-своему очень красиво. – Ноэль еще раз заглянул в письмо, и вдруг все встало на свои места: он ясно представил себе, как было дело. Эрнест Уолластон разбогател, занял высокое положение в обществе, наверное, уже построил себе роскошный дом в Линкольншире, который ему надо было соответственно обставить. Закупил мебель. Во Франции ему на заказ ткали ковры, а так как наследственных фамильных портретов у него не было и полотен Гейнсборо и Зоффани тоже, он заказал по картине самым модным современным живописцам. По тем временам написать живописное полотно было примерно как теперь снять кинофильм. Натура, костюмы, типажи – обо всем надо было позаботиться. Затем, когда это было улажено, художник делал черновой этюд маслом и показывал заказчику. Мастеру предстояло несколько месяцев работы, поэтому он хотел удостовериться, что по завершении ее получится именно то, что желает заказчик, и деньги ему будут уплачены.

– Поняла, – задумчиво сказала Амабель, снова погружаясь в воду, так что волосы всплыли вокруг ее головы, словно у Офелии. – Но я все-таки не пойму, почему ты так разволновался?

– Просто я... я никогда не задумывался об этих этюдах. Я совсем о них забыл.

– А это что-то важное?

– Не знаю. Может быть.

– Тогда выходит, я умница, что обратила внимание на этот хруст?

– Да, выходит, ты умница.

Ноэль сложил листок, сунул в карман, допил виски и встал с унитаза.

– Половина восьмого, – сказал он, взглянув на часы. – Тебе пора привинчивать коньки.

– А ты куда?

– Переодеваться.

Он оставил ее в ванне, прошел в свою комнату и плотно закрыл за собой дверь. А потом тихонько отворил дверь в коридор, вышел и спустился по лестнице в холл, бесшумно шагая по толстым коврам. Внизу он остановился, огляделся. Никого. Только с людской половины доносились голоса и уютное позвякивание посуды вместе с аппетитными ароматами стряпни. Впрочем, ему сейчас было не до этого, мысли его заняты одним: где найти телефон? Он нашелся быстро: на этом же этаже, в застекленном уголке под лестницей. Ноэль забрался туда, закрыл дверь и быстро набрал лондонский номер. Ответили сразу:

– Эдвин Манди слушает.

– Эдвин, это Ноэль Килинг.

– Ноэль! Давно тебя не видно, не слышно. – Голос вальяжный, с хрипотцой и с легким оттенком кокни, от которого Эдвину так и не удалось до конца избавиться. – Как делишки?

– В порядке. Понимаешь, у меня сейчас мало времени. Я тут за городом, в одном доме. Мне просто нужно у тебя кое-что спросить.

– Сделай милость, старина.

– Это по поводу Лоренса Стерна. Знаешь его?

– Да.

– Ты не слыхал, случайно, не появлялись ли на рынке в последнее время его черновые этюды к большим картинам?

Пауза. Потом Эдвин настороженно произнес:

– Вопрос интересный. Почему ты спрашиваешь? У тебя они есть, что ли?

– Нет. Я не знаю даже, существуют ли они вообще. Потому и позвонил тебе.

– Ни в одном салоне, насколько мне известно, их к продаже не предлагали. Но ведь есть еще много мелких перекупщиков по всей стране.

– И сколько... – Ноэль кашлянул и попробовал сформулировать вопрос по-другому: – При теперешнем состоянии рынка, на сколько, по-твоему, такой этюд потянет?

– Смотря к какой он картине. Если к одной из знаменитых, то тысячи на четыре или пять... Но это я просто так говорю, старина, наобум. Точно я смогу сказать, только когда увижу своими глазами.

– Я же сказал, у меня ничего нет.

– А чего же звонишь?

– Просто я вдруг сообразил, что эти этюды могут где-то лежать, а мы про них даже не знаем.

– То есть в доме твоей матери?

– Не знаю. Где-то же они должны быть.

– Если найдешь, – светским тоном сказал Эдвин, – реализовать их, я надеюсь, ты поручишь мне?

Однако Ноэль поостерегся так сразу связывать себя обещанием.

– Сначала до них добраться надо, – ответил он и, прежде чем Эдвин успел еще что-то сказать, поспешил закончить разговор: – Я должен идти, Эдвин. Ужин через пять минут, а я еще даже не переоделся. Спасибо за помощь и прости, что побеспокоил.

– Никакого беспокойства, мой мальчик. Рад, что помог. Интересная возможность. Удачной охоты.

Ноэль в задумчивости повесил трубку. Четыре или пять тысяч. О таких суммах он и помыслить не мог. Он вздохнул полной грудью и вышел в холл. Здесь по-прежнему никого не было, а так как никто его не видел, то и деньги за разговор оставлять не обязательно.

5. Хэнк

В самую последнюю минуту, когда уже были завершены все приготовления к ужину а *deux*⁷ с Хэнком Спотсвудом, Оливия вдруг спохватилась, что не успела позвонить матери и договориться насчет своего приезда в субботу. Белый телефонный аппарат стоял рядом с диваном, на котором она сидела, но, уже сняв трубку и начав набирать номер, она услышала, что в переулоч медленнo въехало такси. Почему-то она сразу почувствовала, что это Хэнк, и заколебалась. Пенелопа если уж говорила по телефону, то любила выкладывать и выслушивать все новости, так что не могло быть и речи о том, чтобы просто сообщить о своем предстоящем приезде и повесить трубку. Такси остановилось у ее дома. Оливия перестала крутить телефонный диск и положила трубку на рычаг. Лучше позвонить потом. Мапочка ложится не раньше полночи.

Оливия поднялась с дивана, поправила примятую подушку и осмотрелась, чтобы удостовериться, что в квартире все безупречно. Освещение приглушенное, напитки выставлены, тут же лед в ведерке, стереосистема играет тихую, едва слышную музыку. Оливия повернулась к зеркалу над камином, тронула волосы, поправила воротнич кремoвой атласной блузы от Шанель. В ушах у нее были жемчужные серьги, и вечерний макияж тоже был мягкого жемчужного тона, нежный и очень женственный, совсем не похожий на ее яркий дневной грим.

Слышно было, как открылась и закрылась калитка. Шаги. Звонок у входной двери. Оливия неторопливо пошла открывать.

– Добрый вечер.

Он стоял у порога под дождем. Красивый, мужественный мужчина лет под пятьдесят, держащий в руке, как и можно было предвидеть, букет красных роз на длинных стеблях.

– Здравствуйте.

– Входите. Жуткая погода. Но вы все-таки добрались.

– Ясное дело. Без проблем. – Он вошел, она закрыла за ним дверь, и он протянул ей розы: – Небольшое приношение.

Он улыбнулся. Она и забыла, какая у него обаятельная улыбка и ровные, очень белые, американские зубы.

– Чудесные! – Она приняла у него букет и машинально наклонилась, чтобы понюхать, но розы были парниковые, без запаха. – Вы очень любезны. Снимайте пальто и наливайте себе чего-нибудь выпить, а я пойду поставлю их в воду.

Она вышла с букетом в кухню, достала вазу, наполнила ее водой и сунула туда розы прямо как были, не тратя времени на аранжировку. Они сразу же сами живописно раскинулись в вазе. С цветами в руке Оливия возвратилась в гостиную и торжественно поставила вазу на видное место – на бюро. Красные розы на фоне белой стены зарделись, словно капли крови.

– Это вы замечательно придумали, – обернувшись к гостю, сказала она. – Вы тут выпили чего-нибудь?

– Да. Стаканчик виски. Я никаких правил не нарушил? – Он поставил стакан. – А вам что налить?

– То же. С водой и со льдом.

Она забралась с ногами на диван и, непринужденно устроившись в уголке, стала смотреть, как он управляетс с бутылками и стаканами. Он подал ей виски, а сам уселся в кресло по ту сторону камина. И приветственно поднял свой стакан.

– За здоровье, – сказала Оливия.

---

⁷ Вдвоем (*фр.*).

Выпили. Разговорились. Беседа лилась легко и непринужденно. Он выразил восхищение ее домом, заинтересовался висящими на стене картинами, спросил, где она работает и давно ли знает Риджвеев, у которых они два дня назад познакомились. А затем в ответ на ее тактичные вопросы стал рассказывать о себе. Его бизнес – ковры, в Англию он приехал на международную конференцию по текстилю. Остановился в «Рице». Сам из Нью-Йорка, но переехал на работу в Джорджию, город Долтон.

– Это, должно быть, серьезные перемены в жизни. Нью-Йорк, и вдруг Джорджия.

– Да, конечно. – Он повертел в ладонях стакан. – Но переезд пришелся на удобный момент: незадолго перед тем мы расстались с женой, и перемены в быту прошли довольно безболезненно.

– Мне очень жаль.

– Не о чем жалеть. Обычное дело.

– А дети у вас есть?

– Двое. Подростки. Мальчик и девочка.

– Удастся с ними видаться?

– А как же. Они проводят у меня летние каникулы. Детям на юге хорошо. Можно в любое время года играть в теннис, ездить верхом, купаться. Мы вступили в местный клуб, и они завели много знакомств среди сверстников.

– Да, это здорово.

Оба замолчали. Оливия тактично ждала, чтобы он, если захочет, мог достать бумажник и показать фотографии. Но, к счастью, Хэнк никаких фотографий показывать не стал. Оливии он все больше и больше нравился. Она сказала:

– У вас стакан пустой. Налить еще?

Разговор продолжался. Они перешли к более серьезным темам: к американской политике, экономическому равновесию между Англией и Америкой. Его взгляды оказались либеральными и прагматическими; он, правда, голосовал, по его собственным словам, за республиканцев, однако чувствовалось, что проблемы третьего мира его глубоко заботят.

Оливия между тем покосилась на часы и с удивлением увидела, что уже девять.

– По-моему, пора поесть, – сказала она.

Он встал, взял стаканы, из которых они пили, и пошел следом за ней – в ее маленькую столовую. Оливия включила слабый свет, и стал виден изысканно накрытый стол, лучащийся хрусталем и серебром, с корзинкой ранних лилий посередине. Несмотря на полумрак, Хэнк сразу обратил внимание на синюю стену, всю увешанную фотографиями в рамочках, и очень оживился.

– Смотрите-ка! До чего здорово придумано.

– Семейные фотографии, как правило, некуда девать. Я долго думала и решила вопрос радикально: заклеила ими стену.

Она прошла за стойку кухоньки, чтобы взять паштет и черный хлеб, а он стоял к ней спиной и разглядывал снимки, точно любитель живописи в картинной галерее.

– Кто эта красотка?

– Моя сестра Нэнси.

– Она очаровательна.

– Да. Была. Но теперь очень сдала, что называется, расплзлась, постарела. А девушкой и вправду была очаровательна. Тут она снята незадолго до свадьбы.

– Где она живет?

– В Глостершире. У нее двое несносных детей и зануда-муж. А предел счастья для нее – это тащить по скаковому полю пару ньюфаундлендов на поводках и орать приветствия всем знакомым на трибунах. – Хэнк обернулся, на лице у него было написано глубочайшее недоумение. Оливия рассмеялась. – Вы, конечно, не понимаете, о чем я говорю?

– Только самый общий смысл. – Он вернулся к разглядыванию снимков. – А кто эта красивая дама?

– Это мама.

– А портрет отца у вас тут есть?

– Нет. Отца нет в живых. А это мой брат Ноэль. Красавец-мужчина с голубыми глазами.

– Действительно хорош собой. Он женат?

– Нет. Ему уже почти тридцать, а он все еще холост.

– У него, конечно, есть девушка?

– Такой, чтобы жила с ним вместе, нет. И никогда не было. Он всю жизнь боится потерять свободу. Знаете, из тех, кто не может принять приглашение на вечеринку из страха, что поступит другое, более престижное.

Хэнк беззвучно рассмеялся.

– Вы беспощадны к своим родным.

– Знаю. Но какой смысл цепляться за сентиментальные иллюзии, особенно в моем возрасте?

Она вышла из-за стойки и расставила на столе паштет, масло и черный хлеб с поджаристой корочкой. Потом взяла спички и зажгла свечи.

– А кто это?

– На которую вы смотрите?

– Вот. Мужчина с девочкой.

– А, это. – Оливия подошла и встала с ним рядом. – Этого мужчину зовут Космо Гамильтон. Рядом его дочь Антония.

– Милостивая девочка.

– Этот снимок я сделала пять лет назад. Теперь ей должно быть восемнадцать.

– Ваши родственники?

– Нет, это друг. Бывший друг. Любовник, если точнее. У него дом на Ивисе. Пять лет назад я оставила работу и целый год прожила там с ним.

Хэнк вздернул брови:

– Целый год! Прожить столько с человеком – это большой срок.

– Время пролетело очень быстро.

Она чувствовала на себе его взгляд.

– Вы его любили?

– Да. Больше, чем кого бы то ни было в жизни.

– А почему вы не вышли за него замуж? Или он был женат?

– Нет, жены у него не было. Но я не хотела выходить за него, потому что не хотела выходить ни за кого. И теперь не хочу.

– Вы с ним видите?

– Нет. Я с ним простилась, и на том наш роман закончился.

– А что его дочка, Антония?

– Не знаю.

– Вы не переписываетесь?

Оливия пожала плечами.

– Я посылаю ему поздравительную открытку каждое Рождество. Так мы уговорились. Одну открытку в год. С птичкой.

– Не особенно-то щедро, по-моему.

– Да, в самом деле. Вам, наверное, трудно это понять, но главное, Космо понимает. – Она улыбнулась. – А теперь, когда с моими близкими покончено, не пора ли налить вина и что-нибудь поесть?

Он сказал:

– Завтра суббота. Что вы обычно делаете по субботам?

– Иногда уезжаю из города до понедельника. Иногда остаюсь дома. Расслабляюсь. Распо-
ясываюсь. Зову знакомых выпить и поболтать.

– У вас уже есть планы на завтра?

– А что?

– Я не назначал на субботу никаких встреч и подумал, может, возьмем машину и поедем
куда-нибудь вместе? Вы бы показали мне вашу английскую природу, о которой я столько читал,
но никогда не было времени поехать посмотреть своими глазами.

Ужин кончился. Они оставили тарелки на столе, выключили свет и с кофе и коньяком
вернулись к камину. Теперь оба сидели на диване вполоборота друг к другу: темная голова
Оливии откинута на малиновую индийскую подушку, ноги подогнуты, одна лакированная
туфелька соскочила и лежит на ковре.

Она сказала:

– Я хотела завтра съездить в Глостершир к матери.

– Она вас ждет?

– Да нет. Я думала созвониться с ней перед сном.

– А это обязательно?

Оливия задумалась. Она уже решила, что поедет, а когда решение принято, можно
больше не беспокоиться. Но теперь...

– Не то чтобы обязательно, – ответила она. – Просто мама была нездорова, и я у нее
давно не была, а надо бы.

– А я не мог бы вас уговорить перенести поездку на другой день?

Она улыбнулась, отпила еще глоток крепкого черного кофе и твердо поставила чашечку
точно на середину блюда.

– Как же вы будете меня уговаривать?

– Ну, я попытался бы соблазнить вас обедом в четырехзвездочном ресторане. Или ката-
нием на пароходе по реке. Или прогулкой по лугам. Тем, что вам больше нравится.

Оливия обдумала приманки.

– Наверное, я могла бы отложить поездку к маме на неделю. Завтра она меня не ждет,
так что не огорчится.

– Значит, вы согласны?

Она приняла решение:

– Да.

– Мне взять машину напрокат?

– У меня есть своя, в отличном состоянии.

– Куда же мы отправимся?

Оливия пожала плечами:

– В Новый лес. Вверх по берегу Темзы до Хенли. Можно поехать в Кент и посмотреть
сады в Сиссингхерсте.

– Отложим решение на завтра?

– Можно и так.

– В котором часу назначим выезд?

– Надо бы пораньше. Чтобы успеть выбраться из города, пока улицы не запружены.

– В таком случае мне, пожалуй, пора возвращаться к себе в отель.

– Да, – сказала Оливия. – Пожалуй, пора.

Но ни он, ни она не двинулись с места. Их взгляды устремились навстречу друг другу
с противоположных концов большого белого дивана. Соприкоснулись. В комнате стояла

тишина, пленка в магнитофоне кончилась. По окнам струился дождь. Мимо дома проехала машина. Часы на каминной полке отсчитывали секунду за секундой. Был уже почти час ночи.

Наконец он, как она и ожидала, придвинулся к ней, обнял одной рукой за плечи, притянул к себе. Теперь ее голова уже не покоилась на малиновой подушке, а легла на его теплую, крепкую грудь. Свободной рукой он отвел волосы с ее щеки, повернул к себе за подбородок и, наклонившись, поцеловал в губы. Рука его с подбородка скользнула ей на шею и дальше вниз, на маленькую выпуклость груди.

– Я весь вечер этого хотел, – проговорил он.

– А я весь вечер этого ждала.

– Мы выезжаем рано утром... Тебе не кажется, что мне бессмысленно уезжать в «Риц» ради каких-то четырех часов сна, а потом возвращаться обратно?

– Да, ужасно глупо.

– Можно я останусь?

– Отчего же нет?

Он отстранился и посмотрел ей в лицо. В его взгляде была странная смесь желания и усмешки.

– Есть, правда, одно препятствие, – сказал он. – У меня нет бритвы и зубной щетки.

– У меня имеется и то и другое. Нераспечатанное. На всякий случай.

Он сказал, смеясь:

– Ты поразительная женщина.

– Да, мне говорили.

Оливия, как всегда, проснулась рано. Часы показывали половину восьмого. В просвет между шторами просачивался холодный свежий утренний воздух. Только-только рассвело. На небе ни облачка. Кажется, погода обещает быть хорошей.

Оливия немножко полежала, сонная, расслабленная, с улыбкой вспоминая минувшую ночь и предвкушая удовольствия предстоящего дня. Потом, повернув голову, стала с удовольствием разглядывать лицо мужчины, спящего на другой стороне ее широкой кровати. Одна подогнутая рука под головой, другая – поверх пушистого белого одеяла, загорелая, как и все его крепкое, молоджавое тело, и покрытая мягким золотистым пушком. Оливия протянула руку и погладила его локоть, осторожно, как какую-нибудь фарфоровую безделушку, просто ради удовольствия ощутить кончиками пальцев фактуру и форму.

Легкое прикосновение не потревожило его сон, и, когда она отняла пальцы, он продолжал спать.

А Оливия окончательно проснулась и почувствовала прилив бешеной энергии. Ей захотелось поскорее отправиться в путь. Осторожно отвернув одеяло, она вылезла из постели, сунула ноги в домашние туфли, надела розовый шерстяной халат, перетянула тонкую талию поясом и, поплотнее закрыв за собой дверь спальни, спустилась вниз.

День действительно обещал быть прекрасным. Ночью чуть-чуть подморозило, но бледное утреннее небо было безоблачно, и первые низкие лучи зимнего солнца уже легли вдоль пустынной улицы. Оливия отворила входную дверь, внесла молоко на кухню и поставила бутылки в холодильник. Потом собрала со стола оставшуюся от ужина посуду, сунула ее в моечную машину и накрыла стол к завтраку. Она насыпала кофе в кофеварку, достала бекон и яйца, а также коробку сухих хлопьев. Потом зашла в гостиную, поправила диванные подушки, собрала и вынесла грязные стаканы и кофейные чашки, развела огонь в камине. Подаренные Хэнком розы начали раскрываться, протягивая лепестки, точно молящие руки. Оливия опять понюхала их, но они, бедняжки, по-прежнему не пахли. «Не обращайтесь внимания, – сказала она им. – Зато вы красивые. Вот и будьте довольны тем, что имеете».

Стукнула крышка почтового ящика, на половичок под дверь упала прибывшая почта. Оливия сделала шаг к двери, но в это время зазвонил телефон, и она, бросившись к аппарату, поспешила снять трубку, чтобы пронзительный звонок не разбудил спящего наверху Хэнка.

– Алло?

В зеркале над каминной полкой она увидела свое отражение – утреннее обнаженное лицо, прядь волос поперек щеки. Убрала волосы с лица и, так как никто не отвечал, повторила еще раз:

– Ал-ло-о?

В трубке затрещало, загудело, и женский голос произнес:

– Оливия?

– Да.

– Оливия, это Антония.

– Антония?

– Антония Гамильтон. Дочь Космо.

– Антония! – Оливия с ногами забралась в угол дивана и обхватила телефонную трубку ладонями. – Ты откуда говоришь?

– С Ивисы.

– А слышно хорошо, как будто ты где-то по соседству.

– Знаю. Спасибо хоть тут хорошая линия.

Юный голос звучал как-то странно. Оливия перестала улыбаться и сильнее сжала белую гладкую трубку.

– А ты что звонишь?

– Оливия, я должна была тебе сообщить. К сожалению, у меня печальная новость. Папа умер. Умер. Умер Космо.

– Умер, – повторила Оливия шепотом, не сознавая того, что говорит вслух.

– Он скончался в четверг поздно ночью. В клинике... Вчера были похороны.

– Но... – Космо умер. Не может быть. – Но... как же? Отчего?

– Я... я не могу сказать по телефону.

Антония на Ивисе без Космо.

– Откуда ты звонишь?

– От Педро.

– Где ты живешь?

– Дома.

– Ты одна там?

– Нет. Томеу и Мария перебрались сюда ко мне. Они очень мне помогли.

– Но...

– Оливия, мне надо в Лондон. Я не могу здесь оставаться. Во-первых, дом не мой... и вообще, по тысяче разных причин. И я должна подыскать себе работу. Если я приеду, можно мне несколько дней пожить у тебя, пока я не устроюсь? Я бы не стала тебя просить о такой услуге, но больше некого.

Оливия колебалась, проклиная сама себя за это, но всем существом восставая против мысли о чем бы то ни было, даже и этой девочки, вторжении в драгоценную обособленность своего дома и своей личной жизни.

– А... твоя мама?

– Она вышла замуж. Живет теперь на севере, в Хаддерсфильде. А я не хочу туда... Это я тоже потом объясню. Всего на несколько дней, понимаешь? Мне только надо наладить свою жизнь.

– Когда ты думаешь приехать?

– На той неделе. В четверг, может быть, если достану билет. Оливия, это будет всего несколько дней, пока я не налажу свою жизнь.

Ее умоляющий голосок звучал беспомощно и жалобно, как когда-то в детстве. Оливии вдруг отчетливо вспомнилось, как она увидела Антонию в первый раз – бегущей по гранитному полу аэропорта Ивисы и с разбегу бросающейся на шею Космо. Как ты можешь, эгоистка несчастная? Ведь это Антония тебя просит о помощи, дочь Космо, а Космо больше нет, и то, что она обратилась к тебе, для тебя величайшая честь. Хоть раз в жизни перестань думать только о себе.

И с приветливой, успокаивающей улыбкой, словно Антония могла ее видеть, Оливия твердо сказала, стараясь придать своему голосу побольше уверенности и тепла:

– Конечно приезжай. Сообщи мне номер рейса, я встречу тебя в Хитроу. Тогда обо всем и поговорим.

– Ой, ты просто ангел! Я тебе ну нисколько не буду мешать.

– Ну конечно не будешь. – Практичный, натренированный ум Оливии уже переключился на возможные проблемы: – Как у тебя с деньгами?

– С деньгами?.. – растерянно переспросила Антония, как будто о таких вещах даже не задумывалась; возможно, так и было. – Вроде бы нормально.

– На авиабилет хватит?

– Да, я думаю. Только-только.

– Сообщи о приезде, я буду ждать.

– Спасибо, спасибо, Оливия! И я... мне очень грустно это, насчет папы...

– Мне тоже грустно. – Это было более чем мягко сказано. Оливия закрыла глаза, чтобы как-то отгородиться от не до конца осознанной боли. – Он очень много для меня значил.

– Ага. – Было слышно, что Антония плачет. Оливия почти ощутила кожей влагу ее слез. – До свидания, Оливия.

– До свидания.

Антония положила трубку.

Немного спустя заторможенным движением Оливия тоже опустила белую трубку своего телефона. И сразу почувствовала страшный холод. Обхватив себя руками, забившись в угол дивана, она смотрела на свою нарядную, чистую комнату. Ничего не изменилось, все на месте, и тем не менее все не так, как было. Нет больше Космо, Космо умер. Остаток жизни ей предстоит теперь прожить в мире, где Космо нет. Она вспомнила теплый вечер, когда они сидели за столиком перед баром Педро и какой-то юноша играл на гитаре концерт Родриго, наполняя ночь музыкой Испании. Почему именно тот вечер, ведь у нее осталась от жизни с Космо целая сокровищница воспоминаний?

На лестнице раздались шаги. Оливия подняла голову. Сверху к ней спускался Хэнк Спотсвуд. Он был в ее белом мохнатом халате – вид нисколько не комичный, потому что халат, вообще-то, был мужской и ему вполне по размеру. Слава богу, что он не смешон сейчас, иначе она бы, кажется, не вынесла. И это бесконечно глупо, потому что не все ли равно, смешон он или нет, когда Космо умер?

Она смотрела на него и молчала. Он сказал:

– Я слышал, телефон звонил.

– А я надеялась, что он тебя не разбудит.

Оливия не знала, что лицо у нее серое и черные глаза – как две дыры. Он спросил:

– Что случилось?

У него была легкая светлая щетина на щеках и всклокоченные волосы. Оливия вспомнила минувшую ночь и порадовалась, что это был он.

– Умер Космо. Тот человек, о котором я тебе вчера рассказывала. На Ивисе.

– О господи!

Хэнк пересек комнату, сел рядом, обхватил ее и прижал к груди, как ребенка, которого надо утешить. Она уткнулась лицом в шершавую ткань халата. Ей так хотелось заплакать! Чтобы хлынули из глаз слезы, вырвалось наружу горе, сдавившее сердце. Но слез не было. Оливия с детства не умела плакать.

– А кто звонил? – спросил Хэнк.

– Его дочь. Антония. Бедная девочка. Он умер в четверг ночью, вчера были похороны. Больше я ничего не знаю.

– Сколько ему было лет?

– Я думаю... около шестидесяти. Но он был такой молодой!

– Что случилось?

– Не знаю. Она не хотела рассказывать по телефону. Сказала только, что он скончался в клинике. Она... она хочет приехать в Лондон. Она приедет на той неделе. И поживет несколько дней у меня.

Он промолчал, только еще крепче обнял ее, легонько похлопывая по плечу, словно испуганную нервную лошадь. И она понемногу успокоилась. Согрелась. Положила ладони ему на грудь, уперлась и отодвинулась – снова прежняя Оливия, полностью владеющая собой.

– Прости, – проговорила она. – Такая эмоциональность мне обычно не свойственна.

– Может быть, я могу чем-то помочь?

– Здесь никто и ничем не может помочь. Все кончено.

– А как насчет сегодняшней поездки? Ты не хочешь все отменить? Я немедленно исчезну с твоих глаз, если ты захочешь остаться одна.

– Нет, я не хочу остаться одна. Меньше всего мне сейчас нужно быть одной. – Она собрала и расставила по местам свои разбежавшиеся мысли. Первым делом надо сообщить о смерти Космо маме. – Но, боюсь, в Сиссингхерст или Хенли мы на этот раз не попадем. Мне все же придется поехать в Глостершир к маме. Я сказала тебе, что она была нездорова, но на самом деле у нее были проблемы с сердцем. И она очень хорошо относилась к Космо. Когда я жила на Ивисе, она приехала и гостила у нас целый месяц. Это было счастливое время. Наверное, самое счастливое в моей жизни. Поэтому я должна сказать ей, что он умер, и должна при этом быть рядом с ней. – Оливия заглянула ему в глаза. – Может быть, поедешь со мной? Это ужасно далеко, конечно, но мамочка накормит нас обедом, и можно будет спокойно посидеть у нее до вечера.

– Поеду с большим удовольствием. И машину поведу.

Твердый, как скала. Оливия благодарно улыбнулась.

– Сейчас я ей позвоню. – Она потянулась за трубкой. – Скажу, чтобы ждала нас к обеду.

– А нельзя нам взять ее с собой и поехать пообедать где-нибудь?

– Ты не знаешь мою мамочку, – ответила Оливия, набирая номер.

Хэнк не стал спорить. Поднявшись с дивана, он сказал:

– Кажется, кофе уже капает. Что, если я приготовлю завтрак?

Они выехали в девять, Оливия – на пассажирском сиденье своего темно-зеленого «альфасада», Хэнк – за рулем. Поначалу он был напряжен, каждую минуту напоминая себе, что здесь левостороннее движение, но потом, залив бак у бензоколонки, стал понемногу осваиваться и набирать скорость. Подъезжая к Оксфорду, они уже делали добрых семьдесят миль в час.

В пути не разговаривали. Все его внимание было сосредоточено на встречных и попутных машинах и на извивах большого шоссе. А Оливия рада была помолчать, она сидела, зарывшись подбородком в меховой воротник и провожая невидящими глазами проносящиеся мимо унылые пейзажи.

Но после Оксфорда стало лучше. Был ясный, свежий зимний день, невысокое солнышко, поднявшись по краю в холодное небо, растопило иней на лугу и на пашне и отбросило поперек

дороги кружевные тени оголенных деревьев. Фермеры начали пахоту, тучи чаек вились над тракторами и свежавывернутыми пластами черной земли. «Альфасад» проезжал через маленькие городки, кипящие субботним оживлением. Вдоль узких улочек стояли припаркованные семейные автомашины, доставившие жителей отдаленных деревень в город за покупками, по тротуарам сновали мамы с детьми и колясками и стояли в ряд палатки, заваленные грудями яркой одежды, пластиковыми игрушками, надувными шариками, цветами, свежими фруктами и овощами. Еще дальше, во дворе пивной, собрались местные охотники – лошади били подковами, скулили и взирали псы, дудели охотничьи рога, громко переговаривались всадники в нарядных алых фраках. Хэнк едва верил собственным глазам.

– Ну, ты посмотри только! – восхитился он и хотел было остановиться, чтобы налюбоваться вдоволь, но молодой полисмен сделал ему знак не задерживаясь следовать дальше. Хэнк разочарованно бросил последний взгляд на это истинно английское зрелище и дал газ.

– Просто сцена из кинофильма: старая корчма, мощный двор. Надо же, а у меня нет с собой фотоаппарата.

Оливии было приятно это слышать.

– Вот, а ты собирался поездить по живописным местам. Мог бы всю страну исколесить, а такого не увидеть.

– Да, похоже, у меня сегодня счастливый день.

Уже начинались Котсуолдские холмы. Сузившаяся дорога извивалась среди мокрых лугов, бежала по старинным каменным мостикам. Дома и фермы, сложенные из медвяного котсуолдского камня, золотились в солнечном свете, при каждом – цветник, который летом запестреет всеми цветами радуги, и фруктовый сад, где росли ухоженные яблони и сливы.

– Понятно, почему твоя мать решила поселиться в этих местах. Нигде не видел такой красивой природы. И столько зелени.

– Как это ни странно, но мамочка не из-за красивых пейзажей сюда переехала. Когда продали лондонский дом, у нее было твердое намерение поселиться в Корнуолле. Она жила там в молодости, и я думаю, ей очень хотелось возвратиться в те края. Но моя сестра Нэнси считала, что это слишком далеко, далеко от нас, и нашла ей этот домик. И вышло, как оказалось, к лучшему, хотя тогда я сердилась на Нэнси за то, что она вмешивается.

– Ваша мать живет одна?

– Да. И это проблема. Доктора говорят, что ей нужен кто-нибудь – компаньонка или экономка, но я-то знаю, что присутствие чужого человека будет ей в тягость. Она страшно независимая, да и не такая уж старая, всего шестьдесят четыре года. По-моему, обходиться с мамочкой как с выжившей из ума старухой унижительно для нее. Она целые дни занята: готовит, работает в огороде, принимает гостей, читает все, что достанет, музыку слушает, ведет длинные, интересные разговоры по телефону. А иногда соберется и уедет за границу в гости к кому-нибудь из знакомых, обычно во Францию. Ее отец был художником, и в молодости она много жила в Париже. – Оливия с улыбкой обернулась к Хэнку. – Зачем только я тебе все это рассказываю? Ты же скоро сам все увидишь.

– А на Ивесе ей понравилось?

– Очень. Космо жил в бывшем крестьянском доме, на горе. Совсем деревенская жизнь, как раз в мамином вкусе. Чуть выдавалась свободная минутка, как она тут же хваталась за садовые ножницы и уходила в сад, будто у себя дома.

– Она знакома с Антонией?

– Да. Они жили там у нас в одно и то же время. И стали большими друзьями. Никаких возрастных барьеров. Мама удивительно умеет находить общий язык с молодежью. Гораздо лучше, чем я. – Она примолкла, а потом добавила в неожиданном порыве искренности: – Я и сейчас еще не вполне уверена, что поступаю правильно: конечно, я хочу помочь дочери Космо, но меня пугает, что кто-то у меня поселится даже на короткое время. Стыдно, да?

- Нет, не стыдно. Естественно. Сколько она хочет у тебя прожить?
- Наверное, пока не устроится на работу и не найдет себе жилье.
- А специальность у нее какая-нибудь есть?
- Понятия не имею. Вряд ли.

Оливия глубоко вздохнула. После утренних переживаний она чувствовала себя душевно и физически разбитой. Ей предстояло как-то сжиться с горестным осознанием смерти Космо, а ее со всех сторон обступили, требуя участия, другие люди со своими проблемами. Приедет Антония, и надо будет ее утешать, поддерживать, подбадривать, вернее всего, кончится тем, что придется и работу подыскивать. Нэнси будет по-прежнему донимать телефонными разговорами про экономку для мамы, а мамочка будет отчаянно обороняться от всех попыток кого-то ей навязать. И сверх того еще...

Внезапно мысль ее остановилась. И осторожно попятилась. Нэнси. Мамочка. Антония. Ну конечно же! Выход найден. Все проблемы, если их верно сгруппировать, разрешаются одна через другую, как бывало в школе, когда громоздкие вычисления с дробными числами давали красивый и простой ответ.

Оливия сказала:

- Мне сейчас пришла в голову замечательная мысль.
- Какая?
- Антония может пока пожить у мамочки.

Если она и рассчитывала на бурное одобрение со стороны Хэнка, то не получила его. Он подумал, помолчал, а потом осмотрительно спросил:

- Но согласится ли Антония?

– Ну конечно же. Я же говорила тебе, они очень привязались друг к другу. Когда мамочка уезжала с Ивисы, Антония не хотела ее отпускать. И будет очень уместно, если теперь, только что потеряв отца, она поживет недельку-другую в покое у мамочки и немного придет в себя, прежде чем начать колесить по Лондону в поисках работы.

- Да, тут ты права.

– И для мамочки Антония лучше, чем какая-то экономка в доме. Просто приехал погостить близкий человек. Сегодня же предложу ей такой вариант. Посмотрим, как она к нему отнесется. Хотя я уверена, что она не откажет. Почти уверена.

Оливия всегда оживлялась, когда ей приходилось преодолевать трудности и принимать решения. Вот и теперь она сразу приободрилась. Села прямее, опустила щиток от солнца, осмотрела себя в зеркале, прикрепленном на нем с обратной стороны. Лицо по-прежнему без кровинки, под глазами синяки. Черный мех воротника еще сильнее оттеняет белизну щек. Хоть бы мамочка не обратила внимания... Оливия подкрасила губы, расчесала волосы, подняла на место щиток и стала смотреть на дорогу.

Уже проехали Берфорд, оставалось мили три пути, не больше, и дорога становилась знакомой.

– Здесь направо, – сказала Оливия Хэнку, и он, сбавив скорость, осторожно съехал на узкую грунтовку с указателем: «Темпл-Пудли». Дорога серпантинном вела по отлогому подъему, пока наконец сверху взгляду не открылась деревня – далеко внизу, точно игрушечная, угнездившаяся в долине, через которую серебристой тесемкой вилась речка Уиндраш. Вот и первые домики на въезде, сложенные все из того же золотистого песчаника, старинные и прелестные. Мелькнула деревянная церковь за тисовой изгородью, стадо овец с пастухом, несколько автомобилей в ряд, припаркованных у местного трактира под названием «Сьюдли Армз».

Хэнк остановился и выключил зажигание.

Оливия удивленно обернулась.

- Тебе захотелось подкрепиться? – вежливо спросила она.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Да нет. Но тебе, наверное, приятнее встретиться с мамой с глазу на глаз. Я выйду здесь, а попозже подойду. Только объясни, как найти ее дом.

– Третий от угла, справа, с белыми воротами. Только это совершенно не обязательно.

– Знаю. – Он похлопал ее по руке. – Но, по-моему, так вам обоим будет проще.

– Ты ужасно милый, – сказала Оливия от души.

– Мне бы хотелось принести ей что-нибудь. Как ты думаешь, если я попрошу хозяина продать две бутылки вина, он не откажет?

– Конечно. Тем более если ты скажешь, что это для миссис Килинг. Он постарается всучить тебе свой самый дорогой кларет.

Хэнк, весело ухмыляясь, вышел из машины. Оливия подождала, пока он прошел по мощеному двору к входной двери и шагнул за порог, предусмотрительно пригнув голову. А когда он скрылся, отстегнула ремень, перелезла на водительское место и включила зажигание. Было уже почти двенадцать часов.

Пенелопа Килинг стояла посреди своей теплой, тесной кухоньки, размышляя о том, что еще надо сделать. Но оказалось, что нечего, все уже было сделано. Она даже поднялась в спальню и сменила обычную домашнюю одежду на нечто более подходящее для приема неожиданных гостей. Оливия всегда такая элегантная, надо хоть немного привести себя в порядок. Пенелопа надела юбку из плотной льняной ткани с вышивкой, любимую и очень старую (когда-то это была штора), шерстяную мужскую рубашку в полоску и сверху вязаный жилет цвета красных пионов. На ногах у нее были темные толстые чулки и грубые шнурованные башмаки. Повесив на шею длинную золотую цепочку, заново закрутив и заколов волосы и опрыскав себя слегка духами, она, полная радостного предвкушения, спустилась обратно. Оливия теперь бывала здесь нечасто, но от этого каждый ее приезд становился только драгоценнее, и с тех пор как она позвонила сегодня утром, Пенелопа была вся в приятных хлопотах, готовясь к встрече.

Наконец все было готово. Камин в гостиной и столовой топятся, поднос с напитками и стаканами выставлен, пробка с графина снята, чтобы температура вина сравнялась с температурой воздуха в доме. А тут, в кухне, воздух пропитан ароматом медленно поджаривающегося говяжьего филе с луком и хрустящей картошкой. Пенелопа замесила тесто, нарезала яблок, разморозила бобы, почистила морковь. Позже она уложит на дощечке сыр, наметет кофе, наполнит сливочник густыми сливками, специально купленными на молочной ферме. Повязав передник, чтобы не забрызгать парадную юбку, она перемыла оставшиеся кастрюли и миски и поставила их на сушилку. Убрала на место кое-какую кухонную утварь, вытерла стол влажной тряпкой, наполнила водой кувшин и полила герань. После чего сняла передник и повесила на крючок.

Стиральная машина уже кончила работать. Пенелопа устраивала стирку только в хорошую погоду, когда можно вывесить белье сушиться на дворе, так как машина у нее была без центрифуги. И вообще лучше, когда белье сушится на воздухе, оно тогда приятно пахнет свежестью и гораздо легче гладится.

С минуты на минуту должна была появиться Оливия со своим приятелем, но Пенелопа все-таки взяла большую плетеную корзину, вывалила в нее мокрое белье и, уперев в бедро, понесла из кухни через зимний сад во двор. Она пересекла лужайку, нырнула в просвет в колючей изгороди и очутилась в яблоневом саду. Это было одно только название, что сад, а в действительности там, не то что в цветнике и на грядках, все осталось, как было при прежних хозяевах: несколько старых узловатых деревьев и терновые кусты, а за ними плавное течение тихой речушки.

Между тремя яблонями была протянута веревка. На ней Пенелопа сушила белье. Развешивать его на свежем воздухе доставляло ей большое удовольствие. Пел дрозд, из низкой мок-

рой травы уже выглядывали первые ростки цветочных луковиц. Она их сама здесь посадила, много-много, и желтые нарциссы, и крокусы, и осциллы, и подснежники. А когда отцветали они, то в высокой траве поднимали головки другие дикие цветы – примулы, васильки, красные маки. Их семена она тоже разбрасывала своими руками.

Простыни, рубашки, наволочки, чулки и пижамы плясали и хлопали на ветру. Освободив корзинку, Пенелопа подхватила ее и пошла обратно, но не спеша. Она заглянула по пути в огород – посмотреть, не полакомились ли кролики ее ранней капустой, а потом еще завернула к молодому кустику калины пахучей, от ее тонких веточек, густо одетых розовым цветом, пахло, на диво, разгаром лета. Надо будет принести садовые ножницы, срезать пару веток и поставить в гостиную для аромата. Она двинулась дальше, но задержалась опять, на этот раз – чтобы полюбоваться своим домом. Он стоял, залитый солнечным светом, перед ним раскинулась широкая зеленая лужайка, а позади темнели голые кроны дубов и синело чистое, прозрачное небо. Продолговатое, приземистое строение, белые стены, перекрещенные бревнами, под серой камышовой кровлей, нависающей над верхними окнами, точно густые, лохматые брови.

«Подмор Тэтч». «Соломенная крыша». Оливия говорила, что это дурацкое название; она всякий раз стыдилась, когда надо было его произнести, и даже предлагала Пенелопе выдумать другое. Но Пенелопа знала, что дому, как и человеку, имя дается раз и навсегда и изменить его нельзя. К тому же она узнала от викария, что в деревне действительно двести лет назад жил кровельщик, которого звали Вильям Подмор, и он крыл дома камышом и соломой. С тех пор и осталось за домом такое имя. Этот довод положил конец разногласиям.

Когда-то тут были два отдельных строения, но потом кто-то из предыдущих владельцев соединил их в одно, просто-напросто пробив двери в капитальной стене. Так получилось, что в доме две входные двери, две шаткие лестницы, ведущие на верхний этаж, и две ванны. И все комнаты соединяются между собой, что, может быть, не вполне удобно, если любишь побыть в одиночестве. Внизу находятся кухня, столовая и гостиная, а кроме того, еще и прежняя, вторая кухня, теперь чулан, в котором у Пенелопы хранятся соломенные шляпы, резиновые сапоги, холщовый фартук, цветочные горшки, корзинки, совки и цапки. Над чуланом на втором этаже расположена клетушка, забитая имуществом Ноэля, и дальше в ряд три более или менее просторные спальни. Та, что над кухней, – хозяйкина.

Но это еще не все: под самой крышей во всю длину дома тянется темный, пыльный чердак, а в нем хранится все, что Пенелопа не смогла заставить себя выбросить, когда перебиралась с Оукли-стрит, но для чего больше нигде не было места. Уже лет пять она давала себе обещание, что уж этой зимой обязательно все там разберет, но, поднявшись по шаткой лесенке и оглядевшись, из года в год, угнетенная грандиозностью задачи, малодушно откладывала ее решение на потом.

Сад, когда Пенелопа сюда переехала, был весь заросший, но это как раз и было интересно. Работа в саду была ее страстью, каждую свободную минуту она проводила на земле: выпалывала траву, вскапывала грядки и клумбы, возила навоз в тачке, вырубала засохшие кусты, сажала рассаду, отводила черенки, высевала семена. И теперь, по прошествии пяти лет, могла стоять и с законной гордостью смотреть на плоды своих трудов. Что теперь и делала, забыв об Оливии, забыв о времени.

С ней это в последние годы часто случалось. Время перестало много значить для Пенелопы. Одно из преимуществ старости – не надо постоянно куда-то торопиться. Всю жизнь Пенелопа о ком-нибудь заботилась, а вот теперь ей не о ком думать, кроме как о самой себе. И есть время на то, чтобы постоять, посмотреть. Вспомнить. И видится все шире, как с вершины после долгого, трудного восхождения, ведь раз уж ты здесь, глупо не постоять и не полюбоваться сверху.

Конечно, у старости есть и свои недостатки: одиночество, болезни. Об этом много говорят. Но в шестьдесят четыре года – возраст не такой уж древний – Пенелопа своим одиноче-

ством просто наслаждалась. Раньше она никогда не жила одна, и сначала ей было непривычно, но постепенно она научилась ценить возможность быть предоставленной самой себе, позволять себе разные предосудительные вольности – вставать, когда хочется, чесать, где чешется, засиживаться до двух часов ночи, чтобы послушать хороший концерт. Или вот еще – еда. Пенелопа всю жизнь готовила на семью и кормила друзей. Она была отличная кухарка, но с течением времени обнаружила в себе тайную неприличную склонность закусывать на ходу и чем попало. Например, неподогретой фасолью, чайной ложечкой прямо из банки. Или покупной сметанной заправкой для салата, намазанной на свежий зеленый лист. Или простым соленым огурцом, какие она, когда жила на Оукли-стрит, постеснялась бы выставить на стол.

Да и в болезни тоже нашлась своя положительная сторона. После той небольшой заминки, которую глупые врачи называли инфарктом, Пенелопа впервые осознала неотвратимость своей смерти. Это ее не испугало, потому что она смерти никогда не боялась, но обострило все чувства и напомнило о том, что церковь зовет грехом упущения. Пенелопа не была религиозна и о грехах своих, которых с церковной точки зрения у нее, конечно, была уйма, обычно не размышляла, но теперь стала перебирать в уме все, что не удосужилась в жизни сделать. И тут, наряду с совершенно невыполнимыми фантазиями – вроде подъема на горные пики Бутана или перехода через Сирийскую пустыню, чтобы увидеть развалины Пальмиры, от чего теперь приходилось окончательно отказаться, у нее появилось неотступное желание, даже какая-то внутренняя потребность съездить в Порткеррис.

Сорок лет – это слишком много. Сорок лет прошло с тех пор, как она села с Нэнси в поезд, попрощалась с отцом и уехала в Лондон. Год спустя он умер, и она, оставив Нэнси на свекровь, вернулась в Корнуолл на похороны. После похорон они с Дорис два дня разбирали в Карн-коттедже его вещи, а потом надо было возвращаться в Лондон к неотложным обязанностям жены и матери. И с тех пор Пенелопа в Порткеррисе больше не бывала. А ведь хотелось. Отвезу туда детей на каникулы, говорила она себе. Пусть поиграют на пляже, как я когда-то, побродят по вересковым зарослям, нарвут цветов. Но так это и не осуществилось. Почему? Куда с молниеносной быстротой пронеслись годы, будто вода в быстрой речке под мостом? Возможности вроде были, но все упущены, она не воспользовалась ни одной: то времени не было, то денег на билеты; да и забот хватало – у нее на руках был большой дом, и отношения с жильцами, и воспитание детей, и Амброз.

Несколько лет она сохраняла Карн-коттедж за собой, не желая признать, что его нужно продать, что она все равно никогда больше в нем жить не будет. Она сдавала его через агентство жильцам и упорно твердила себе, что когда-нибудь еще вернется. Возьмет детей и покажет им квадратный белый дом на горе, и при нем таинственный сад за высокой изгородью, и вид на залив, и маяк.

Так продолжалось, покуда однажды, когда жизнь стала особенно трудна, из агентства не сообщили, что пожилой супружеской чете приглянулся ее дом и они хотят его купить, чтобы поселиться в нем на старости лет. Люди эти были еще и очень богаты. У Пенелопы с тремя детьми, которым надо было дать образование, с мужем, от которого не только не было помощи, но еще и самого приходилось содержать, просто не оставалось иного выхода, как принять выгодное предложение. И Карн-коттедж был продан.

С тех пор она перестала думать о поездке в Корнуолл. Правда, после продажи лондонского дома заикнулась было раз-другой о том, чтобы поселиться в Порткеррисе в каком-нибудь каменном доме с пальмой, но этому решительно воспротивилась Нэнси, и наверное, правильно. К тому же, надо отдать Нэнси должное, Пенелопа, едва только увидела «Подмор Тэтч», сразу же поняла, что хочет жить только здесь и нигде больше.

И все же... все же хорошо было бы разок, один разок, до «отбоя» съездить в Порткеррис. Остановиться можно у Дорис. Взять бы с собой еще Оливию...

Оливия заехала в открытые ворота. «Альфасад» покатил по скрежещущему гравию, мимо старого покосившегося сарая, исполняющего обязанности гаража и склада садового инвентаря, и остановился у второй входной двери маминого дома. Сквозь стекло в верхней половине двери были видны маленькая прихожая, пол в пластиковых квадратах, плащи и пальто на вешалке, шляпы, надетые на рога потраченной молью оленьей головы, зонтичная стойка из белого с синим фаянса, топорщащаяся зонтиками, тростями и даже двумя клюшками для гольфа. Из прихожей Оливия прошла прямо в кухню, всю наполненную теплым, аппетитным духом жарящегося мяса.

– Мамочка?

Ответа не было. Оливия вышла в зимний сад и сквозь стекло сразу увидела Пенелопу на противоположном краю лужайки – она стояла, прижав к боку пустую бельевую корзину и задумчиво глядя перед собой, а ветер шевелил ее растрепавшиеся волосы.

Оливия распахнула дверь в сад и шагнула через порог на просвеченный солнцем холод.

– Ау!

Пенелопа очнулась, увидела дочь и заторопилась к ней по стриженной траве.

– Дорогая моя!

Оливия еще не видела мать после болезни и внимательно всмотрелась, ища и боясь найти в ее облике перемены. Но она только немного похудела, а в остальном казалась такой же, как всегда, – вид здоровый, щеки разругались, молодая, упругая, длинноногая. Хорошо бы не рассказывать ей о смерти Космо, чтобы сохранилось на ее лице это счастливое выражение. Люди остаются живыми, пока кто-нибудь не сообщит тебе об их смерти. Хорошо бы вообще никто не приносил никому таких известий.

– Оливия, как я тебе рада!

– Что это ты там стояла с пустой корзиной в руках?

– Просто стояла, и все. Смотрела. Чудесный день. Доехали благополучно? – Она заглянула Оливии через плечо. – А где же твой друг?

– Вышел у трактира купить тебе подарок.

– Ну, это совершенно лишнее.

Пенелопа на ходу кое-как вытерла ноги у порога и вошла в дом. Оливия вошла следом, закрыла за собой дверь. В зимнем саду на каменном плитчатом полу были расставлены плетенные кресла и табуретки, и на всех сиденьях – выцветшие диванные подушки. Здесь было очень тепло, душно от зелени и влажной земли и нежно пахло цветущими фрезиями, любимым цветком Пенелопы.

– Он просто проявил деликатность. – Оливия швырнула сумку на светлый сосновый столик. – Мне надо тебе кое-что сообщить.

Пенелопа поставила рядом с сумкой бельевую корзину и повернулась к дочери. Улыбка медленно сошла с ее губ, прекрасные темные глаза взглянули встревоженно. Но голос, когда она проговорила: «Оливия, на тебе лица нет», был тверд и ясен, как всегда.

Это придало Оливии храбрости. Она сказала:

– Да, я знаю. Мне только утром стало известно. К сожалению, печальная новость. Умер Космо.

– Космо? Космо Гамильтон? Умер?

– Звонила Антония с Ивисы.

– Космо, – повторила Пенелопа, и лицо ее выразило боль и печаль. – Не могу поверить... Такой славный человек. – Она не заплакала, но Оливия и не ожидала от нее слез, мать не из тех, кто плачет. Она за всю жизнь ни разу не видела Пенелопу плачущей, но румянец схлынул с ее щек, и рука сама прижалась к груди, словно стараясь унять сердцебиение. – Славный, милый человек. Голубка моя! Ах, какое горе! Вы так много значили друг для друга. Как ты?

– А ты-то как? Я боялась тебе сказать.

– Я ничего. Это от неожиданности. – Она слепо протянула руку, нащупала стул и медленно, тяжело села.

Оливия с тревогой посмотрела на нее, окликнула:

– Мамочка?

– До чего глупо. Мне как-то немного не по себе.

– Может быть, глоток коньяка?

Пенелопа слабо улыбнулась, закрыла глаза.

– Прекрасная мысль.

– Сейчас принесу.

– Он стоит в...

– Я знаю, где он стоит. – Оливия скинула свою сумку на пол, пододвинула скамейку. – Положи сюда ноги... сиди и не двигайся... я сейчас, в одно мгновение.

Бутылка с коньяком стояла в буфете в столовой. Оливия достала ее, принесла в кухню, наполнила две лекарственные рюмки. Рука у нее дрожала. Горлышко бутылки звякнуло о край рюмки. Несколько капель пролилось на стол. Но это не имело значения. Ничего сейчас не имело значения, кроме мамочки и ее ненадежного сердца. Только бы не еще один инфаркт! Господи, только бы у нее не было еще одного инфаркта! С двумя рюмками Оливия вернулась в зимний сад.

– Вот.

Она вложила рюмку в руку матери. Обе молча сделали по несколько глотков. От неразбавленного коньяка сразу стало теплее и покойнее. Пенелопа слабо улыбнулась:

– Как ты думаешь, это старческая слабость – когда вдруг во что бы то ни стало нужно немедленно выпить глоток спиртного?

– Вовсе нет. Мне тоже нужно было выпить.

– Бедняжка моя. – Пенелопа отпила еще. Цвет возвращался к ее щекам. – Ну вот. А теперь расскажи мне все сначала.

Оливия рассказала. Хотя рассказывать-то было почти нечего.

– Ты его любила, – сказала Пенелопа, когда она замолчала, не спрашивая, а утверждая.

– Да. За тот год он стал частью меня. Он оказал на меня такое сильное влияние, как никто за всю жизнь.

– Тебе надо было выйти за него замуж.

– Он этого и хотел. Но я не могла, мамочка, понимаешь? Не могла.

– Очень жаль.

– Не жалею. Мне так лучше.

Пенелопа кивнула, соглашаясь.

– А как Антония? Что с ней? Бедная девочка. Она присутствовала при этом?

– Да.

– Что с ней будет? Останется жить на Ивисе?

– Нет. Это невозможно. Дом не был собственностью Космо. Антонии негде жить. Ее мать вышла замуж, живет на севере. И по-видимому, средств у нее нет.

– Что же Антония собирается делать?

– Возвращается в Англию. На той неделе. В Лондон. Пару дней погостит у меня. Хочет устроиться на работу.

– Но она еще так молода. Сколько ей теперь?

– Восемнадцать. Уже не ребенок.

– Девочкой она была такая обаятельная.

– Ты хотела бы с ней повидаться?

– Даже очень.

– А ты бы... – Оливия отпила еще глоток коньяка. Он обжег горло, разлился теплом в желудке, прибавил ей силы и храбрости. – Ты не хочешь, чтобы она погостила у тебя? Пожила бы месяц или два?

– Почему ты спрашиваешь?

– По нескольким причинам. Во-первых, я думаю, Антонии понадобится время, чтобы собраться с мыслями, осмотреться и решить, чем ей в жизни заняться. А во-вторых, Нэнси не дает мне покоя, говорит, что доктора не велят тебе после инфаркта жить одной.

Оливия объяснила все без околичностей, прямо, как всегда говорила с матерью, не кривя душой и не прибегая к обходным маневрам. И в этом был один из секретов их особой душевной близости и согласия, благодаря которым они никогда не ссорились даже в самых трудных обстоятельствах.

– Доктора ничего не понимают, – самоуверенно возразила Пенелопа, тоже взбодренная коньяком.

– И я так думаю. Но Нэнси не согласна. И до тех пор, пока с тобой кто-нибудь не поселится, она не выпустит из рук телефонную трубку. Так что, видишь, согласившись приютить Антонию, ты заодно и мне окажешь большую услугу. И тебе самой будет приятно. Тогда на Ивесе вы с ней целый месяц шептались и хихикали. Ты будешь не одна и ей поможешь в трудную пору.

Но Пенелопа еще сомневалась.

– А не будет ли ей со мной скучно? Тут ведь нет никаких развлечений, а она в свои восемнадцать лет уже, наверное, вошла во вкус современной веселой жизни.

– Не показалась она мне по телефону любительницей веселой жизни. Какой была раньше, такой, по-моему, и осталась. Ну а если Антонию потянет к цветным огням, дискотекам и кавалерам, можно познакомить ее с Ноэлем.

Боже упаси, подумала Пенелопа. Но вслух не сказала.

– Когда она приезжает?

– Собирается прилететь в Лондон во вторник. Я могу доставить ее к тебе к исходу той недели.

Оливия вопросительно смотрела на мать, стараясь мысленно внушить ей утвердительный ответ. Но Пенелопа молчала и думала теперь, видимо, о чем-то постороннем и забавном, так как выражение лица у нее сделалось смешливым, глаза улыбались.

– Ты о чем это?

– Да вот, вспомнила вдруг тот пляж, где Антония училась виндсерфингу, и как там повсюду валялись голые тела, прокопченные до черноты, эти пожилые дамы с обвислыми грудями. Ну и зрелище! Помнишь, как мы смеялись?

– Помню и никогда не забуду.

– Счастливое было время.

– Да. Очень. Так можно ей приехать?

– Антонии? Ну конечно, если она согласится. И пусть живет, сколько захочет. Мне будет только лучше: я снова стану молодой.

Так, когда подошел Хэнк, кризис уже разрешился: предложение Оливии было принято, боль, потрясение и печаль на время отодвинуты в сторону. Жизнь продолжалась. Согретая и ободренная коньяком и разговором с матерью, Оливия снова чувствовала себя хозяйкой положения. Услышав звонок, она вскочила и пошла через кухню встретить Хэнка. В руке у него был бумажный пакет, который он, когда состоялось знакомство, вежливо вручил Пенелопе. Она поставила пакет на кухонный стол и, принадлежа к той породе людей, которым только и стоит преподносить подарки, поспешила развернуть бумагу. На свет появились две бутылки, и, когда с них содрали обертку, ее восторг был лучше всякой награды:

– О, «Шато латур гран крью»! Какая прелесть! Как это вы уломали мистера Ходжкинса из «Сьюдли Армз» уступить их вам?

– По совету Оливии я только упомянул, кому они предназначаются, как он со всех ног бросился выполнять мою просьбу.

– А я и не подозревала, что у него хранятся в погребе такие сокровища. Жизнь полна чудес. Большое вам спасибо. Мы их выпьем за обедом. Но только я уже открыла другое вино...

– Тогда это приберегите для какого-нибудь торжества, – предложил Хэнк.

– Так и сделаю.

Она поставила бутылки на буфет, и только тогда Хэнк снял пальто. Оливия повесила его рядом со старыми плащами в прихожей, и все прошли в гостиную. Это была довольно тесная комната, и она не переставала удивляться тому, как много своих любимых вещей ухитрилась разместить здесь ее мать. Старый диван и кресла с полосатой обивкой, прикрытые яркими индийскими покрывалами и декоративными подушечками. Бюро, как всегда с поднятым верхом, заваленное письмами и счетами. Рабочий столик, лампы, драгоценные половички поверх машинного ковра. Книги, картины, высушенные букеты в фарфоровых кувшинчиках. На всех свободных горизонтальных поверхностях – фотографии в рамках, фигурки, серебряные безделушки. И повсюду разбросаны журналы, газеты, каталоги семян, а в углу дивана неоконченное вязанье. Здесь были собраны в четырех стенах все увлечения деятельной жизни. Но внимание Хэнка, как каждого впервые входящего сюда человека, сразу же привлекла картина над большим открытым очагом.

Живописное полотно размером примерно пять футов на три занимало в комнате главенствующее положение. «Собиратели ракушек». Оливии и самой никогда не надоедало его разглядывать, хотя ей с детских лет была знакома каждая подробность. Смотришь – и чувствуешь на лице соленый морской ветер. По бурному небу бегут облака; море все в пляшущих белых бурунах, волны прибоя с шипением разбиваются о береговую отмель. Нежные розовато-серые оттенки песка; мелкие лужи, оставленные отливом, прозрачно отсвечивают невидимым солнцем. И три детские фигуры в нижнем левом углу картины: две девочки в соломенных шляпах и высоко подоткнутых платьях и мальчик. Босые ноги покрыты коричневым загаром, три головы, склоненные над красным ведерком, разглядывают что-то внутри.

– Ого! – Хэнк растерялся и не находил слов. – Вот так картина!

– Правда замечательная? – гордо и восторженно подхватила обрадованная Пенелопа. – Моя самая большая драгоценность.

– Бог ты мой! – Он поискал глазами подпись. – Чья это?

– Моего отца. Лоренса Стерна.

– Ваш отец – Лоренс Стерн? А Оливия мне ничего не сказала.

– Я оставила это маме. Она расскажет лучше.

– А я думал, он... мне казалось... что он прерафаэлит.

Пенелопа кивнула:

– Правильно.

– А это больше похоже на импрессионизм.

– Верно. Интересно, да?

– Когда она написана?

– Около тысяча девятьсот двадцать седьмого года. У отца была студия в Порткеррисе, на северном берегу, и он писал прямо из окна. Картина называется «Собиратели ракушек», девочка слева – это я.

– Но почему же манера совсем другая?

Пенелопа пожала плечами:

– По разным причинам. Во-первых, всякий художник должен развиваться, двигаться вперед, иначе он ничего не стоит. А кроме того, у отца к этому времени начался артрит, и он уже физически не способен был выписывать все так тонко, тщательно, подробно, как раньше.

– Сколько же ему было лет?

– В двадцать седьмом? Шестидесять два, я думаю. Я у него поздний ребенок, он женился только в пятьдесят пять лет.

– У вас есть еще его работы?

Хэнк обвел взглядом стены, увешанные картинами, словно на выставке.

– Не здесь, – отозвалась Пенелопа. – Это в основном полотна его знакомых. Но есть еще два парных панно, неоконченные, они висят на лестнице. Это его самая последняя работа, он тогда уже с трудом удерживал в пальцах кисть из-за своего артрита. Потому и не завершил их.

– Из-за артрита? Как жестока судьба!

– Да. Это очень печально. Но он очень мужественно, философически к этому относился. Любил повторять: «Я за свои деньги накопался вволю». И больше ни слова. Но, конечно, для него это было ужасно. Еще долго после того, как перестал работать, он держал студию: бывало, заскучает, или «Черный Пес за горло ухватит», как он говорил, и уйдет из дому к себе в студию, а там просто сядет у окна и сидит, глядя на берег и море.

– А ты его помнишь? – спросил Хэнк у Оливии.

Она покачала головой:

– Нет. Я родилась, когда его уже не было в живых. А вот моя сестра Нэнси родилась в его доме в Порткеррисе.

– Он у вас еще есть, этот дом?

– Нет, – печально ответила Пенелопа. – В конце концов пришлось его продать.

– Вы там бываете?

– Я не была в Порткеррисе сорок лет. Но странно, как раз сегодня утром думала, что надо бы мне все-таки туда съездить, взглянуть еще раз на старые места. – Она обернулась к Оливии. – Почему бы тебе не поехать со мной? Остановиться можно у Дорис.

– Я... – Оливия, застигнутая врасплох, замялась, не зная, что сказать. – Даже не знаю...

– Можно поехать в любое удобное для тебя время... – Пенелопа вдруг прикусила губу. – Какая же я глупая. Конечно, ты не можешь принимать такие внезапные решения.

– Мапочка, мне очень жаль, но это действительно довольно сложно. Отпуск мне полагается не раньше лета, и я уже уговорила ехать с друзьями в Грецию. У них там вилла и яхта.

Это была не совсем правда: разговоры такие имели место, но окончательно еще ничего не было решено; однако свободные дни у нее всегда на вес золота, и она так мечтала о солнце. Едва договорив, Оливия сразу же испытала угрызения совести, потому что взгляд Пенелопы затуманило разочарование, которое мгновенно сменила понимающая улыбка.

– Ну конечно. Я просто не подумала. Пришло в голову, и все. Совершенно не обязательно, чтобы со мной кто-то ехал.

– Одной в машине туда слишком далеко.

– Можно прекрасно добраться и поездом.

– Возьми с собой Лалу Фридман. Она с удовольствием съездит в Корнуолл.

– Лалу? О ней я не подумала. Ну хорошо, посмотрим... – И, сменив тему, Пенелопа обернулась к Хэнку. – Ну вот, мы тут болтаем, как сороки, а бедному человеку даже выпить нечего. Что вам налить?

Обед проходил неторопливо, непринужденно и был необыкновенно вкусным. Пока ели нежный розовый ростбиф под хреном, любезно нарезанный Хэнком, хрустящие жареные овощи и йоркширский пудинг с густой коричневой подливой, Пенелопа засыпала Хэнка вопросами. Про Америку, про его дом, про жену и детей. Не для того, чтобы по долгу хозяйки поддерживать застольную беседу, а из искреннего интереса. Люди ее всегда интересовали, осо-

бенно новые знакомые, приезжие из дальних стран, тем более если у них приятная наружность и хорошие манеры.

– Вы живете в Долтоне, штат Джорджия? Мне это трудно себе представить: Долтон, Джорджия! В квартире, или у вас есть дом с садом?

– У меня есть дом и сад, но только мы это называем двором.

– В таком климате, я думаю, можно выращивать что угодно.

– К сожалению, я мало в этом разбираюсь. Просто нанимаю садовника, и он поддерживает порядок. Стыдно признаться, но сам я даже газонов своих не стригу.

– И очень разумно. Чего же тут стыдиться?

– А вы, миссис Килинг?

– Мапочка никогда не использует наемный труд, – сказала Оливия. – Все, что ты видишь за окном, создано исключительно ее руками.

Хэнк удивленно вздернул брови.

– Даже не верится. И потом, ведь тут столько работы!

Пенелопа рассмеялась:

– Ну что вы так испуганно на меня смотрите? Для меня это не труд, а огромное удовольствие. Однако есть предел нашим возможностям, и с понедельника под барабанный бой и звуки фанфар у меня начинает работать садовник.

Оливия раскрыла рот от удивления.

– Вот как? В самом деле?

– Я же сказала тебе, что попробую кого-нибудь подыскать.

– Да, но мне как-то трудно было в это поверить.

– В Пудли есть очень хорошая фирма «Помощь садоводу». По-моему, название не слишком удачное, но это к делу не относится; так вот, они будут три раза в неделю присылать сюда молодого человека, и землю копать придется в основном ему, а если он покладистый, то можно будет поручить ему и пилить дрова или приносить уголь в дом. Словом, посмотрим, как получится. Если это окажется неуклюжий лентяй или его услуги будут стоить слишком дорого, всегда можно расторгнуть соглашение. Хэнк, пожалуйста, возьмите еще кусок.

Обильный обед затянулся чуть не до вечера. Встали из-за стола где-то около четырех часов. Оливия вызвалась заняться посудой, но мать не позволила. Вместо этого они надели пальто и вышли в сад подышать свежим воздухом. Пенелопа вела их по своим владениям, показывая, где что растет; Хэнк помог ей подвязать ветку клематиса, а Оливия нашла под старой яблоней расцветшие анемоны и нарвала маленький букетик, чтобы взять с собой в Лондон.

Когда пора было прощаться, Хэнк поцеловал Пенелопу.

– Не знаю, как вас благодарить. Было просто замечательно.

– Приезжайте опять.

– Может, и приеду когда-нибудь.

– А когда вы возвращаетесь в Америку?

– Завтра утром.

– Что так быстро? Жалко. Но мне было очень приятно с вами познакомиться.

– Мне тоже.

Он отошел к автомобилю и, открыв дверцу, стал ждать Оливию.

– До свидания, мамочка.

– Моя дорогая! – Они обнялись. – Мне очень жаль Космо. Но ты не грусти. Просто будь благодарна судьбе за то, что он у тебя был. Нельзя оглядываться назад. Не стоит ни о чем сожалеть.

– Да. Ни о чем, – с мужественной улыбкой отозвалась Оливия.

– И если от тебя не поступит других известий, я буду ждать тебя через неделю с Антонией.

– Я еще позвоню.

– До свидания, дорогая моя.

Они уехали. Оливия уехала. Ее дочь, в красивом коричневом пальто, с поднятым до ушей норковым воротничком, с букетиком анемонов, зажатым в кулаке. Совсем как в детстве. Пенелопе было ее так жаль! Для родителей дети всегда остаются детьми, даже если они преуспевающие деловые дамы тридцати восьми лет. Сама ты можешь вынести любые страдания, но видеть, как страдает твое дитя, невыносимо. Душа Пенелопы полетела за Оливией в Лондон, а тело, уставшее после дня трудов, увело ее обратно в дом.

К утру ленивая усталость не прошла. И на душе было тяжело, непонятно почему. Но, когда Пенелопа окончательно проснулась, она вспомнила: Космо. За окном лило, гостей к воскресному обеду на этот раз не ожидалось, и она позволила себе до половины десятого проваляться в постели. Потом встала, собралась и пошла на почту получить воскресные газеты. В церкви звонили колокола, кое-кто из прихожан сворачивал под кладбищенские ворота, торопясь к утренней службе. Пенелопа в который раз пожалела, что не религиозна по-настоящему. Она, конечно, верила в Бога и посещала церковь в дни Рождества и Пасхи, потому что во что-то верить надо, иначе жизнь невыносима. Но сейчас, при виде этих людей, гуськом идущих по дорожке между старинными покосившимися надгробиями, ее потянуло присоединиться к ним и в этой общности обрести утешение. Но нет. Это и раньше у нее не получалось, и теперь не получится. И Бог тут ни при чем; просто такой уж у нее склад ума.

Вернувшись домой, Пенелопа разожгла камин и села читать «Обсервер», а потом собрала себе поесть: кусок холодного ростбифа, яблоко и стакан вина. Поев на кухне, вернулась в гостиную и прилегла вздремнуть на диван. Когда проснулась, дождь уже кончился. Надев сапоги и старую куртку, Пенелопа вышла в сад. Розы она обрезала и подкормила компостом осенью, но все-таки еще остались сухие побеги, и она приступила к работе, углубившись в колючие заросли.

Как всегда, за работой мысли ее были целиком поглощены цветами и Пенелопа утратила ощущение времени, поэтому очень удивилась, когда, выпрямив затекшую спину, увидела двух человек, идущих к ней по траве, – она не слышала, как подъехала машина, и гостей сегодня не ждала.

Это были девушка и мужчина. Рослый и очень красивый молодой человек, темноволосый, синеглазый, шел к ней, руки в карманы. Амброз. У Пенелопы екнуло сердце, но она тут же одернула себя. Глупости! Это был не Амброз, явившийся к ней из прошлого, а ее сын Ноэль, который так похож на своего покойного отца, что всякий раз при его неожиданном появлении ей на минуту становилось не по себе.

Ноэль и, естественно, с девушкой.

Пенелопа успокоилась, сумела улыбнуться, сунула в карман садовые ножницы, сняла рукавицы и выбралась из розового куста.

– Привет, ма.

Подойдя к матери и все так же не вынимая рук из карманов, он наклонился и чмокнул ее в щеку.

– Какой сюрприз! Откуда ты взялся?

– Мы гостили в Уилтшире. И решили заехать по пути, узнать, как ты тут.

Уилтшир? Заехать по пути из Уилтшира? Да это огромный крюк.

– Ма, знакомься, это Амабель.

– Здравствуйте.

– Привет, – произнесла Амабель, не протягивая руки.

Маленькая, как девочка, волосы рассыпаны по плечам, точно водоросли, круглые бледно-зеленые крыжовины-глаза. Одета в просторное, по шиколотки, твидовое пальто, которое сразу показалось Пенелопе знакомым, а со второго взгляда она узнала в нем старое пальто Лоренса Стерна, непонятным образом исчезнувшее при переезде из Лондона.

Она снова повернулась к Ноэлю:

– Ты гостил в Уилтшире? У кого же?

– Да у одних людей, Эрли, это знакомые Амабель. Но мы сразу после второго завтрака уехали, и я подумал... ведь я не видел тебя после больницы, дай-ка заеду, узнаю, как у тебя дела. – Он улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой. – Надо сказать, ты выглядишь потрясающе. Я думал, увижу тебя бледной, слабой, лежащей на диване...

Упоминание о больнице рассердило Пенелопу.

– Паника на пустом месте. Ничего со мной не было. Нэнси, как всегда, сделала из мухи слона. Терпеть не могу, когда надо мной охают. – Она тут же раскаялась в своих словах, ведь он так трогательно приехал издалека навестить мать. – Славно, что ты беспокоишься обо мне, но у меня все в полном порядке. И я очень рада вашему приезду. Который час? Боже, почти половина пятого! Выпьете у меня чаю? Идемте в дом. Ты отведи Амабель, Ноэль, а я через две минуты присоединюсь к вам, только сниму сапоги.

Они пошли по траве ко входу со стороны зимнего сада, а Пенелопа постояла, посмотрела им вслед, а потом вернулась в дом через черный ход, где переобулась в туфли, повесила куртку, затем поднялась наверх, прошла к себе через пустые спальни, вымыла руки, причесалась. Спустившись по второй лестнице, она поставила кипятить чайник, собрала поднос. В жестянке нашлась половина фруктового торта. Ноэль его любит, а у этой девочки, Амабель, вид такой, будто она всю жизнь недоедает. Может быть, анорексия? Похоже, что так. Ноэль всегда находит себе каких-то немыслимых подружек.

Пенелопа заварила чай и внесла поднос в гостиную. Амабель, уже без пальто, сидела, забившись с ногами в угол дивана, похожая на тощего котенка, а Ноэль подкладывал поленья в прогоравший камин. Пенелопа поставила поднос. Амабель сказала:

– Потрясный дом.

Пенелопа постаралась ответить как можно дружелюбнее:

– Правда, уютный?

Глаза-крыжовины обратились на «Собирателей ракушек».

– Потрясная картина.

– На нее все обращают внимание.

– Это Корнуолл?

– Да, Порткеррис.

– Я так и знала. Я жила там один раз в каникулы, но все время лил дождь.

– Надо же.

Больше Пенелопа не нашла что сказать и, заполняя паузу, стала разливать чай. Когда с этим было покончено, чашки розданы и торт нарезан, она попробовала возобновить беседу:

– Ну а теперь расскажите, как вам было в гостях? Весело?

Да, очень весело, сообщили они. Домашняя вечеринка на десять человек, в субботу скачки, потом все ужинали у кого-то из соседей, потом были танцы, спать легли только в четыре часа.

На взгляд Пенелопы, это было ужасно, но она только сказала:

– Да? Замечательно!

Оказалось, что больше им сообщить нечего, и ей снова пришлось взять дело в свои руки. Она стала рассказывать, что к ней приезжала Оливия с приятелем-американцем, но Амабель подавила зевоту, а Ноэль, сидевший на скамеечке у камина, сложив чуть не пополам длинные ноги и поставив чашку с чаем рядом на пол, слушал хотя и вежливо, но без особого интереса. Говорить ли ему о смерти Космо? Пенелопа подумала и решила, что не стоит. Может быть, поделиться новостью, что к ней приедет пожить Антония? Пожалуй, не надо и этого. С Космо Ноэль не был знаком, и семейные дела его мало занимали. Его вообще, по совести говоря, мало что занимало, кроме собственной персоны, он пошел в отца не только внешне, но и характером.

Пенелопа собралась было справиться о его работе и уже открыла рот, чтобы спросить, как идут дела, но он опередил ее:

– Ма, кстати, о Корнуолле... – Они что, туда ездили? – Ты знаешь, что одна из картин твоего отца будет на этой неделе продаваться с аукциона в «Бутби»? «У источника». По слухам, она должна пойти где-то за двести тысяч. Интересно будет, правда?

– Я об этом знаю. Оливия сказала вчера за обедом.

– Тебе надо поехать в Лондон. Чтобы лично присутствовать. Должно быть очень занятно.

– А ты собираешься там быть?

– Если сумею выбраться с работы.

– Удивительно, как вошли в моду эти старые полотна. И какие за них теперь деньги платят. Бедный папá в гробу бы перевернулся, если бы знал.

– «Бутби», я думаю, на них прилично нагрел руки. Ты видела, какую рекламу они поместили в «Санди Таймс»?

– Нет, «Таймс» я еще не успела посмотреть.

Неразвернутая газета лежала на стуле у нее за спиной. Ноэль протянул руку, взял газету, нашел то, что искал, и, перегнув, показал матери. Пенелопа увидела внизу страницы традиционную рекламную шапку художественного салона «Бутби».

– Вот это: «Второстепенная работа или крупное открытие?»

Она пригляделась к мелкому шрифту. Сообщалось, что через аукцион «Бутби» были проданы два небольших полотна, близких по манере и сюжету. Одно пошло за триста сорок фунтов, а за другое уплачено свыше шестнадцати тысяч.

Чувствуя на себе взгляд Ноэля, Пенелопа стала читать дальше: «Аукцион „Бутби“ немало способствовал серьезной переоценке викторианской живописи, еще недавно совершенно не пользовавшейся вниманием. Наши компетентные консультации – к услугам потенциальных клиентов. Если у вас есть что-нибудь относящееся к этому периоду, что вы хотели бы оценить, почему бы вам не позвонить нашему эксперту мистеру Рою Брукнеру, который с удовольствием приедет и выскажет свое мнение совершенно бесплатно».

Дальше шли адрес и номер телефона и больше ничего.

Пенелопа свернула газету и отложила в сторону. Ноэль ждал. Она подняла голову и посмотрела на него:

– Почему ты хотел, чтобы я это прочитала?

– Просто подумал, что, может, ты заинтересуешься.

– Заинтересуюсь возможностью оценить мои картины?

– Не все, конечно. Картины Лоренса Стерна.

– Чтобы застраховать? – ровным голосом спросила Пенелопа.

– Ну, если угодно. Я не знаю, на какую сумму они у тебя застрахованы. Но имей в виду, сейчас пик рынка. На днях Милле был продан за восемьсот тысяч.

– Но у меня нет Милле.

– А ты... не склонна продать?..

– Продать?! Картины моего отца?

– Не «Собирателей ракушек», понятное дело. Но, может быть, панно?

– Они не окончены. И, наверное, ничего не стоят.

– Это ты так думаешь. Потому-то и надо обратиться к оценщику. Прямо сейчас. Если ты будешь знать их цену, ты, может быть, передумаешь. В конце-то концов, они висят на лестнице, кто их видит? Ты сама-то, наверное, на них не смотришь никогда. И даже не заметишь их отсутствия.

– Откуда ты знаешь, замечу я их отсутствие или нет?

Он пожал плечами:

– Нетрудно догадаться. Работа посредственная, сюжет тошнотворный.

– Если эти панно тебе так не нравятся, хорошо, что ты больше не живешь там, где они могут тебе досаждают. – Пенелопа отвернулась от сына. – Амабель, милочка, может быть, еще чашечку чаю?

Ноэль знал: когда мать начинает говорить высокомерным ледяным тоном, значит терпение ее на пределе и с минуты на минуту может последовать взрыв. Дальнейшие уговоры принесут больше вреда, чем пользы, они будут только подпитывать ее упрямство. Но, по крайней мере, ему удалось заговорить с ней на эту тему и заронить, так сказать, нужные семена. Потом, оставшись одна, она еще поразмыслит и, вполне возможно, примет его точку зрения. Поэтому Ноэль с обворожительной улыбкой, сделав на полном ходу поворот кругом, поспешил признать себя побежденным:

– Ладно. Твоя взяла. Не будем больше об этом.

Поставив чашку, он сдвинул манжету и взглянул на часы.

– Ты торопишься?

– Особенно расслаживаться, конечно, некогда. До Лондона путь неблизкий, и пробки на дорогах будут кошмарные. Да, ма, ты не знаешь, моя ракетка наверху? У меня назначена игра, а я нигде не могу ее найти.

– Не знаю, – ответила Пенелопа, радуясь перемене темы. Комнатка Ноэля на втором этаже была забита коробками и чемоданами с его одеждой, а также разным спортивным инвентарем, но сам Ноэль заглядывал туда редко. Он вообще почти никогда не оставался ночевать у матери в Глостершире, и Пенелопа не имела представления, что и где там лежит. – Может быть, поднимешься и взглянешь?

– Да, пожалуй. – Он разогнул длинные ноги, встал. – Я быстро.

Слышно было, как он поднимается по лестнице. Амабель опять украдкой зевнула. Она уныло сидела на диване, похожая на скорбную русалку.

– Вы давно знакомы с Ноэлем? – обратилась к ней Пенелопа нарочито светским тоном.

– Месяца три.

– А живете вы в Лондоне?

– Родители живут в Лестершире, а я в Лондоне снимаю квартиру.

– Работаете?

– Только если нужда заставляет.

– Не хотите ли еще чаю?

– Нет, но я бы съела еще кусок торта.

Пенелопа положила ей торт. Амабель стала есть. Что, если взять потихоньку и почитать газету? – подумала Пенелопа. Молодые девушки бывают обаятельны, а бывают удивительно несимпатичны, как, например, Амабель, которая не обучена даже тому, что жевать надо с закрытым ртом.

В конце концов, отказавшись от попыток занять гостью разговором, она убрала со стола, сложила все на поднос и понесла в кухню, а Амабель осталась сидеть, не пошевелившись.казалось, она вот-вот заснет.

К тому времени, как Пенелопа перемыла чашки и блюда, Ноэль еще не спустился. Неужели он так долго ищет ракетку? Решив помочь ему, Пенелопа поднялась наверх по второй лестнице, из кухни, и прошла через пустые спальни в ту часть дома, где находилась комнатка Ноэля. Дверь была открыта, но его внутри не было. Пенелопа остановилась в недоумении и услышала над головой осторожные шаги. На чердаке? Что ему там понадобилось?

Она увидела, что к квадратному люку в потолке приставлена старая садовая лестница.

– Ноэль?

Он появился почти сразу: сначала показались длинные ноги, потом он выбрался из люка и спустился по перекладинам.

– Господи, что это ты делал на чердаке?

Он подошел. Пиджак в пуху, паутина в волосах.

– Не мог найти чертову ракетку, подумал, может, на чердак попала.

– Глупости какие. На чердаке ничего нет, кроме старого хлама с Оукли-стрит.

Он рассмеялся, отряхивая ладонью пыль.

– Что верно, то верно.

– Должно быть, ты плохо искал. – Она вошла в забитую вещами комнатушку, сдвинула в сторону ворох старых пальто и крикетные щитки, и под ними оказалась пропавшая ракетка. – Вот же она, недотепа! Ты никогда не умел ничего найти.

– О черт! Прости. Спасибо.

Он взял ракетку у нее из рук. Пенелопа заглянула в его невинное лицо и сказала:

– Амабель одета в пальто моего отца. Когда ты успел прибрать его к рукам?

Но и это его не обескуражило.

– Прихватил во время великого переселения. Ты его никогда не носила, а оно – просто чудо.

– Следовало бы спросить разрешения.

– Знаю. Вернуть тебе его?

– Да нет, конечно. Оставь у себя. – Она представила себе, как Амабель ходит в этой роскошной рухляди. Она и, можно не сомневаться, еще многие другие девушки. – Уверена, что ты употребишь его с большей пользой, чем я.

Когда они возвратились в гостиную, Амабель спала. Ноэль разбудил ее, она поднялась, заспанная, зевая и тараща глаза. Он подал ей дедовское пальто, поцеловал мать на прощание, и они уехали. Пенелопа, проводив их, вернулась в дом. Она заперла дверь и постояла на кухне, охваченная каким-то тревожным чувством. Что Ноэль искал на чердаке? Он же отлично знал, что ракетки там нет и быть не может, что же он надеялся там найти?

Она прошла в гостиную, подложила еще одно полено в огонь. Брошенная газета по-прежнему лежала на полу. Пенелопа, наклонившись, подобрала ее и перечитала объявление «Бутби». А потом подошла к своему бюро и, аккуратно вырезав объявление, спрятала его в одном из ящичков.

Среди ночи она проснулась как от толчка. Поднялся ветер; в темноте за окнами снова лил дождь, струясь по дрожащим стеклам. «Я ездила в Корнуолл, но там все время лил дождь», – сказала Амабель. Порткеррис. Пенелопе вспомнилась ее комнатка в Карн-коттедже, где она девочкой лежала, как сейчас, в темноте, а далеко внизу шумно разливались по галечнику волны прибоя, и шевелились занавески на открытом окне, и лучи вращающегося маяка пробежали по беленым стенам. Вспомнился сад, где цвела пахучая эскалония; и засаженная деревьями дорога, уводящая на вересковые холмы; и вид, который открывался сверху: ширь залива, ослепительная морская синева. Море было одним из магнитов, тянувших ее в Корнуолл. В Глостершире тоже красиво, но моря здесь нет, а она так по нему соскучилась! Это правда, что Прошлое – другая страна. Но разве нельзя туда съездить? Что может ей помешать? Одна или с кем-нибудь, не важно. Пока еще не поздно, она отправится на запад и посетит тот щербатый коготь Британии, где когда-то жила и любила, где была молодой.

6. Лоренс

Ей было девятнадцать лет. Между сводками новостей, которые все с волнением кидались слушать, радио передавало модные танго и фокстроты – «Дождь идет», «Китайскую серебристую», музыку из последнего фильма с Фредом Астером и Джинджер Роджерс. Все лето городок был наводнен отдыхающими. Детские ведерки, лопатки, пахнущие резиной на жарком солнце пляжные мячи покупались нарасхват, светские дамы, живущие в гостинице «Замок», шокировали местных жителей, разгуливая по улицам в пляжных пижамах и загорая в вызывающих купальных костюмах – коротенькие трусики и открытые лифчики. Сейчас большая часть отдыхающих уехала, но те, кто остался, все еще бродили по берегу; тенты и кабинки пока не убрали.

Пенелопа шагала у кромки воды и смотрела на детей, играющих под присмотром нянь в форменных платьях, которые сидели в шезлонгах и вязали, то и дело бросая озабоченные взгляды на своих питомцев, а те строили замки из песка и с визгом бежали навстречу волнам по мелководью.

Было теплое солнечное воскресное утро, в такую погоду так и тянет из дому. Пенелопа позвала с собой Софи, но та сказала, что надо готовить обед, она решила запечь курицу в овощах. Папá после завтрака надел свою старую широкополую шляпу и пошел в мастерскую. Пенелопа зайдет за ним, они вместе вернутся в Карн-коттедж и, как всегда, сядут за уже накрытый стол.

– Попроси его не заходить в кафе, голубка. Сегодня не стоит. Возвращайтесь прямо домой.

Пенелопа обещала. К тому времени, как Софи подаст тушенную в овощах курицу, все уже свершится, вся страна будет знать.

Она подошла к концу пляжа: тут начинались скалы и был трамплин для прыжков в воду. Поднявшись по бетонным ступенькам, она оказалась на узкой, мощенной камнем улочке, которая вилась между неровными рядами выбеленных домов. Тут было великое множество кошек, которые ели рыбы внутренности, выброшенные в канаву, а над головой кружили чайки, они садились на коньки крыш и на трубы, оглядывали мир холодными желтыми глазами и хрипло кричали, приглашая неведомо кого подраться.

У подножия горы стояла церковь. Звонили колокола, сзывая прихожан на утреннюю службу, и люди – их было много, гораздо больше, чем всегда, – тяжело ступали по усыпанной галькой дорожке и исчезали в темноте за высокими дубовыми дверями. Собрался весь город: темные костюмы и платья, строгие шляпы, серьезные лица, неторопливая походка. Никто не улыбался, не говорил друг другу: «Доброе утро».

Было без пяти одиннадцать. Прилив наполовину схлынул, и в порту привязанные к причалу рыбацкие лодки опустились обнажившимися днищами на деревянные подпорки. Какая странная, неожиданная пустота! Только несколько мальчишек гоняли старую банку из-под сардин, да на той стороне залива рыбак чинил свою лодку. Удары молотка громко разносились над опустевшим берегом.

Раздался бой церковных часов, и облепившие колокольню чайки сорвались облаком белых плещущих крыльев, громко возмущаясь, что мелодичный звон их потревожил. Пенелопа медленно побрела дальше, засунув руки в карманы вязаного жакета; налетающий порывами ветер трепал ее длинные темные волосы, закрывая лицо. И вдруг она почувствовала, что совершенно одна. Вокруг не было ни души. Она пошла прочь из порта и, поднимаясь по крутой улочке, услышала из открытых окон последние удары Биг-Бена. Потом начал говорить голос. Ей представилось, как в домах все члены семьи собрались вокруг приемников и сидят рядом, поддерживая друг друга.

Теперь она была в самом сердце старого города, среди лабиринта мощенных камнем улочек, неожиданно выбегающих на площадь или на пустынное северное взморье. Она слышала, как на берегу с шумом разбиваются волны, чувствовала, как крепчает ветер. Он подхватывал подол ее ситцевого платья, трепал волосы. Она повернула за угол и увидела берег, лавочку миссис Томас – хозяйка открыла ее на час-полтора, чтобы продать газеты. Их кипы высились на прилавке возле двери, чернели заголовки, высокие и мрачные, будто надгробные памятники. В кармане у Пенелопы было несколько мелких монет. От волнения ей ужасно захотелось есть, она вошла в лавочку и купила за два пенса мятную шоколадку.

– Вышла погулять, деточка? – спросила миссис Томас.

– Да. Иду за папá. Он в мастерской.

– И умница, что гуляешь, утро-то какое славное.

– Да.

– Ну вот, наконец-то началось. – Она протянула Пенелопе плитку шоколада. – Мы объявили войну этим проклятым немцам, мистер Чемберлен сейчас сообщил. – Миссис Томас было шестьдесят лет. Она уже пережила одну мировую войну, так же как отец Пенелопы и миллионы ни в чем не повинных жителей Европы. В 1916 году был убит ее муж, а сейчас сына Стивена уже призывали рядовым в пехотный полк под командованием герцога Корнуэльского. – Так уж, видно, суждено. Нельзя больше оставаться в стороне. Несчастные поляки погибают тысячами.

– Да, конечно.

Пенелопа взяла шоколадку.

– Передай папе привет, деточка. Он в добром здравии, надеюсь?

– Да, спасибо.

– Ну, до свидания, деточка.

– До свидания.

Выйдя на улицу, Пенелопа вдруг сразу замерзла. Ветер разыгрался и насквозь пронизывал ее одежду – легкое ситцевое платье и вязаный жакет. Она развернула шоколадку и откусила. Война... Она подняла глаза к небу, словно ожидая, что в нем уже появились эскадрильи бомбардировщиков, какие она видела в кино: они шли друг за другом, точно волны прибое, накрывая огнем Польшу. Но в вышине были только быстро летящие облака. Война. Какое странное слово. Как смерть. Чем чаще ты его произносишь, чем глубже вдумываешься, тем дальше от тебя ускользает его смысл. Откусывая шоколад, она шла по узкой мощеной улочке к мастерской Лоренса Стерна. Сейчас он обнимет ее, а она скажет, что пора домой, мама ждет к обеду и просила сегодня не заглядывать в кафе и не пить пиво, и еще она ему скажет, что война все-таки началась.

Мастерская помещалась в старом рыбацком сарае, высоченном, щелястом, с огромным окном на север, из которого открывался вид на полосу берега и море. Давным-давно отец установил здесь большую пузатую печку и вывел через крышу трубу, но, даже когда печка раскалялась, в мастерской все равно было холодно.

Холодно было и сейчас.

Лоренс Стерн не работал уже больше десяти лет, но здесь всюду лежали принадлежности его ремесла, – казалось, он сейчас возьмет кисти и начнет писать. Это были холсты, мольберты, выдавленные наполовину тюбики с красками, палитры с засохшей краской. На задрапированном возвышении кресло для натуры, шаткий столик с гипсовой головой мужчины и стопкой старых номеров журнала «Живопись». Запах был такой знакомый, что защемило сердце: пахло масляными красками и скипидаром, соленым ветром, который врвался в открытое окно.

В углу Пенелопа увидела водные лыжи, на которых каталась летом, на стуле лежало забытое полосатое пляжное полотенце. Будет ли еще одно лето, подумала она, понадобятся ли кому-нибудь эти вещи?

Ветер рванул дверь и с грохотом захлопнул за ней. Лоренс обернулся. Он сидел боком у окна на диване, скрестив длинные ноги и опершись локтем о подоконник, и глядел на чаек, на облака, на сине-бирюзовое море, разбивающееся о берег в нескончаемой череде волн.

– Папá...

Ему было семьдесят четыре года. Был он высокий, породистый, с загорелым дочерна лицом в глубоких складках и голубыми молодыми глазами. Одет тоже как молодой человек, небрежно и экстравагантно: красные выцветшие парусиновые брюки, зеленый вельветовый пиджак, на шее вместо галстука косынка в горошек. Только волосы выдавали его возраст, они были белые как снег и, вопреки моде, длинные. Волосы и еще руки, скрюченные, искаленные артритом, который так жестоко отнял у него любимое искусство.

– Папá!

Взгляд у него был отрешенный. Казалось, он не узнал ее, словно это пришел кто-то чужой и принес злую весть – да, такой вестницей зла она и явилась сейчас к нему. Но вдруг он улыбнулся и поднял руку, привычным жестом ласково приветствуя ее.

– Доченька, любимая!

Она приблизилась к нему. Нанесенный ветром песок скрипел под ногами, точно по неструганым доскам пола рассыпали мешок сахара. Он обнял ее.

– Что ты ешь?

– Мятный шоколад.

– Аппетит испортишь.

– Ты всегда так говоришь. – Она отстранилась от него. – Отломить тебе?

Он покачал головой:

– Не надо.

Она положила остатки плитки в карман вязаного жакета и сказала:

– Война началась.

Он кивнул.

– Мне миссис Томас сказала.

– Знаю. Я уже давно знаю.

– Софи тушит курицу с овощами. Она не велела мне пускать тебя в «Шхуну», просила ничего там не пить. Велела сразу же идти домой.

– Ну что же, пойдем.

Но он не двинулся с места. Она закрыла и заперла окно. Теперь шум разбивающихся волн стал тише. Шляпа Лоренса лежала на полу. Она подняла ее и подала отцу, он надел ее и встал. Она взяла его под руку, и они отправились в долгий путь домой.

Карн-коттедж стоял на горе, высоко над городом, – небольшой квадратный белый домик посреди сада, окруженного высоким забором. Когда ты входил в калитку и закрывал ее за собой, то словно оказывался в тайном укромном мире, где никто не мог тебя найти, даже ветер. Хоть лето и кончилось, трава ярко зеленела, на цветниках Софи пылали хризантемы, георгины, львиный зев. Фасад дома был скрыт кустами цветущей красной герани с пестрыми, как у плюща, листьями и клематисом, который каждый год в мае покрывался облаком светло-лиловых цветов и пышно цвел все лето. За живой изгородью из эскалоний прятались огород и крошечный пруд, где плавали утки Софи, а по траве расхаживали куры.

Она ждала их в саду и уже срезала огромный букет георгинов. Услышав, как хлопнула калитка, Софи выпрямилась и пошла им навстречу, похожая на мальчика в своих брючках, сандалиях на веревочной подошве и бело-голубом в полоску свитере. Ее темные волосы были коротко подстрижены и не мешали любоваться стройной загорелой шеей и изящной головкой. Глаза у Софи были карие, большие и лучистые. Многие говорили, что самое красивое в ней – глаза, но стоило ей улыбнуться, и все тотчас понимали, что ошиблись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.